

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Пьер Левек

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ *МИР*

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 63.3(0)3
Л35

Pierre Leveque
LE MONDE HELLENISTIQUE
Armand Colin, Paris, 1969

Редакционная коллегия
К. З. АШРАФЯН, Г. М. БАУЭР,
чл.-кор. АН СССР Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН (председатель),
Р. В. ВЯТКИН, Э. А. ГРАНТОЕСКИЙ, И. М. ДЬЯКОНОВ,
С. С. ЦЕЛЬНИКЕР, И. С. КЛОЧКОВ
(ответственный секретарь)

Рецензенты
А. А. ВИГАСИН, А. Б. КОВЕЛЬМАН

Ответственный редактор,
автор комментариев и послесловия

Г. А. КОШЕЛЕНКО

Перевод с французского
Е. П. ЧИКОВОЙ

*Утверждено к печати редколлегией серии
«По следам исчезнувших культур Востока»*

Левек П.

Л 35 Эллинистический мир. Пер. с франц. Е. П. Чиковой. Коммент. и послесл. Г. А. Кошеленко.- М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.-252 с: ил.- (По следам исчезнувших культур Востока).

ISBN 5-02-016590-5

Книга французского историка Пьера Левека посвящена истории, экономике и культуре эллинистической эпохи (конец IV — I в. до н. э.), взаимосвязям эллинистического мира с государствами Востока и «варварской» периферией. Автором учтены достижения современной историографии, данные многочисленных археологических раскопок, производившихся в том числе и советскими археологами.

Л 0503010000-124 25-89 ББК 63.3(0)3
013(02)89

ISBN 5-02-016590-5

© Перевод, примечания
и послесловие:
Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

Введение

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

Александр было двадцать лет, когда в 336 г. умер его отец Филипп. Еще в тринадцать его отдали на воспитание Аристотелю. Мальчик, затаив дыхание, слушал учителя, который, казалось, знал все. Он давал читать своему ученику Пиндара, Геродота, Еврипида, приобщая его к эллинской культуре и прививая ему интерес к высоким духовным ценностям, который всю жизнь не покидал Александра. Уже в шестнадцать лет отец оставил сына вместо себя управлять страной, и юноша поневоле начал вникать в государственные дела. Когда же сраженный кинжалом Павсания Филипп скончался, армия провозгласила царем его старшего сына. Так началось правление Александра Великого, длившееся двенадцать с половиной лет и изменившее облик не только Эллады, но и всего восточного мира.

ГЕРОЙ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕМ СВЫШЕ

В личности Александра удивительным образом сочетались такие качества, как осторожность и рискованность, рассудительность и чувство интуиции. Обычно эту исключительную натуру объясняют влиянием фактора двойной наследственности: реальной (от Филиппа) и полумистической (от Олимпиады, его матери). Мать обладала неистовым характером, безудержной чувственностью, участвовала в вакхических ритуалах. Она принадлежала к молосскому царскому роду Эакидов I, восходившему своей родословной к Пирру, сыну Ахилла, вспыхивающего и порывистого героя «с львиным сердцем», ставшего предком Эакидов благодаря стараниям некоего ученого комментатора. У Александра наблюдали те же неуправляемые взрывы гнева и порывы энтузиазма, что и у других Эакидов - Пирра, Филиппа II.

Все это имело огромное значение для юноши, который был убежден, что происходит по отцовской линии от Геракла, а по материнской — от Ахилла и Приама. Погрузившись в мир мифологии, он вообразил, что в его жилах кинит кровь героев — его предков. Но Александру уже недостаточно быть отдаленным потомком Зевса, отца Геракла. В эпоху одержимости сверхъестественными силами он легко преступает черту, отделяющую его от бога. Посещение оракула Амона в оазисе Сива еще больше убеждает царя в своем божественном происхождении. В святая святых Александр получает от бога именно те ответы, которые желал получить: Амон объявил его своим сыном и предрек ему мировое господство. И неважно, что Александр слишком буквально понял выражение «сын Амона», столь обычное в титулах фараона,— важна была обретенная им уверенность в том, что он не только наследный царь, но и любимое дитя божества, а значит, сам он — воплощение бога на земле.

Поскольку Александр считал себя сверхчеловеком, то и вел себя как сверхчеловек. Он теряет чувство меры, вселившийся в него дух неумеренности как бы перечеркивает уроки Аристотеля, считавшего умеренность правителя единственной гарантией существования монархии. Г. Раде познакомил нас с образом мифологического Александра, приходившего в восторг от мысли о повторении им благородных подвигов Ахилла. Ф. Шахермайр показывает Александра более романтическим и в то же время несколько демоническим: сверхчеловек, в котором уживаются свет и тьма, добро и зло, благодетель человечества и кровавый тиран. Действительно, в глубине его души зрело чувство исключительности, которое выделяло его даже среди величайших из смертных. И можно понять, впрочем не прощая безумия убийства, охватившего Александра³, когда на одной из пирушек его молочный брат Клит³, желая подшутить над ним, прочитал несколько строк из Еврипида:

**...Гордо
И мирные цари сидят в советах:
Их головы вздымаются меж граждан,
Хоть и ничтожны души.**

*Еврипид. Андромаха. Стк. 693
(Пер. И. Анненского)*

Он не просто человек, как все, потому нет мер, способных обуздать его,— ни мудрость, которую он считает признаком посредственности, ни традиционная мораль.

Ему все разрешено, ибо он за все в ответе. В оправдание можно лишь сказать, что несомненные недостатки его природы, омрачавшие ему жизнь,— ничто по сравнению с достоинствами: горением и творческим порывом, которые Александр с чистой совестью мог считать божественными, даже если пренебречь недобросовестными увещаниями жрецов Сивы, Дельф или Гордиона.

ВИДЕНИЕ МИРОВОЙ ИМПЕРИИ

С самого начала царствования Александр быстро и энергично расправляется со своими противниками. Он ликвидирует претендентов на престол и подавляет мятеж на Балканах. Греция волнуется, и Демосфен высмеивает «мальчишку», правящего в Пелле. Но молниеносный поход Александра разрушает все надежды, которые пробудила смерть Филиппа⁴. Демонстрируя непреклонную решимость, Александр разрушает сопротивляющиеся Фивы, оставив в неприкосновенности лишь храмы и дом Пиндара, но, подобно отцу, ведет себя благородно по отношению к Афинам. Затем, мобилизовав македонскую армию и контингенты Эллинской лиги, он менее чем через два года после вступления на престол отправляется в Азию⁵.

Походу в Азию (этому первому шагу правителя, от которого будет зависеть дальнейшее развитие событий) историческая наука уделяет недостаточно внимания. Потом события развиваются с последовательной логичностью: первые легкие успехи, падение Персидской державы — к тому времени, правда, достаточно подгнившей (о чем в течение полувека твердили авторы памфлетов⁶), необходимость удержать завоеванное, искушения далекого Востока... Все это, в свою очередь, было началом сверхзавоевания, не знавшего границ.

«Наклонная плоскость побед» — выражение, применявшееся для объяснения непрерывности походов другого великого завоевателя, вполне может быть применено и к Александру. Однако оно не дает ответа на⁷ вопрос, что же заставило его стать соперником Диониса⁷ и ступить на азиатскую землю.

Историки неоднократно пытались объяснить причины вторжения войска Александра в Азию. Одни полагают, что он был увлечен⁸ идеей освобождения Анатолийской Греции от варваров⁸ и мести за беды, причиненные

Греции во время греко-персидских войн, другие считают, что его заботило распространение на Восток эллинской цивилизации, третьи, мыслившие более реалистично, видят в его делах продолжение дела отца, а именно поддержку десятитысячной армии Пармениона, которую Филипп послал в Азию и которая находилась на грани уничтожения; к этому же добавляют необходимость укрепления непрочного союза Македонского царства и Коринфской лиги.

Ко всему этому хотелось бы добавить еще мысль о коалиции Европы против Азии, навеянную «Илиадой». Здесь чувствуется влияние идей Ксеркса: Александр также совершает в Трое жертвоприношения Афине и героям¹⁰, так же как и Ксеркс, бросает в море с корабля золотой кубок в честь Посейдона. Сын Дария молил Гелиоса устранить все препятствия на пути к границам Европы — Александр ведет себя как Анти-Ксеркс, и его идейная программа задумана с таким же размахом. Первое, что он сделал, вступив на землю Азии, — вонзил в нее копье, дабы стала она «землей, обретенной на острие копья». Таким образом Александр сделал первый шаг навстречу своей мечте — шаг к созданию мировой империи¹². И Восток пал пред ним ниц, ибо он нес в себе неодолимый «божественный порыв».

АЗИАТСКАЯ И АФРИКАНСКАЯ ЭПОПЕИ

Армия сатрапов¹³ при поддержке греческих наемников во главе с Мемноном Родосским встречает Александра в долине Граника. Александр, возглавив яростную атаку македонской конницы, разбивает эту армию наголову. За несколько месяцев он завоевывает почти всю Малую Азию: занимает Сарды, потом Эфес, поднявший при его приближении восстание, и штурмом берет Милет. В Гордионе Александр разрушает мечом узел «телеги Гордия» и под знаком предзнаменования продолжает свой завоевательный поход.

Овладев Анатолией, он достигает Сирии и при Иссе в 333 г. до н. э. разбивает самого «великого царя» Дария III, который первый пустился бежать с поля боя, оставив на произвол судьбы мать, жену и обоз и дав знак войску к беспорядочному бегству. Однако, немного придя в себя, персидский царь счел возможным начать

переговоры с Александром, предложив ему выкуп за своих близких. На это победитель ответил, что Дарий должен покориться ему окончательно¹⁵.

Затем Александр ставит себе задачу сокрушить могущество Персии на море. Финикийские города были разобщены, и только Тир осмеливался оказывать сопротивление. Однако после семимесячной осады Александр взял его штурмом, поступив с ним чрезвычайно сурово: полностью разрушив город, он продал всех его жителей в рабство. Далее Александр занял Газу и вступил в Египет, где его встретили как освободителя. Он возложил на себя двойную корону в Мемфисе¹⁶, испросил у оракула в Сиве доказательство своего божественного происхождения и основал Александрию.

Весной 331 г. до н. э. он покинул Египет для решающей схватки с Дарием, который ждал его в Гавгамелах недалеко от Арбелы на удобном для действий его боевых колесниц поле. Но, несмотря на столь подходящую местность, а также на численное превосходство войск, Дарий был разбит. Столицы Персидской империи сдавались одна за другой — Вавилон, где Александр совершил жертвоприношение Мардуку, чтобы быть признанным «царем четырех стран света»; Сузы, откуда он послал в Афины захваченную Ксерксом скульптурную группу тираноубийц¹⁷; Персеполь, который Александр в ослеплении отдал на разграбление и сжег; Экбатаны.

Став хозяином Ирана, он преследует Дария, пока тот не погибает от руки бактрийского сатрапа Бесса¹⁸. После этого Александр организует пышные похороны Дария, желая, видимо, показать этим актом, что он отныне — наследник Ахеменидов.

Триумфальным походом Александр движется все дальше на Восток, завоевывая земли, ранее подвластные Дарии. С удивительной гибкостью он приспосабливался к новым условиям в этих таинственных странах, где победы в битвах не обеспечивали успех в войне и где народы оказывали упорное сопротивление завоевателям. Одна за другой сдались ему Гиркания, Парфия, Ария, Арахосия. Вступив в Бактрию и Согдиану, он установил границу своей империи по Яксарту (Сырдарья) — Гиндукуш его не остановил. После этой трудной кампании он проводит зиму в Бактрии, где за царевубийство казнит захваченного Бесса.

Здесь Александр вынашивает дальнейшие планы: Индия не устояла против Диониса, стало быть, не устоит и

против него. Он заключает союз с раджей Таксилы, мечтавшим подчинить раджу Пора. Александр разбивает Пора на берегу реки Гидаспа (Иселум) и несколькими бросками достигает реки Гифасис (Биас). Но тут войны, истощенные этим изнурительным походом, отказываются идти дальше. Александр решает повернуть обратно, но сначала возвести двенадцать алтарей в честь обитателей Олимпа вокруг бронзовой колонны¹⁹. На ней он приказал выгравировать надпись: «Здесь остановился Александр».

Он делит армию на три части: Кратер со своим отрядом возвращается через Арахосию; на себя Александр берет самую трудную задачу — переход через ужасную пустыню Гедрозию; Неарх идет морем, следуя береговой линии. Они соединяются в Кармании, и оттуда Александр отводит армию в старые столицы: Экбатаны, Сузы, Вавилон.

К наследию, оставленному Александру отцом (Македонскому царству и гегемонии в Эллинской лиге), он прибавил территории, равные или даже превосходившие империю Ахеменидов в эпоху ее наивысшего расцвета при Дарии I. Ни один из завоевателей еще не покорял столько стран, ни один не увел свою армию так далеко от родной земли. Военное могущество молодой Македонии, отвлага греческих воинов, разложение монархии Ахеменидов, слабость и трусость Дария III — все это лишь частично объясняет успехи Александра. Поражает незначительность боевой силы, которой был завоеван мир: около 40 тысяч солдат при высадке в Азии, 120 тысяч — в Индии, 80 тысяч — в конце его жизни.

Но неутомимый Александр присутствует всюду. Он, как это представлено на мозаике, изображающей битву при Арбеле, во главе кавалерии несется в атаку, воодушевляет армию своей храбростью и одновременно руководит ею с мастерством настоящего стратега. Искусный наездник, грозный повелитель, самый великий из всех великих полководцев, он проявляет себя и как гениальный организатор.

К ЕДИНЕНИЮ МИРА

Империя держалась на одном человеке, правда человек этот был нечеловеческой работоспособности. Ему помогали несколько приближенных: канцлер Эвмен и

хилиарх (тысяцкий) Гефестион. Традиционная авторитарность македонской монархии усилилась при соприкосновении с Востоком — Александр пожелал видеть себя еще и преемником Ахеменидов.

Основной опорой империи была армия. За время походов в ней произошли глубокие изменения: все более таяло изначальное македонское и греческое ядро, шла вынужденная вербовка жителей Востока. Военные расходы, траты на содержание чиновников, строительство, роскошь двора — все это требовало очень больших денежных ресурсов.

Почти не взимая налогов с Македонии и совсем не взимая их с Греции, в Азии Александр сохраняет разнородную фискальную структуру. Практически каждая сатрапия имела специфическую систему налогообложения (налог с недвижности или подушный), отработочную повинность, таможи. И особенно широко Александр пользуется сокровищами, накопленными во дворцах Ахеменидов.

Та же гибкость наблюдается и в местном управлении. Везде, кроме крайних восточных областей, где большие территории находились под военным управлением, административной единицей остается сатрапия. Сначала сатрапами были, за исключением Малой Азии и Сирии, местные властители, но Александр быстро заменяет их македонцами и греками. Сатрапы представляют собой лишь гражданскую Еласть, военная доверена стратегам, которые зависят только от царя. На должностях среднего звена он оставляет представителей коренного населения, так как только они разбираются в тонкостях местных языков и традиций. Таким образом, Александр мудро сохраняет за каждым регионом привычную систему управления, не пытаясь сгладить разнообразие частей многоликостью империи.

Практика сотрудничества определялась новой политикой. Александр не был поборником панэллинизма. Он стремился не к подчинению и уничтожению завоеванных народов, а, наоборот, к слиянию их с греками в единое гармоничное целое, в которое каждый внес бы свою лепту.

И лучший способ достичь этой цели царь видит в смешанных браках. Он подает пример — женится на Роксане, дочери одного из владык Согдианы, а затем на трех персидских принцессах. По возвращении из Индии большинство его военачальников и десять тысяч солдат в один

день торжественно сочетаются браком с местными девушками («свадьба в Сузах»), Александр приказывает воспитывать тридцать тысяч иранских детей на греческий манер.

Однако ему видна была и опасность, таившаяся в подобной политике. Увенчанный коронами «великих царей», ученик Аристотеля остался верен эллинизму. Наиболее надежный способ обеспечить эллинизацию Востока,— это основание новых городов. Большинство из них он назвал своим именем. Александрии (а их было самое меньшее 34) имели военные, административные и экономические функции. Формально снабженные некоторыми учреждениями, свойственными греческим полисам, они подчинялись власти правителя. Много столетий они оказывали значительное влияние на соседние с ними области, хотя не у всех у них была слава Александрии Египетской, призванной стать одним из самых прекрасных городов мира. Градостроительство и эллинизация шли рука об руку, но Александру были известны и другие способы распространения великолепной греческой культуры: внедрение греческого языка.

Для воспевания своих подвигов он приглашает таких известных художников, как Лисипп и Апеллес, организует музыкальные и спортивные состязания, как у себя на родине.

Почитая олимпийских богов, Александр вместе с тем проявляет достаточную терпимость и лояльность к другим верованиям. Например, он привозит из Индии старого брахмана Калана и разрешает ему ритуальное самоожжение на костре, тратит большие средства на восстановление храма Мардука в Вавилоне и храма Амона в Карнаке.

Исследователи заслуженно отдают должное страстному интересу Александра к духовной жизни, но, надо добавить, что он еще и весьма трезво мыслил, понимая, что лишь обмен (в широком смысле) может обеспечить действительное объединение империи. Так, он способствовал обмену животными и растениями между отдаленными областями, который был своего рода предвосхищением селекции во времена эллинизма. Для переселения людей (еще более важного обмена) он строит и перестраивает дороги, каналы, порты, доки, корабли. Следуя гениальной интуиции, Александр вводит в империи единую монету — македонские монеты, чеканенные по аттическому весовому стандарту, заменившие в Азии более тяжелые дарика.

УСТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТА ЦАРЯ

В Греции не было четкой границы между миром людей и миром богов. Так, герои — основатели городов получали свою долю культа. Кроме того, в тех городах, где существовала царская власть, сохранялось почитание предков царских династий. Восток же на протяжении тысячелетий давал примеры теократических монархий, в которых царь был либо богом (как в Египте), либо служителем бога (как в Месопотамии). Именно в такой неоднородной среде Александр создает свой культ.

Попытки укрепления власти человека с помощью богов были и до него. Клеарх, установивший греко-варварскую тиранию в Геракле Понтийской, объявил себя сыном Зевса, окружил свою особу литургическим церемониалом и потребовал от подданных проскинезы (коленипреклонение, земной поклон). Филипп II пошел дальше: во время религиозных шествий его скульптурное изображение несли за статуями двенадцати олимпийских богов; он заказал Леохару скульптурную группу из золота и слоновой кости, представлявшую его самого в окружении близких, рассчитывая поместить ее для почитания в толос 21.

Однако по-настоящему широкий размах культ царя приобрел при Александре. Убежденный в своей божественной миссии благодаря оракулу в Сиве, он во всем видит подтверждение этому: в блистательных успехах, в своей безумной отваге на поле боя, в походе к берегам Инда, столь напоминавшем завоевание Индии Дионисом. Как же было не увериться в своей божественности ему, раздвинувшему границы возможного, достигшему стольких побед? Но с вполне земной точки зрения он ясно видел те преимущества, которые можно было извлечь из этого божественного положения: только культ владыки, живого воплощения бога на земле мог надлежащим образом объединить империю, пеструю по территориальному, национальному и религиозному составу.

Итак, Александр почти полностью перенимает придворный церемониал Ахеменидов, при котором особе царя воздаются почести, близкие к божественным. Однако на определенном этапе дало о себе знать сопротивление греков, не желавших допустить обожевления живого человека и возмущавшихся проскинезой, о настоящей природе которой при дворе «великого царя» они не имели

понятия. Для них это был акт скорее умилоствления, нежели поклонения.

Тогда Александр в гневе расправляется с эллинской оппозицией: казнит Клита, бросает в темницу Каллисфена, племянника Аристотеля²². Постепенно оппозиция ослабевает. Афины воздают ему почести, как новому Дионису. В 324 г. до н. э. греческие полисы посылают в Вавилон феоров (послов, направляемых к богам) для возложения на Александра золотого венца.

Таким образом устанавливался культ царя, самая верная основа автократии, выроставшая из поисков греческой философской мысли и монархических традиций Востока.

СМЕРТЬ ТИТАНА

Александр умер внезапно перед самым отъездом из Вавилона. В связи с этой скоропостижной кончиной о некоторых из его приближенных говорили недоброе²³, однако историки полагают, что умер он от малярии, которая быстро завладела его организмом, истощенным в постоянных кутежах, уставшим от бесконечных походов, ночных бдений, ослабленным ранами.

Двенадцать с половиной лет (336—323) царствования. Его деятельности легко можно дать отрицательную оценку: ненужные насилия; страсть к излишствам безмерно возгордившегося царя; расправы над обеспокоенными введением проскинезы и слиянием народов греками (последнему они предпочли бы грубое порабощение побежденных); чрезмерное расширение империи, которая не пережила своего создателя. Но что значат все эти недостатки по сравнению с тем новым, что принес Александр,— идеями самодержавной монархии, господства Греции в Египте и Азии, строительства городов в удаленных сатрапиях, взаимопроникновения эллинской и восточной цивилизаций. Александр завоевывает мир и читает «Илиаду» с комментариями своего учителя Аристотеля. Но этот герой эпопей был также и гениальным новатором, отрицавшим различие между греками и варварами, основу классического эллинизма, в пользу благородного идеала единства человечества. Нет более блистательного подтверждения мысли Плутарха о том, что иногда история зависит от одного великого человека. Можно понять восхищение Пирра или Цезаря героем, который, не дожив до тридцати трех лет, успел создать новый мир.

Глава 1

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Эпоха, условно называемая эллинистической (от немецкого *Hellenismus*), началась со смертью Александра и закончилась римскими завоеваниями для разных стран в разное время. Она характеризуется расширением территорий, занятых греками, и перемещением центра тяжести эллинизма из собственно Греции, которая отныне играла меньшую по сравнению с обширными царствами Востока роль. История этой эпохи исключительно сложна: длинная череда разрушительных завоевательных войн, которые то и дело изменяют границы государств. Тем не менее от этой эпохи до нас дошло гораздо больше документов, чем от предыдущих периодов. Особого упоминания заслуживают папирусы, в огромном количестве сохранившиеся в основном в Египте*.

Они донесли до нас самые разнообразные документы: письма царей (деловую и личную переписку), нотариальные архивы, школьные тетради и т. д.

Рассказ о политических судьбах греческого мира в столь сложную эпоху будет вынужденно краток. В частности, здесь не ставится цель дать подробное описание нескончаемых войн, которые вели полководцы Александра за обладание его империей. В 321 г. до н. э. после убийства регента Пердикки¹ и гибели Кратера в Трипаррадейсе (Сирия) происходит первое перераспределение должностей и сатрапий: Антипатр получает Македонию, Птолемей — Египет, Лисимах — Фракию, Антигон («Од-

* Листы папируса изготовлялись из переплетенных особым образом растительных волокон; чаще всего их находят в свитках. Египетские папирусы дают ценнейшие сведения о различных исторических эпохах — главным образом от персидского владычества и до византийского времени. Они написаны по-египетски (демотическим письмом), по-гречески, более поздние — по-латински. Среди самых интересных с исторической точки зрения назовем архив Зенона и законы о государственных сборах (см.: *Bengston H. Grosser historischer Weltatlas*. 1,26).

ноглазый») — Малую Азию, Селевк — Вавилонию. Борьба, отмеченная такими кровавыми эпизодами, как поражение и смерть Антигона I в битве при Ипсе (301 г. до н. э.), Лисимаха в Куропедионе (281 г. до н. э.), убийство Селевка Птолемеем Керавном (280 г. до н. э.), продолжается еще более двадцати лет.

Тем временем сходят со сцены прямые преемники Александра — диадохи. Это произошло после сорокалетнего периода интриг и конфликтов во имя обладания какой-то частью огромной империи, ибо никто не мог взять на себя смелость управлять ею целиком. Положение на некоторое время стабилизировалось с созданием трех больших государств — Египетского (во главе с Птолемеем II, сыном Птолемея I), Селевкидского, где правил Антиох I, сын Селевка, и Македонии, отошедшей к Антигону II Гонату, внуку Антигона Одноглазого. Ни одна эпоха не видела такой острой вражды, таких отважных «кондотьеров», таких ненадежных альянсов. Какая замечательная галерея портретов, в которой мы видим неукротимого Антигона Одноглазого, его сына Деметрия Полиоркета («Завоевателя городов»? одинаково горячего в битве и в разгуле, беспощадного Селевка I, хитрого Птолемея I, грубого Кассандра! В следующем поколении — поколения эпигонов — мы не увидим столь страстных порывов, ни один из наследников уже не стремился восстановить единство империи, что было целью и надеждой диадохов, но старался сохранить и укрепить царства, созданные в результате стольких испытаний.

В нашу задачу также не входит ни последовательное описание походов, позволивших римлянам покончить с независимостью греческого мира, ни анализ причин и предлогов римских завоеваний, ни проникновение в тайны изменчивой политики сената и устремлений всадников. И то, и другое, и третье относится к римской истории. Указанные события будут рассматриваться лишь с точки зрения греков.

УПАДОК НЕЗАВИСИМОЙ ГРЕЦИИ

В самой Греции остается несколько полисов, которые сохраняют внешние атрибуты независимости и видимость их традиционных институтов. Это прежде всего Афины и в меньшей степени Коринф. Однако с обеднением и социальными неурядицами упадок их усиливается. Только

некоторые островные полисы извлекают пользу из перемещения политического и экономического могущества на Росток.

«Буржуазные» Афины

В эллинистическое время Афины утрачивают свое прежнее значение не столько в результате действий правителей Македонии (в 228 г. до н. э. Афины даже изгнали македонский гарнизон из Пирея и таким образом вновь обрели полную автономию, по крайней мере ее видимость), сколько из-за исчезновения духа демократии. Государственное устройство Афин почти не изменилось по сравнению с классическим периодом, несмотря на добавление двух фил к клисфеновским, но народ уже не располагал властью. Почти полностью была ликвидирована оплата за выполнение общественных обязанностей. Власть перешла в руки Ареопага и самого важного из стратегов — стратега голплитов². Народное ополчение исчезло,³ государство доверило свою защиту наемникам. Эфебия³ была полностью реорганизована. В конце III в. до н. э. она стала необязательной и отныне предназначалась для сыновей зажиточных семей, получавших таким образом риторическое и философское, а также военное образование. Начиная с 130 г. до н. э. множество иностранцев — в основном из Малой Азии и Сирии — стремились стать эфебами, чтобы усовершенствовать образование и, возможно, облегчить впоследствии получение права гражданства в Афинах.

С исчезновением клерухий⁴ значительно понизилась экономическая активность. Хотя через Пирей уже не проходили большие торговые пути, он остался крупным рынком зерна, которое привозили из Причерноморья, Египта, даже Нумидии. Торговля несколько оживилась вскоре после, «освобождения» Греции Фламинином (106 г. до н. э.) и в основном после 166 г. до н. э., когда римляне возвратили Афинам некоторые клерухий (Лемнос, Имброс, Скирос) и отдали им Делос, чтобы досадить родосцам. Этот подъем продолжался до разграбления города Суллой в 86 г. до н. э.

Сохранились богатые семьи, которые и монополизировали власть. Их политика отличалась осторожностью, поскольку для них важным было сохранить свои привилегии и спокойно владеть имуществом. Они постарались

только уменьшить влияние Македонии и поддерживать хорошие отношения с Атталидами и Птолемеями, которые осыпали Афины своими милостями и возводили там прекрасные строения. Именно замена демоса «буржуазией» и означает конец величия Афин⁵.

Престиж полиса как центра интеллектуальной жизни, однако, остался прежним. Праздники проходили с той же пышностью, особенно Элевсинские мистерии и Дионисии, во время которых ставили не только классические драмы, но и «современные комедии», изящно живописавшие современное общество. Представители царских родов Селевкидов, Птолемеев, наследники нумидийского престола не считали зазорным участвовать в Панафинейских играх. Афинские философские школы не имели себе равных во всем греческом мире. Их учения восхищали пресыщенную, но не потерявшую интерес к духовности публику. Скульптурные мастерские поставляли во все концы света великолепные копии классических шедевров⁶. Уже намечалась роль, которую будут играть Афины в римскую эпоху, — роль университетского города, хранилища ушедшего прошлого, «законсервированного» города времени Перикла.

Социально-экономический кризис континентальной Греции

В эллинистическое время повсюду в Греции положение было весьма критическим. Безусловно, сельское хозяйство развивалось: росли урожаи благодаря применению удобрений, увеличивалось поголовье скота благодаря расширению пастбищ. Но поскольку уже с IV в. до н. э. возросла роль крупного землевладения, все плоды этого развития пошли на обогащение отдельных лиц. Ремесленное производство и торговля после кратковременного оживления в последующий за завоеваниями Александра период пришли в упадок, не выдержав соперничества с эллинистическими государствами Востока, которые очень быстро наладили свое ремесленное производство. Греция ощущала потребность в импорте зерна — потребность дорогостоящую, поскольку цены на хлеб во II в. до н. э. значительно возросли после снижения их в начале III в. до н. э. Что же касается экспорта, то он был невелик — в основном вино, оливковое масло, цены на которые, к сожалению, остались прежними, а также предметы роско-

ши, продажа которых обеспечивала скромное существование ремесленникам Коринфа и Афин. К тому же наиболее предприимчивая часть населения покинула страну. Отныне денежные средства вкладывались только в землю, поэтому не стало возможности развивать другие отрасли экономики.

Социальные последствия этого были очень серьезными. Общество все более разделялось на немногочисленный класс богатых и класс беднейшего пролетариата⁷. Владельцев значительных состояний было очень мало. Полибий сообщает об этолийце Александре, самом богатом из греков, имевшем 200 талантов, т. е. больше, чем у афинянина Каллия, родственника Кимона. Однако появилась прослойка зажиточной, образованной «буржуазии». Она везде получала власть, а это развивало у нее вкус к почестям, что, в свою очередь, требовало громадных расходов.

Тревожным признаком стала пауперизация населения⁸. На протяжении всего эллинистического периода его доходы падали, о чем говорят документы из Делоса. Свободным гражданам трудно было найти работу из-за конкуренции рабов. Единственным выходом для многих являлась служба наемниками в иноземных армиях.

Неизвестно, росло ли в то время число рабов, хотя в святилищах (особенно в Дельфах) и найдено множество надписей об их освобождении. Это может служить лишь доказательством того, что в период эллинизма, очевидно под влиянием гуманистической философии, рабов легко освобождали за денежный выкуп. Улучшением положения рабов, вероятно, можно объяснить тот удивительный факт, что во время общественных потрясений рабы и пролетарии вместе никогда не выступали.

Последствия этого социального кризиса были зловещими. Население Греции редело, малонаселенность, о которой с горечью писал Полибий, становилась настоящим бедствием страны. Многие либо вообще не заводили детей, либо подкидывали другим — и не только бедняки, доведенные до крайней степени обнищания, но и богачи, желая обеспечить себе еще более легкую жизнь. Филипп V тщетно пытался поправить положение⁹, активной демографической и иммиграционной политикой.

Нищета порождает недовольство. Вновь стали выдвигаться требования об отмене долгов и общем перераспределении земель. По крайней мере в одном из полисов они были частично удовлетворены. Это произошло в

Спарте, где социальное неравенство проявлялось сильнее, чем где бы то ни было. Во главе движения стояли два царя: Агис IV, потерпевший неудачу из-за слишком жестких мер, и Клеомен III¹⁰, проводивший в жизнь действительно революционную программу. Он аннулировал долги всех граждан, принял новых граждан из числа наиболее бесправной части населения (илотов), наделив их землей, и таким образом усилил военную мощь Спарты. Это принесло ему (при поддержке народных масс) крупные успехи на Пелопоннесе, до битвы при Селласии (222 г. до н. э.), в которой он потерпел поражение, выступив против коалиции Македонии и Ахейского союза II. Его преобразования, проводившиеся, по-видимому, под влиянием уравнилельной философии (некоторые исследователи считают его стоиком), не были доведены до конца вследствие заговора сторонников существующего порядка. Тем не менее революционное движение продолжало усиливаться. Царь Набис, которого его противники называли тираном, попытался провести в жизнь программу Клеомена III, но его попытка закончилась вмешательством Рима.

Спарта с конца IV по II в. до н. э. постепенно изменяла свой облик. Так, если прежде спартанцы при защите города полагались лишь на отвагу граждан, то после 317 г. до н. э., когда были возведены оборонительные сооружения, они стали надеяться на крепость стен. Забыв о своей прежней суровости, спартанцы, строят театр и перестраивают храм Артемиды Орфии.

Процветание островной Греции

Менее сложным было положение на островах Эгейского моря. Островные полисы извлекали все большую выгоду из мощных потоков товарообмена между Азией, Египтом и Европой, несмотря на то что им сильно мешало пиратство, особенно в Иллирии, на Крите и в Киликии.

Достаточно хорошо известно о богатстве Коса, которое основывалось на производстве вина, керамики и местного шелка (бомбисина) и торговле ими. Геронд в «Миамбах», Феокрит в идиллиях описывают жизнь богатых торговцев и их среду.

Храм Асклепия, окруженный новыми постройками, воспитал целую школу медицины и стал привлекать все

больше и больше больных. Наиболее могущественным островным государством был Родос. Образованный в 408 г. до н. э. в результате синойкизма (слияния) трех полисов, он проводил гибкую политику в IV в. до н. э., а затем успешно противостоял нападению Деметрия Полиоркета. За этим последовал великий век процветания Родоса, когда он, несмотря на интриги царей, сумел сохранить независимость, показав замечательный пример жизнеспособности полиса в эллинистическую эпоху.

Конституция Родоса была умеренной. Торговая республика, ревниво отстаивавшая права полиса, гостеприимно принимала и защищала всех иностранцев, способных увеличивать ее богатства.

Своим процветанием Родос был обязан главным образом выгодному географическому положению — близости от азиатских берегов и напротив Александрии Египетской. У него было три порта с доками и арсеналами — торговый, военный и перевалочный.

В обширных складах хранились вино и оливковое масло как местного производства, так и привозные, зерно из Причерноморья и Египта, вазы, экзотические товары, которые затем продавались по всему Средиземноморью. Амфоры с клеймом Родоса проникали и в причерноморские степи, и в Галлию, и в Испанию. Родосу перешла роль Пирея классической эпохи. Его банки отличались большой активностью, а военно-морской флот (50 великолепно оснащенных кораблей), борясь с пиратством, поддерживал мир в Эгейском море. Его морское законодательство («Родосский закон») было настолько упорядочено, что Марк Аврелий позаимствовал из него некоторые принципы, унаследованные впоследствии Византией и Венецией. Родос отличался богатством и со многими полисами поддерживал взаимовыгодные контакты, так что когда там (в 227 г. до н. э.) произошло землетрясение, то благодаря помощи, пришедшей со всех концов греческого мира, Родос очень быстро был восстановлен.

Однако все это великолепие разрушилось почти мгновенно. Будучи в течение долгого времени верным союзником Рима, Родос по Апамейскому миру получил обширные материковые владения в Ликии и Южной Карию, но он продолжал вести сложную политическую игру, и его интриги надоели Риму. В 166 г. до н. э. Рим основал на Делосе свободный от пошлин порт, конкуренция которого подорвала торговлю Родоса. За два года тамо-

женные доходы (которые составляли 2 процента стоимости товара) упали с 1 миллиона до 150 тысяч драхм. Вынужденный подписать договор с Римом, Родос таким образом потерял свою независимость. Тем не менее он остался городом искусства и науки, университетским центром, куда молодые римские аристократы приезжали совершенствовать свое образование. Знаменитые со времени Эхина школы риторов пытались возродить аттическое красноречие. Посидоний из Апамеи блестяще преподавал в них стоицизм. Родосские скульпторы вели поиск направлений, пока не отдали предпочтение «пергамской патетике».

Делос начал играть¹² новую роль, которая превратила колыбель Аполлона в один из крупнейших торговых центров. Этому способствовало островное положение, а также сконцентрированные в его храмах огромные богатства, о размерах которых дают представление высеченные на мраморе «отчетные надписи». Служители культа становились банкирами, их примеру вскоре последовали частные лица.

Освободившись в 314 г. до н. э. от опеки Афин, Делос принял демократическую конституцию. Это событие ознаменовало начало так называемого периода независимости (314—166 гг. до н. э.), когда он на самом деле находился под влиянием Птолемеев, сделавших Делос центром конфедерации островных государств.

В 166 г. до н. э. Рим положил конец его независимости и вновь передал Делос Афинам, которые превратили его в свою клерухию. С целью противодействия Родосу порт Делоса был объявлен свободным. После этого значительно оживилась торговля острова. Разрушение Карфагена и Кориңфа, а также образование римской провинции «Азия»¹³ еще более способствовали его процветанию. Это была эпоха беспрецедентного возвышения Делоса. Строились причалы, порты, доки; «священный остров» превратился в огромный склад, куда стекались товары со всего мира — зерно, оливковое масло, вино, лес, керамика, экзотические товары из Александрии, сирийских и финикийских портов. Делос становился и невольничьим рынком: все возрастающая роскошь Рима повлекла за собой и рост потребностей, а число «говорящих орудий» можно было легко увеличить за счет пленных пиратов, торговли рабами, организованной царями Каппадокии и Вифинии. Страбон в «Географии», возможно не без некоторого преувеличения, утверждает, что иногда

за один день на Делос привозили и продавали до 10 тысяч рабов (X, 5, 4).

Население острова становилось все более смешанным. Делосцы были высланы в Ахайю, на их месте кроме афинских поселенцев обосновались торговцы и банкиры со всего мира. Наиболее многочисленными были выходцы из Леванта. Они объединялись в крупные ассоциации, такие, как «почитатели Геракла из Тира» и «почитатели Посейдона из Берита» (Бейрута). Все большую роль играли «италийские» торговцы (италийцами называют всех выходцев из Италии, каким бы ни был их юридический статус,— римских граждан, вольноотпущенников, союзников и даже рабов), начавшие посещать Делос с 250 г. до н. э. Они также были объединены в ассоциации, находившиеся под покровительством различных божеств (Гермеса, Аполлона, Посейдона). Афиняне, италийцы и выходцы с Востока жили бок о бок, оставаясь верными своим обычаям и богам, строя склады и воздвигая святилища. В надписях проявляется греко-латинский билингвизм. Риторических и философских школ на острове не было, а о богатстве и пристрастии к роскоши торговой «буржуазии» можно судить по статуям, фрескам и мозаикам, которыми украшены дома. Святилища свидетельствуют о настоящем космополитизме и проникновении на остров восточных культов.

Процветание длилось до I в. до н. э. В 88 г. остров, верный Риму во время Митридатовых войн, был разграблен флотоводцами понтийского царя, и 20 тысяч его жителей подверглись зверскому истреблению. Это ознаменовало начало заката Делоса.

Федеративные государства

Мир полисов периода эллинизма представлял собой карикатуру на институты классической эпохи, республиканский дух сохранился лишь в федеративных государствах. Эти союзы развились в основном в отсталых районах, где города либо были небольшими, либо отсутствовали вовсе и где продолжали существовать племенные организации, предшествовавшие полисной системе. Два из них особенно разрослись в эллинистическую эпоху потому, очевидно, что греки постепенно привыкли к федерациям (начиная с Коринфского союза), но прежде всего потому, что только союз мог обеспечить действенное сопротивление экспансии царей Македонии.

Этолийский союз издавна располагался вокруг общего этолийского святилища в Ферме, где, как показали раскопки, находился культовый центр еще в микенскую эпоху, никогда, правда, не игравший значительной роли. Этолия известна как суровая страна, жители которой были прекрасными солдатами, всегда носившими при себе оружие. Продемонстрировав свою храбрость во время нападения на Дельфы галлов (279—278), они захватили святилище, распространили свое влияние на амфикионию¹⁴ (религиозное объединение ряда греческих государств) и тем самым подняли свой престиж. В то же время они захватили несколько территорий: на западе — в Акарнании, на востоке — в Фокиде, Западной Локриде, в Фессалии, образовав самое обширное из когда бы то ни было существовавших греческих государств.

Народное собрание объединяло без условий ценса всех граждан из всех полисов, входивших в союз. Оно собиралось два раза в год, из них один раз в Ферме. Существовало два совета — один из тысячи членов (буле, или синедрион), другой — более узкий (совет апоклетов). Собрание избирало магистратов и главного среди них — стратега, который на практике в течение года был главой исполнительной власти. Число делегатов в совет от каждого полиса, так же как и выставлявшийся им воинский контингент и налоги, которые он платил, было пропорционально величине полиса.

Постоянная враждебность Этолийского союза по отношению к Македонии ставила его на сторону Рима, но это не помешало ему выступить против своего союзника, за что Этолийский союз и поплатился в 189 г. до н. э. независимостью.

Соперник Этолийского союза, Ахейский союз восстанавливал в 281—280 гг. объединение, распущенное в начале века. Союз быстро вышел за границы нищей Ахеи. Благодаря энергичным действиям Арата он присоединил Сикион, завладел Коринфом и постепенно — добровольно либо принудительно — включил в свой состав весь Пелопоннес. О государственном устройстве Ахейского союза мы знаем меньше. Общее собрание, на котором, очевидно, могли присутствовать все граждане входивших в союз полисов, созывалось четыре раза в год в святилище Зевса Гамария на территории Эгиона, но существовали также и чрезвычайные собрания. Основную роль играл Совет — коллегия, состоявшая из десяти дамиоргов и одного стратега, избираемого ежегодно. Эту последнюю

магистратуру прославили выдающиеся политические деятели, такие, как Арат из Сикиона и Филопмен, который за свою отвагу в борьбе против римлян заслужил право называться «последним греком».

Упадок Ахейского союза был в прямой зависимости от роста могущества Рима. Ему способствовали также интриги полисов, насильно включенные в состав союза (например, Спарта). Будучи вначале союзниками Рима, ахейцы возбудили недоверие к себе со стороны римлян, которое начало проявляться после Третьей Македонской войны. Римляне тогда взяли заложниками тысячу ахейских граждан, в их числе Полибия, сына стратега Ликорта. Ахейцы подняли оружие — римляне в 146 г. до н. э. разрушили Коринф, и союз прекратил свое существование.

Обычным в исторической литературе стало противопоставление этих двух союзов. Этолийский союз был демократичнее Ахейского. Однако и тем и другим управляли самые состоятельные граждане; платы за выполнение обязанностей магистрата не существовало. Союзы рассматриваются как последняя попытка греческого духа создать государства, достаточно сильные для отпора притязаниям Антигонидов.

СЕВЕРНЫЕ ЦАРСТВА

Македония

Македония в эллинистический период была весьма сильным государством, распространявшим свое влияние даже на формально независимые полисы собственно Греции. Ей противостояли лишь Этолийский и Ахейский союзы; Эпир, если не считать периода блистательного правления Пирра, тускнел перед ней.

В 276 г. до н. э. Антигон II Гонат (годы правления — 276—239) окончательно завоевал Македонию, принадлежавшую ранее его отцу Деметрию Полиоркету. Он основал династию Антигонидов, правившую до самого римского завоевания. Его власть простиралась не только на Македонию, но и на те части Греции, которые не попали в руки этолийцев или ахейцев. Там она поддерживалась гарнизонами под командованием стратегов.

Этот великий царь, друг философов, окруженный людьми искусства (среди них историк Иероним из Кар-

дии и поэт Арат из Сол), действовал энергично и вместе с тем хитроумно. Он был высокого мнения о царском предназначении. «Хорошо ли ты понял,— говорит он своему сыну,— что царствование — это лишь благородное рабство?» Несмотря на то что Афины являлись для него своего рода «интеллектуальной столицей», он вновь обосновался в Пелле, хотя его отец столицей сделал Деметрию — город на Пагасетическом заливе. Он успешно защищал Македонию от Пирра и его сына Александра — царей Эпира. Антигон подчинил Афины, восставшие против него во главе с Хремонидом. Но он не смог помешать Арату воссоединить Сикион с Ахейским союзом и отнять у него Коринф. В своем царстве Антигон установил абсолютную власть. Основав три Антигонии — в Халкидике, на Аксиосе и на Аросе,—он тем самым способствовал развитию градостроительства.

Сын Антигона Гоната Деметрий II должен был бороться с общей коалицией Центральной Греции и Пелопоннеса. После смерти Деметрия II его двоюродный брат Антигон Досон оказался в сложной ситуации. Мастерским ходом он восстановил македонское влияние на Пелопоннесе, куда его призвали ахейцы, старые противники Македонии, обеспокоенные революционными реформами Клеомена Лакедемонянина. Антигон Досон отвоёвал у царя Спарты Коринф, организовал мощную симмахию (военный союз), собрав в ней половину Греции (в том числе и Ахейский союз), стал ее гегемоном, разбил Клеомена у Селласии (222 г. до н. э.) и вступил в Спарту, которая тогда была впервые повержена к ногам торжествовавшего противника. Но он, вероятно, согласился на образование у себя под боком Македонского союза, который должен был в какой-то степени ограничить его абсолютизм,— уступка, значение которой не оценивают должным образом¹⁵.

Правление двух последних царей, Филиппа V (сына Деметрия II) и его сына Персея, характеризуется борьбой против Рима. Филипп V, энергичный и порой жестокий правитель, позволил ахейцам втянуть себя в так называемую «союзническую войну» против этолийцев, закончившуюся в 217 г. до н. э. Навпактским миром на основе *uti possidetis* (стороны остаются при своих владениях). Первая Македонская война, в которой Этолия и Пергам выступили на стороне Рима и во время которой Филипп заключил союз с Ганнибалом, завершилась в Фойнике (205 г. до н. э.) разделом Иллирии между Ри-

мом и Македонией. Вторая Македонская война, в которой этолийцы и даже ахейцы были союзниками Рима, ознаменовалась бегством македонской фаланги в битве при Киноскефалах (197 г. до н. э.). В следующем году по мирному договору Филипп V отказался от завоеваний в Фессалии и Греции и выдал свой флот. Фламиний в Коринфе провозгласил свободу грекам.

Персей возобновил борьбу, однако в отличие от отца он действовал нерешительно и потерпел поражение. Третья Македонская война закончилась разгромом Македонии. Победенный в битве при Пидне (168 г. до н. э.) Персей был привезен в Рим. Македонию разделили на четыре области, а впоследствии превратили в провинцию (148 г. до н. э.).

Муммий взял штурмом и разрушил Коринф — ужасное злодеяние, уничтожившее один из самых красивых городов Греции. Все греческие полисы, за исключением Спарты, Афин и Дельф, получивших статус «союзных», должны были платить дань. До 27 г. до н. э. Греция подчинялась проконсулу Македонии, а затем Август создал отдельную провинцию — Ахайю. Погибая, Греция осталась верна себе в ненависти ко всякому насилию и¹⁶ предпочла заключить союз с «римскими варварами», чем терпеть гнет Македонии. Не забудем, что при Киноскефалах яростные атаки этолийцев частично предопределили победу римлян.

С одной стороны, Македония, вероятно, была не самым блестящим из эллинистических царств. Правда, ее военное могущество долгое время оставалось значительным благодаря храбрости фаланги, набираемой из местных жителей, однако вскоре пришлось прибегнуть и к услугам наемников — галлов, потом иллирийцев, критян и даже сирийцев. Но флот Македонии никогда не был столь же сильным, сколько сильны были его сухопутные войска, если не считать периода правления Антигона Гоната, а финансовые возможности страны были ограниченными. Земля по-прежнему находилась в руках больших семей. С другой стороны, из-за соседства с Грецией Македония втянулась в серию интриг, поскольку греки были склонны не замечать разницы между своими кровавыми играми и борьбой за свободу. Силы традиции были так велики, что они не позволили создать в Македонии ни культа монарха, ни административной иерархии, как при восточных дворах (нам известен единственный чиновник—царский секретарь). Роль Македонии значи-

тельна: ее цари обеспечили защиту эллинизма от беспокойных северных соседей и набегов кельтов; они были единственными, кто бросил все свои силы на борьбу против вождельний Рима. И если эта борьба была напрасной, то от этого она не перестала быть достойной великого прошлого Эллады.

Эпир

Гористый Эпир был населен тремя народами: молоссами, феспронтами и хаонийцами. В IV в. до н. э. молоссы объединились с другими народами в федеральное государство, которое сначала называлось «Союз молоссов», а затем «Симмахия эпиротов». Надписи упоминают его собрание (экклесию) и главного магистрата (простата). Во главе стоял царь из молосской династии Эакидов, род которого восходит к Пирру-Неоптолему, сыну Ахилла. Среди ее наиболее значительных представителей назовем Алкета I, могущественного правителя, союзника Дионисия Старшего и, вероятно, действительного основателя Эпирского союза, и Александра I, родственника Филиппа II Македонского, авторитетного монарха, который начал чеканить монету со своим именем.

Единственным царем династии Эакидов, который сыграл действительно большую политическую роль, был Пирр, горячие притязания которого на протяжении двадцати лет будоражили Грецию и Запад¹⁷. Он расширил границы своего царства, возвратив Эпиру области, подчиненные при Филиппе II Македонией (Паранайю, Тимофайю, Атинтанию, Афаманию, Амфилохию), а также присоединил часть Иллирии, Амбракию, Акарнанию. Его главной целью было завоевание Македонии. Он достиг этой цели благодаря как ловкости, с которой лавировал среди интриг царей, так и своей храбрости, а также полководческому таланту на поле битвы. Но, разбитый Лисимахом, Пирр понял, что ресурсов его царства, даже сильно расширенного, явно недостаточно для свободы действий.

Поворотный час судьбы пробил для него в 281 г. до н. э., когда тарентийцы призвали его на помощь в борьбе с римлянами. Влекомый примером своего родственника Александра Великого, показавшего, на что способно пламенное сердце, устремленное к сверхчеловеческой цели и вдохновленное голосом горячей крови Ахилла, Пирр поднял паруса и взял курс на Италию, где его

ждали блестящие победы, затем он отправился в Сицилию защищать греков от Карфагена. Самый яркий деятель эллинизма, Пирр создал на Западе обширное царство, но, покинутый своими союзниками, он вынужден был вернуться в Эпир для пополнения ресурсов. Однако царь не бросил великих планов создания объединенного государства «Обеих Сицилии»¹⁸, и, оставив в Таренте одного из своих сыновей со значительными военными силами, Пирр устремился на Пелопоннес — новое завоевание македонского трона было для него своего рода игрой. И только смерть в Аргосе подтвердила его поражение на Западе, в которое он не верил до последней минуты.

Пирр, один из выдающихся гениев античности в военном деле, единственный, как писал Аппиан («О сирийских делах», 10, 39), кто достоин сравнения с Александром, был также хорошим организатором, У нас будет случай проанализировать его политику на Западе. И в самом Эпире деятельность его значительна — при нем царство вышло из состояния варварства. Амбракия — новая столица — стала красивым городом, обильно украшенным произведениями искусства. Над ним возвысился царский дворец, вокруг святилища Додоны выросли новые постройки. Оживились экономические связи с Италией.

После смерти Пирра его сын Александр заключил мир с Антигоном Гонатом, но, воспользовавшись Хремонидовой войной, вновь попытался захватить Македонию. Однако сын Антигона Гоната молодой Деметрий нанес ему столь сокрушительное поражение, что Александр был вынужден бежать в Акарнанию. Только помощь союзников позволила ему восстановить свою власть в Эпире, и до своей смерти он делит Акарнанию с этолийцами.

После смерти Александра регентша Олимпиада попыталась восстановить союз с Македонией, но оба ее сына — Пирр II и Птолемей — умерли один за другим, и монархия развалилась.

В Эпире установилась республика, которой управляла коллегия из трех стратегов, по всей вероятности избиравшихся народным собранием эпиротов. Народное собрание решало вопросы войны и мира, выбора союзников, избрания послов, присвоения права гражданства. Как и при монархии, во главе собрания эпиротов должен стоять простат, который упоминается в «федеральных декретах». Кроме того, видную роль в государственных делах играл секретарь совета (синедриона), но состав совета нам неизвестен.

Иллирийские пираты захватили Фойнику, один из самых крупных городов, и Эпир, территория которого оказалась сведенной к территории трех изначальных племен. Помощь Македонии не могла помешать этолийцам разграбить Додону в 219 г. до н. э. Вторжение римлян во время македонских войн превратило Эпир в поле боевых действий враждовавших армий и разделило население страны на две части — на сторонников римских завоеваний и приверженцев Филиппа V Македонского и Персея.

В 167 г. до н. э. на Эпир обрушилась месть Эмилия Павла, который разрушил 70 городов и продал в рабство 150 тысяч жителей, разорил всю страну, а вскоре после этого, в 148 г. до н. э., она вошла в состав провинции Македония.

УПАДОК ГРЕЧЕСКОГО ЗАПАДА

Монархия Агафокла (319—289)

В эллинистическую эпоху мир греческих колоний на Западе был уже не столь сильным, как в былые времена. У нас будет случай проанализировать роль полисов Причерноморья и Массалии в распространении эллинизма. Кирена же находилась в зависимости от Египта, а греческая Италия и Сицилия вскоре будут захвачены Римом. Время Агафокла, Пирра, Гиерона II — лишь продолжительная отсрочка полного их упадка.

Положение на всем Западе было серьезным. Начиная с конца IV в. до н. э. Рим подчинил себе Кампанию и все больше и больше интересовался Великой Грецией. Италики продвигались на юг Аппенинского полуострова, оказывая возрастающее давление на греческие колонии. Тарент прибег к помощи сначала спартанского царя Архидамы, затем Александра Молосса, основавшего непрочное царство от Посейдония до Регия, и, наконец, Клеомена Лакедемонянина.

Сицилия жила под постоянной угрозой со стороны Карфагена. В Сиракузах, самом процветающем городе, демократ Агафокл захватил власть, истребив олигархов. Он подчинил себе Восточную Сицилию и возобновил борьбу против исконного врага — Карфагена. Видя, что справиться с карфагенянами в самой Сицилии невозможно, он решил нанести удар по Карфагену в Ливии и с неслыханной дерзостью высадился на ее побережье, где пока-

зал себя достойным предшественником Сципиона. Это предприятие закончилось поражением, но Агафоклу удалось навязать карфагенянам мир на условиях *status quo* и заставить их деньгами и пшеницей возместить потери.

Он присвоил себе титул царя, его изображение стало чеканиться на монетах (в подражание восточным монархам). Однако этот царь, бывший гонимый, презирал роскошь и старался привлечь на свою сторону народ. По отношению к аристократам он был еще более жесток, чем Фаларид. На Сицилии, и особенно в Сиракузах, он провел серию репрессий, в результате которых были уничтожены наиболее ярые противники — аристократы.

Агафокл был так популярен, что тарентийцы, которым надоели услуги пришедшего из Греции «освободителя», обратились к нему за помощью. В Италии он воевал с бруттиями и захватил Кротон. Ему даже удалось взять Коркиру, которую он уступил Пирру вместе со своей дочерью.

Этот новый Дионисий понимал, что только мощное греческое государство Обеих Сицилий может спасти Запад, но он столкнулся со слишком сильным сопротивлением, в частности, опальных олигархов, скрывавшихся в Агринтенте. После смерти Агафокла в 289 г. до н. э. в соответствии с его волей сиракузяне вновь обрели свободу, но из-за внутренних распрей потеряли ее. Постоянной угрозой для них был Карфаген, а кампанские наемники Агафокла, мамертинцы, силой обосновавшиеся в Мессине, терроризировали Сицилию.

Подвиги Пирра на Западе (280—275)

На какое-то время могло показаться, что спасителем Запада окажется Пирр; он был призван тарентийцами и, так же как Агафокл, попытался основать греческое Царство по обоим берегам Мессинского пролива.

Впервые Тарент был недоволен не своими соседями италиками, а римлянами. В 303 г. до н. э. Рим заключил с Тарентом договор, по которому римским кораблям запрещалось заходить за Лацинийский мыс. В 282 г. до н. э. римляне нарушили его, и народ Тарента после бурного обсуждения под воздействием демократов решил объявить войну. Ему нужен был вождь, и тарентийцы призвали Пирра, который уже проявил себя как великолепный военачальник и в то время скучал без дела.

Пирр, встреченный сначала с энтузиазмом, привлек на свою сторону не только полисы Великой Греции, но и италийских варваров (луканов и бруттиев)⁹. Однако вскоре тарентийцы изменили отношение к Пирру, поскольку он пытался навязать им суровую дисциплину. Так или иначе, его военные успехи были замечательны: дважды он выиграл сражения — при Гераклее и Аускуле (280 и 279 гг.); после дерзкого похода он разбил свой лагерь у Пренесте, откуда созерцал дымы над крышами Рима. Дважды Пирр заключал с римлянами перемирие, может быть потому, что признал их воинскую доблесть и гордое упорство при поражениях, а скорее всего из-за того, что ослабление их могущества не входило в его планы: он предпочел бы с ними договориться, чтобы без помех посвятить себя созданию Великой греческой империи на Западе, что до него лишь частично удалось сделать его дяде Молоссу и тестю Агафоклу.

Не без колебаний он покинул Италию, чтобы откликнуться на призыв, исходивший на этот раз от Сицилии, которая находилась под угрозой нападения Карфагена. Но он вовсе не оставил свои планы — напротив, старался найти новые средства для их осуществления. Здесь также все начиналось весьма успешно. Провозглашенный гегемоном и царем, Пирр одержал блестящие победы над карфагенянами и завоевал все их владения в Сицилии, кроме Лилибея, который не в состоянии был взять приступом. Пирр решил идти путем Агафокла и сокрушить могущество Карфагена в самой Африке, но тут он столкнулся с сопротивлением своих сицилийских подданных, обвинивших его в тирании.

Неблагодарность сицилийцев побудила его уйти в Италию, и там он вновь лицом к лицу столкнулся с римлянами. После сражения у Беневента Пирр вернулся к себе в Эпир, чтобы собраться с силами. Только смерть заставила его отказаться от своих замыслов.

Так провалился грандиозный план создания царства, которое должно было собрать под властью Пирра греков, а также эллинизированных варваров Южной Италии и Сицилии и могло бы серьезно противостоять римским захватам на юге Италии. Проводимая им монетная политика с очевидностью доказывает широту его планов. Он чеканил золотые и серебряные монеты со своим изображением по аттическому весовому стандарту, желая подчинить Запад, как Александр подчинил Восток. Но одновременно, проявив гибкость и терпимость, он выпустил

бронзовые монеты по сицилийскому стандарту, аналогичному весовой системе римлян. С этой точки зрения Пирр выглядит уже не как завоеватель с переменчивым успехом, каким его представляли греческие историографы, и не как царь-рыцарь в описаниях римских историков, а как решительный и предусмотрительный организатор, который между кампаниями успевал строить планы и затем терпеливо претворять их в жизнь. Пирр — это Александр Запада, но Александр, которому не выпало счастья вовремя умереть в зените славы — в возрасте 32 лет.

Попытка Пирра — это последнее усилие эллинистического мира отстоять свои позиции на Западе. И он потерпел поражение не потому, что был недостоин своей великой цели, а потому, что ни тарентийцы, ни сиракузяне, несмотря на кратковременные порывы, не были по-настоящему готовы к яростной борьбе, требовавшей от них отказа от удовольствий и удобств. Как перезревший плод, греческий Запад падает в руки римлян.

Все города Великой Греции теряют независимость почти одновременно. Тарент капитулирует в 272 г. до н. э., как только остается без поддержки эпирских отрядов. «После того как Тарент побежден, у кого хватит смелости для сопротивления?» (Флор, I, 13). Полисы сдаются один за другим, а Локры унижаются до того, что прославляют на своих монетах *Pistis* («чистосердечие») Рима.

Сицилия во времена Гиерона II

Сиракузы, напротив, располагали еще несколькими десятилетиями независимости, которую они использовали себе во благо, вдохновленные Гиероном II.

Гиерон заставил признать себя благодаря неоспоримым личным достоинствам. Он и образованный человек, автор агрономических трактатов, и храбрый воин, даже в девятидесятилетнем возрасте принимавший участие в сражениях, но прежде всего Гиерон — дипломат, ловко лавировавший среди держав, стремившихся захватить Сицилию.

Гиерон установил свою власть в Сиракузах, обратив в бегство мамертинцев, и получил титул царя. Его царство невелико, но правит он им как настоящий эллинистический властитель. В Египте Птолемею он заимствует основные положения знаменитого Гиеронова закона, ко-

торый упорядочил взимание поземельного налога с царских земель и ограничивал доходы арендаторов. Рим также будет использовать этот закон, правда основательно изменив его. Гиерон располагал мощным флотом и укреплениями Эвриала²⁰, которые он усовершенствовал, очевидно, с помощью Архимеда, своего наиболее авторитетного военного советника.

Художественное ремесло и торговля процветали. Настоящими шедеврами были монеты с изображением царицы Филлистис. Гиерон снискал себе достаточно высокий престиж, чтобы вмешиваться даже в дела Восточного Средиземноморья, помогая голодавшему Египту или Родосу, разрушенному землетрясением. Он подарил своей родине новый театр вместо старого, построенного в конце VI в. до н. э., и монументальный алтарь длиной в стадию (177,6 м). Гиерон окружил себя людьми искусства — Феокрит воспел его в «Харитах» (правда, потом он отдал предпочтение Птолемею Филадельфу) — и науки — достаточно упомянуть Архимеда, прославившего Сиракузы на века.

Когда Сицилия стала ареной борьбы между Карфагеном и Римом, Гиерон начал действовать осторожно. В 263 г. до н. э. он заключил союз с Римом, своим недавним врагом, и взял на себя обязательство платить дань, но в 248 г. он освободился от этой обязанности. Оказанные им услуги Риму помогли римлянам одержать победу. Сицилия была захвачена, но Гиерон сохранил свое царство до самой смерти в 215 г., в разгар Второй пунической войны. После этого Сиракузы сочли своим правом расторгнуть союз с Римом и встать на сторону Ганнибала. В 212 г. до н. э. Марцелл взял Сиракузы штурмом, несмотря на военные машины Архимеда, который был убит римскими солдатами, и, оплакав судьбу города, отдал его на разграбление. Греческая Сицилия отошла в прошлое.

ЦАРСТВА ВОСТОКА

Царство Птолемеев

Именно на Востоке монархическая форма правления, унаследованная от Александра, получает свое полное развитие в двух обширных регионах, сформированных при разделе Империи, — в царствах Птолемеев и Селевкидов.

Египет, которым владел Птолемей, сын македонского аристократа и сподвижник Александра, был самым богатым и едва ли не самым обширным из эллинистических царств. К счастью для государства, на протяжении целого столетия во главе его стояли энергичные правители, которым удалось значительно усилить его и создать настоящую империю. Но за периодом расцвета, когда страна обрела мощь и блеск, как при самых великих фараонах, последовал долгий период упадка.

Птолемей I Сотер, осторожный и настойчивый владыка, во всех областях своей деятельности проявил себя как зачинатель. Он стал завоевывать земли вокруг Египта, чтобы еще больше обеспечить безопасность своего царства в Средиземноморье. Он ввел монетную систему, привлек в Египет греков, старался удержать в войне наемников, наделяя их земельными участками. Он начал проводить политику сотрудничества между греками и коренным населением, предложив им для почитания нового бога — Сараписа.²¹ Сам писатель и друг философа Деметрия Фалерского, он много внимания уделял развитию культуры, основав в Александрии Библиотеку и Мусей.

Его сын Птолемей II Филадельф (283—246), женатый на своей сестре Арсиное, продолжил дело отца. Его активная внешняя политика была основана как на династических браках, так и на войнах, в частности против Селевкидов (первая и вторая сирийские войны). В период наибольшего могущества он владел Киреной, Кипром, Памфилией, Ликией, Келесирией (долина между Ливаном и Анти-Ливаном, вокруг Гелиополиса (Баальбека) и Халкиды Ливанской) и оказывал влияние на конфедерацию полисов Кикладских островов. Птолемей Филадельф был достаточно любознателен, чтобы отправлять посольства в Рим и в Индию. Египту он дал административную систему, которая позволила эффективно эксплуатировать страну благодаря монополиям и строгой налоговой политике. Он провел реформу монетной системы, восстановил канал Нехо, возродил к жизни обширный оазис Фаюм (Файюм). При его дворе собирались самые знаменитые поэты, ученые, врачи, а Мусей и Александрийская библиотека достигли тогда наивысшего расцвета.

Птолемей III Эвергет I (246—221), сын Птолемея II, прежде чем почтить на лаврах, как бы пресытившись добычей, во второй половине своего царствования провел в

Азии ряд военных кампаний, которые, казалось, воскрешали подвиги великих фараонов Нового царства. Двор его был не менее блестящим, чем двор отца. Он расширил Библиотеку, организовал экспедицию в Персидский залив, создал условия для работы Эратосфена²².

Но уже тогда начались²³ народные волнения и так называемая порча монеты. Все это еще более усилилось, при первых двух его преемниках, правление которых рассматривается как поворотный пункт в истории Египта Птолемеев.

Птолемей IV Филопатор, которому угрожали притязания Антиоха III, в битве при Рафии одержал блестящую победу над селевкидской армией. Но поскольку перед битвой ему пришлось набрать в свою армию и египтян, которые позднее поднимали против него оружие, он пошел на некоторые уступки местному населению. При Птолемее V Эпифане Египет потерял Келесирию — от всех внеегипетских владений остались только Кипр и Кирена.

Несмотря на то что царь начал свое правление амнистией и раздачей привилегий, о чем свидетельствует знаменитый «Розеттский камень», как в столице, так и в Фиваиде прокатились многочисленные восстания. Порча монеты, начавшаяся в 234 г. до н. э. в правление Эвергета, стала настолько значительной, что с 210 г. до н. э. золотые и серебряные монеты практически исчезли из обращения. Это мешало Египту участвовать в международной торговле.

После смерти Птолемея Эпифана начался долгий период упадка, захвативший II и I вв. до н. э. Трон оспаривали несколько претендентов. В эту борьбу активно включилось и население Александрии.

Низость и пороки двора, непостоянство и жестокость александрийской черни, угроза вмешательства Рима, для которого Египет был желанной добычей, бесстыдное раболепие его владык послужили причинами ослабления империи. Упадок Египта объясняется потерей владений, ухудшением содержания ирригационной системы, бегством крестьян, налоговыми льготами, предоставленными жрецам и клерухам. Высшие чиновники обрели независимость от центральной власти, жрецы стали богаче царя и подчинили себе земледельцев. Повсюду царили анархия, запустение, разруха.

Со смертью Птолемея XII Авлета распри возобновились с прежней силой.

И тогда величие власти возродилось в его дочери Клеопатре. Царица с глазами, похожими на золотые звезды, вовсе не была, как считали, авантюристкой и колдуньей. Просто она умела использовать свое очарование в осуществлении далеко идущих планов, обольстив сначала Юлия Цезаря, а потом Марка Антония. Она мечтала о такой восточной Империи, которая вернула бы Египту границы времен Филадельфа и уравнила бы его с Римом в могуществе.

Однако Клеопатра бежала из Акция, в то время как исход морского сражения между Октавианом Августом и Антонием был еще не вполне ясен. Ей не удалось покорить Октавиана, и последняя представительница династии Птолемеев предпочла укуса аспида колеснице триумфатора (30 г. до н. э.). Оставшиеся независимые греческие земли были присоединены к Римской империи.

Кирена, завоеванная Александром Македонским, после его смерти отошла к Птолемею Сотеру. Но удаленность от Нильской долины сделала ее легкой добычей Фиброна и Офелла (трагически погибших), а затем Магаса, правившего долго и счастливо. Его дочь Береника вышла замуж за Птолемея Эвергета I, убив первого мужа в постели своей матери, надолго объединив таким образом Кирену и Египет. Тем не менее Птолемей Фискон предоставил ей независимость, отдав во владение одному из своих незаконных сыновей Аниону, который завещал ее римскому народу (96 г. до н. э.). Провинция Киренаика была создана в 74 г. до н. э. В течение эллинистической эпохи Киренаика долгое время процветала (о торговле Киренаики с внутренними областями Африки, проходившей по торговым путям Сахары, см. ниже), постройки множились не только в Кирене, но и в Птолемаиде, быстро растущем городе на побережье, и в Эвгеспериде, которая была переименована в Вереницу. Знаменитейший из сынов Кирены — Каллимах, утонченный певец своей родины, жил в основном при александрийском дворе. «Венера Киренская» демонстрирует Расцвет скульптуры.

Царство Селевкидов

Империя, которую Селевк I Никатор оставил своему сыну Антиоху I, была чрезвычайно обширной. Она простиралась от Афганистана до Проливов, от Понта до Си-

рии и отличалась большим этническим разнообразием. В ней говорили на многих языках — греческом, персидском, армянском, азиатических диалектах. В ней соседствовали все религии — греческий политеизм, зороастризм, иудаизм, местные культы Анатолии. Она была местом активного культурного взаимодействия.

Усиление раздробленности

Однако центробежные силы в империи Селевкидов были настолько сильны, что ее история, по существу, является историей распада. Настоящим центром державы была Сирия, где Селевк I около 300 г. до н. э. основал свою столицу Антиохию-на-Оронте. Поэтому прежде всего Империя потеряла наиболее удаленные от Сирии области — Северную Анатолию и восточные сатрапии. Селевкиды, очевидно, оказались жертвами решения основателя династии. Великие цари, его предшественники, были более предусмотрительны, управляя Империей из столицы, расположенной в ее геометрическом центре — в Иране. Но, будучи греком, Селевк пожелал сделать из своих владений греческое, т. е. средиземноморское, государство.

Начиная с Антиоха I отделились северная и центральная части Малой Азии. Там образовались независимые царства под властью местных династий: Вифиния (которую не смог покорить даже Александр), Пафлагония, Каппадокия Понтийская (называемая также Понтийским царством) и Каппадокия Средиземноморская (или Каппадокия Великая). Галаты, терроризировавшие своими вторжениями Анатолию, образовали государство на высоком плато Фригии — с тех пор эта область называется Галатией. В то же время возникло царство Пергам. Весьма скромное вначале, впоследствии оно отвоевало у Селевкидов почти всю Южную Анатолию.

Расположенная далее на восток, между Черным и Каспийским морями, Армения, которую Александр также не смог покорить и на которую Селевк I наложил дань, осталась под властью местных владык. В северной части Мидии сатрап Атропат объявил себя независимым от Селевка I и основал княжество, имевшее с Селевкидами весьма слабые связи, — Мидию Атропату.

Сразу после смерти Александра Пенджаб вновь обрел независимость. Около 250 г. до н. э. сатрап Бактрии вышел из-под сюзеренитета Селевкидов, и на восточной

окраине Империи образовалось Греко-Бактрийское царство. Крепко ли удерживал там свои позиции эллинизм при греческих царях — это уже другой вопрос. Область между Оксом и Каспийским морем была завоевана в 249 г. до н. э. варварами, пришедшими из туранских степей *. Парфяне образовали новое независимое государство — Парфию **. Их предводителями стали Аршак и его брат Тиридат, основатели династии Аршакидов, которая будет претендовать на связь с Ахеменидами и просуществует до 227 г. и. э. Их притязания росли по мере ослабления государства Селевкидов. Митридат I (171—138) подчинил Мидию, Перейду, Вавилон, отобрав у антиохийских владык очень богатые области, и окончательно отрезал сирийских греков от бактрийских. Своим наследникам он оставил царство, простиравшееся от Евфрата до Герата, от Каспия до Персидского залива. Парфянская угроза по наследству перейдет от Селевкидов к римлянам. Отныне от огромной, почти столь же протяженной, как и ахеменидская, Империи осталась территория немногим больше одной Сирии.

Бесславные потомки

До столь бесславного конца Империю довела слабость Селевкидов. Их могущество подрывалось дворцовыми интригами: убийства и узурпации, вдохновлявшиеся претензиями незаконных цариц, следовали одно за другим. Далеко не всегда они могли опираться даже на своих высокопоставленных чиновников, как показывает пример мидийского стратега Молона, восставшего против Антиоха III. К тому же соседи Египта, с которыми их соединяли Династические связи, навязали им нескончаемую тягбу из-за обладания Келесирией.

Но самым уязвимым местом в Империи была посредственность большинства его правителей, хотя они и имели перед собой великий пример в лице основателя ди-

* В III в. до н. э. ираноязычные степные народы активно перемещались (см. ниже о сарматах). Причина этого — в давлении, которое оказывали на Запад хун-ну (гуны); III век до н. э. — переломный в истории этих племен; во второй половине этого века их племенные союзы оформились в сильное государство.

** Селевкиды, кстати, испытывали немалые трудности в управлении этими областями. Иногда они были вынуждены поддерживать вассальных князей. Так, в Персиде ахеменидские цари чеканили монеты с титулом фратадара (фратарака).

настии, сурового воина, заслуженно получившего прозвище Никатор (Победоносный). С начала царствования его внука Антиоха II Теоса темные дворцовые интриги, в которых незавидную роль играла царица Лаодика, повлекли за собой разделение царства между двумя братьями — Селевком II Каллиником и Антиохом Гиераксом; после их смерти Селевкиды лишились всех владений к северу от Тавра.

Только царствование Антиоха III (223—187) несколько затормозило этот процесс упадка. Он восстановил власть, ослабленную интригами, вновь завоевал большую часть Малой Азии, триумфальным маршем, как Александр, прошел до Индии, окончательно отобрал у Египта Келесирию. В апогее своего могущества он по праву заслуживает прозвища «Великий», но его стремления столкнулись с завистью Пергама и Родоса: они призвали Рим, который был обеспокоен тем, что царь принял Ганнибала в качестве советника. Сципион разбил Антиоха III при Магнесии на реке Сипиле (189 г. до н. э.), и по Апамейскому договору царь должен был уступить всю Анатолию за Тавром. Гордый и отважный владыка, казавшийся новым Александром, погиб в рядовой стычке со своими восставшими подданными в Сузиане, показав моралистам еще один пример власти фортуны над судьбами смертных.

С тех пор начался необратимый процесс упадка из-за ошибок и бездарности его преемников. Среди них выделился один из его сыновей — Антиох IV Эпифан (175—168). Хотя его правление отмечено рядом недостатков, он сделал и немало полезного: много строил в Антиохии, покровительствовал искусствам, искренне стремился распространять эллинизм. Антиох IV осмелился отправиться на завоевание Египта, но его остановил римский посол в Египте Гай Попилий Лена, который очертил вокруг Антиоха круг на песке и запретил из него выходить, пока тот не ответит на требование покинуть Египет. Сто лет династия прозябала, погрязнув в интригах, и так продолжалась до триумфов Помпея на Востоке, который в 64 г. до н. э. завоевал Сирию.

Эта дата может рассматриваться как переломная — она означает конец независимости для всей греческой или эллинизированной Азии. Годом позже последний из понтийских суверенов, Митридат VI Евпатор, окончательно разбитый Римом, предпочел подставить шею под меч галата. Правда, его династия не была греческой по своему происхождению, поскольку она восходила к Митридату,

правителю Киоса на Черном море, который сумел добиться независимости от Селевкидов. Но это была до такой степени эллинизированная династия, что Митридат VI Евпатор может считаться последним из великих эллинистических монархов. Этот утонченный и жестокий, энергичный и мыслящий варвар повергал в трепет Рим, заключив союзы со всеми его врагами: Серторием, пиратами, Арменией. Он устроил в Азии кошмарную резню, истребив 80 тысяч человек — всех, кто говорил по-латыни. Он поднял Грецию против Рима во имя демократических принципов, которые можно было считать давно забытыми. Под своим скипетром он объединил берега Понта Евксинского (Черного моря), вторгшись в Крым по призыву Херсонеса и завоевав в 107 г. до н. э. Боспорское царство. Но последовавшие одна за другой кампании Суллы, Лукулла и Помпея отняли у него все надежды на успех. Один царь, каким бы гениальным он ни был, не мог противостоять аппетитам римских полководцев и публиканов.

После этого Помпей смог установить новые порядки в бывшей греческой Азии. Существовало уже три провинции: Азия (с 129 г. до н. э.), Киликия (с 101 г. до н. э.), Вифиния, завещанная Никомедом IV (с 74 г. до н. э.). Он увеличил территорию Киликии, к которой в 58 г. до н. э. был присоединен Кипр, и Вифинии — за счет западной части Понтийского царства, отнятой у Митридата VI Евпатора. Помпей создал Провинцию Сирию. Что касается областей, более удаленных от центра (Восточного Понта, Пафлагонии, Галатии, Каппадокии, Армении, Коммагены), то он оставил их под властью местных вассальных царьков.

Царство Атталидов

Царство Атталидов родилось в результате предательства. Лисимах доверил охрану цитадели Пергама со значительными сокровищами своему офицеру — полупафлагонцу, евнуху Филетеру. Но тот в 287 г. до н. э. перешел на сторону Селевка I, за что ему оставили Пергам, правда при условии признания вассальной зависимости от Селевка. Его племянник Эвмен I порвал с Антиохом I и провозгласил себя независимым. Решающий шаг был сделан Атталом I, который одержал победы над галатами и осмелился принять в 240 г. до н. э. титул

царя. Он заключил союз с Римом **И В** двух первых македонских войнах показал себя верным союзником. Отныне этот союз будет определять всю историю Пергама: именно он сделал из его суверенов нечто более значительное, чем просто царьков маленького анатолийского государства, и позволил им играть значительную роль в истории греческого мира II в. до н. э.

Его сын Эвмен II (197—159 гг.) — царь, в котором удачно сочетались сила и дипломатическая тонкость, способствовал развязыванию войны между Римом и Антиохом III, храбро сражался в битве при Магнесии на стороне римлян и широко пользовался их победой, так что ему достались почти все земли, завоеванные у Селевкидов в Анатолии (кроме Южной Кари и Ликии, отошедших к Родосу). Его царство стало самым сильным в Малой Азии, но ему стоило больших трудов сохранить его в атмосфере ненависти соседей и немилостей, которые без видимых причин обрушились на него со стороны могущественного Рима.

Действительно, величие этого царства было кажущимся. Наследник Эвмена II, его сын Аттал III умер бездетным (133 г. до н. э.), завещав царство римлянам и оставив свободу только Пергаму и греческим городам. Много было сказано об этом странном решении царя и о нем самом, мизантропия которого граничила с кровавой тиранией и который в свободное время занимался выращиванием ядовитых растений. Признание фактического положения вещей? Страх перед народными волнениями, в частности восстанием рабов, справиться с которыми мог лишь Рим? Приняв завещание, Рим в 129 г. до н. э. образует провинцию Азию из Ионии и Пергамского царства, оставив соседним царям, своим вассалам, окраинные районы. Это был важнейший период, когда Рим впервые ступил на землю Азии, у которой он возьмет, по словам Юстина, «свои богатства и свои пороки» (36,3).

Пергамское царство, появившееся путем узурпации, достигло могущества только после заключения союза с Римом против греческих монархов. Его суверены, которые не могли похвастаться ни македонским происхождением, ни основанием своего царства «правом завоевания», представляли собой жалкое зрелище рядом с Птолеями или Селевкидами. Но эти цари-филистеры, слабые и уязвимые, создали свой собственный стиль, и, если они показали себя слишком ловкими в эксплуатации подданных, обложив непомерной данью города и храмы и угне-

тая царских земледельцев хоры²⁴, в их активе остался отпор галатам, создание живого центра эллинизма в Пергаме, широкое строительство в Греции.

Еврейская проблема

Начиная с ассирийского завоевания, евреи потеряли независимость, но сохранили очень сильные национальные традиции, черпая силы в союзе, который, по их верованиям, связывал их с Яхве. Они распадаются на две части, развивавшиеся различными путями: одна — евреи Иудеи, другая — евреи диаспоры²⁵.

Иудея

Иудея входила в состав Келесирии и как таковая долгое время принадлежала Египту. После завоевания ее Антиохом III она становится общиной, управлявшейся первосвященником и советом (синедрионом, или санхедрином), в руках которых находились огромные сокровища. Духовно иудеи были глубоко разобщены: одни, «верные» (хасидеи), оставались приверженцами сурового ригоризма и решительно отвергали все чужеродное; другие, в основном представители знати, эллинизировались и охотно отказались бы от применения некоторых положений Моисеева закона. Греческий язык распространился в Палестине, где элита по-гречески говорила так же хорошо, как и по-арамейски. Часто встречались греческие имена. «Реформированный иудаизм», легко забывший о Законе, нашел свое полное воплощение в первосвященнике, который на греческий лад называл себя Язоном. Он не колеблясь отправил в качестве пожертвования 300 драхм серебром на игры Геракла Тирского (Мелькарта) в Тире. Язон отменил конституцию и создал правительство, подобное полисному; он составил списки демоса (граждан), а также стремился создавать образовательные заведения по типу греческих и осмелился построить гимнасий у подножия "горы Сион (175 г. до н. э.).

Антиох III предоставил евреям автономию, которой они пользовались при Птолемах. Его менее терпимые преемники вызвали «националистическую реакцию», дошедшую до открытого восстания. Селевк IV послал в

Иерусалим своего визиря Гелиодора, который, очевидно, позволил евреям подкупить себя. Легенда говорит, что ангелы выпороли его, помешав выполнить свою миссию. При Антиохе IV, решительном стороннике эллинизации, ситуация накалилась. По случаю постройки гимнасия в Иудее начинались беспорядки, и царь осквернил храм в Иерусалиме кровавой жертвой и установлением там статуи Зевса. Кроме того, он запретил обрезание и празднование субботы. После этого по призыву Иуды Маккавея началась «священная война». В 165 г. до н. э. он взял Иерусалим и очистил Храм.

Борьба продолжалась с переменным успехом, но всегда с одинаковым ожесточением. Евреи плели интриги, пользуясь династическими ссорами в Антиохии и поддержкой Рима. Первосвященник Симон заставил наконец признать себя этнархом (владыкой народа), согласившись быть вассалом царя. Его внук Аристокбул, одно имя которого ярко свидетельствует о его эллинизации, восстановил Иудейское царство, провозгласив себя в 104 г. до н. э. царем и основав династию Хасмонеев, которая останется у власти до времен Ирода. Ни один из Селевкидов не смог после этого покорить Иудею. Таким образом, еврейский вопрос, который унаследуют римляне, в эллинистическую эпоху уже вполне сформировался.

Во II в. до н. э. появилось два религиозных течения, противоположных друг другу не только по своим ритуалам (в частности, у них разные даты праздника Пятидесятницы), но и по догматам. Саддукеи, набиравшие сторонников в основном из среды жреческой аристократии, исповедовали своего рода материализм, отрицая воскрешение мертвых и бессмертие души. Ценившие блага земной жизни, они охотно восприняли бы эллинизм. Фарисеи же желали следовать всем строгостям Моисеева закона, записанного на скрижалях, со всей тщательностью соблюдать ритуалы, комментировать священные тексты со страстью, не лишенной изворотливости. Под влиянием иранских верований они верили в ангелов и демонов, а также в конечное воскрешение избранных, что было ново для иудаизма. Несомненно, они заслужили лучшую оценку, нежели «гробы повапленные», как назвал их Христос, и, во всяком случае начиная с I в. до н. э., они оказали глубокое духовное влияние на народ.

Как реакция на официальный иудаизм саддукеев и фарисеев в I в. до н. э. появилась реформаторская секта ессеев, которые верили в Мессию, в Учителя праведно-

сти, создателя учения, немало позаимствовавшего у пифагорейства*. После страстей и смерти Учителя (около 65 г. до н. э.) секта Нового союза, на некоторое время изгнанная в Дамаск, значительно расширилась. В Кумране был найден главный монастырь ессеев, где монахи проводили жизнь в аскезе и размышлениях, и библиотека монастыря (знаменитые «Мертвого моря рукописи»), которая дала основные тексты, и прежде всего «Устав общины». Несмотря на неоспоримые различия, Учитель праведности — это своего рода «еврейский Пифагор» (по А. Дюпон-Соммеру), проповедовавший эзотерическое учение для посвященных, тогда как Иисус, будучи простым человеком, стремился затронуть сердца простых людей. Оба мессии, появившиеся с разницей в один век, во многом схожи. Э. Ренан не ошибался, найдя в ессееанстве «привкус христианства» и утверждая, что «христианство — это удавшийся вариант ессееанства».

Палестинская литература свидетельствует о жизнеспособности иудаизма. Она написана на древнееврейском и на арамейском языках, что противопоставляет ее литературе Египта. Кроме того, она часто проникнута националистическими тенденциями, т. е. направлена против оккупации страны греками и против их насилий. «Экклезиаст» (III в. до н. э.) с поразительной²⁶ силой выражает идеи пессимистического материализма. Описанные в нем тяготы земного существования не были смягчены перспективой счастливой загробной жизни: автор непосредственно зависит от Иеремии, Иезекииля и Иова, но при надобности также использует Гераклита, Зенона или Эпикура. «Экклезиастик» (начало II в. до н. э.) еще лучше показывает взаимное проникновение иудаизма и эллинизма. Это воспитательный трактат, разделенный на озаглавленные разделы, как диатрибы киников²⁷; в нем сочетаются идеи моралистической литературы греков и «мудрости» старых иудейских книг. Воспитательная тема в III в. до н. э. часто разрабатывалась и в эллинистической литературе. Но здесь имеется существенная разница: идеал греческого философа — автаркия (самодостаточность), еврея — помощь бога. «Первая книга Маккавеев» излагает историю восстания и опирается на офици-

* Влияние греческой мысли на ессеев значительно. Один из псалмов ессеев идентифицирует Давида и Орфея не без явного намека на пифагорейство. Таким образом предвосхищается уподобление Христа Орфею, как мы это видим в живописи римских катакомб.

альные документы и селевкидские источники, являясь историческим свидетельством первостепенной важности. Но историки часто предпочитают, согласно Р. П. Абелю, «криптографические сочинения, которые скрывают факты за романизированной формой или проецируют их в будущее в виде символов или живых картин». «Книга Даниила» включает в себя историческую и апокалипсическую части и в противовес растущей заманчивости греческого политеизма превозносит величие бога Израиля; «Книга Еноха» содержит исторические прозрения и видения.

Таким образом, евреи сумели в палестинской среде сохранить свои традиции. Часто нетерпимо и националистически настроенные, они возбуждали к себе ненависть: после осквернения Храма Селевкиды распустили слух, что якобы обнаружили там приготовления к ритуальному убийству и что в святая святых почитали осла,— обвинения, которые, прежде чем быть перенесенными на христиан, долгое время будут выдвигаться против иудеев.

Диаспора

Эмиграция евреев из Иудеи — древнее явление, восходящее по меньшей мере к великой катастрофе 586 г. до н. э.— захвату Иерусалима Навуходоносором и последующему за этим «исходу». Диаспора увеличивается во времена завоеваний Александра Великого, который присоединил Палестину к греческому миру, и еще больше во время потрясений, происшедших во II в. до н. э.

Ареал диаспоры довольно велик. Еврейское население в эту эпоху оценивается примерно в 8 миллионов человек. В основном они были сосредоточены в четырех областях: Вавилонии, Сирии, Анатолии, Египте, и в каждой из них проживало более миллиона. Немало их было также в Киренаике, на островах Эгейского моря, в Греции и даже в Африке, Италии, Испании. Везде отмечены обращения иноверцев, особенно среди женщин, так как многие мужчины испытывали отвращение к обрезанию. Сложилась также категория полуобращенных, «себоменой» (боявшихся бога). Кроме Храма были еще многочисленные синагоги (молитвенные дома).

Евреи диаспоры наиболее известны в Египте. Одни начиная с VI в. до н. э. образовали общины, другие приезжали в большом количестве после присоединения к Египту Келесирии, а затем в связи с восстанием Макка-

веев. Здесь проживало более миллиона, из них около ста тысяч — в Александрии, где они населяли два района из пяти. Кстати, они везде имели тенденцию селиться районами. Занимались евреи различными видами деятельности. Среди них были войны, крестьяне, ремесленники, чиновники, реже — купцы или ростовщики, что резко отличало эллинистических евреев от средневековых. Антисемитизма в местах их проживания не существовало, но они часто вызвали чувство недоверия у греков, конкурировавших с ними. К тому же всех шокировала их обособленность. «Твои обычаи,— признает „Еврейская Сивилла"²⁸ (II в. ДО Н. Э.),—возбуждают ярость всех людей».

Живя не в своей среде, в контакте с иноверцами (кроме Александрии, где их община управлялась советом старейшин — герусией), египетские евреи эллинизировались. Большинство из тех, кто упомянут в папирусах, носит греческие имена. С начала II в. до н. э. с арамейского языка они перешли на греческий. При Птолемеях Филадельфе на греческий стали переводиться и священные тексты — это знаменитая «Септуагинта» («Перевод семидесяти толковников»), которая окажет значительное влияние на население нееврейского происхождения, знакомившееся с Ветхим заветом. Древнееврейский язык, который стал необязательным в синагоге, также вышел из употребления.

Формировались школы экзегетов, которые для толкования Библии применяли методы стоиков. На греческом языке евреи создали философские трактаты, трагедии, пророчества и т. п. Достойный восхищения Филон Александрийский (родившийся незадолго до нашей эры) является одновременно и раввином, воспитанным на иудейской традиции, и философом-эклектиком. Во всяком случае, он был одним из самых выдающихся гениев античности, у которого синтез иудаизма и греческой философии, двух столь различных систем, предвосхищает греко-христианский синкретизм. Если он и не принадлежал к эллинистической эпохе, то относился к племени евреев с широким мышлением, которые 8а три века успели глубоко овладеть греческой культурой.

Существуют различия между евреями Иудеи, эллинизация которых в лучшем случае поверхностна, и евреями Диаспоры, гораздо глубже (в частности, в Анатолии, Сирии, Египте) воспринявшими греческую культуру и охранившими лучшее, что было в их религии (моно-

теизм). Они не колеблясь отказались от наиболее нелепых ритуалов, осложнявших им жизнь в греческом мире.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ МОНАРХИЯ

Расчленение империи Александра, а затем и державы Селевкидов только подтвердило значение большого политического новшества — института монархии: повсюду стали возникать маленькие или большие царства.

Царь и двор

Как и во времена Александра, в формировавшейся монархической идеологии эллинистической эпохи соединились самые разные факторы. Философы, в частности пифагорейцы и стоики, развили концепцию сильной личности, которая появилась уже в IV в. до н. э., особенно у Исократ. Для них царь представлял собой живой и одушевленный закон (*nomos empsychos*), что объяснялось божественной сутью царя. Толпа особенно чувствительна к престижу, который создают победы, так как военные успехи кажутся ей самыми осязаемыми доказательствами благоволения богов. Таким образом, оформлялась абсолютная монархия, создававшая для царя моральные обязательства, которые сплошь и рядом упоминаются в текстах: монарх должен быть усердным, благочестивым, доброжелательным ко всем, и особенно к простым людям, филантропом.

Но в этой идеологии не меньше проявлялись и восточные влияния. Наследники восточной теократии, эллинистические суверены обладали абсолютным могуществом, так как они были детьми богов и сами боги. Так Птолемей стали фараонами. Сотер не короновался, полагая, очевидно, что мог царствовать «по праву завоевателя», но его наследники позволили «действовать» жрецам, которые и наделили их магической силой живых богов на земле. Со времени Птолемея Филадельфа все Птолемеи носили титулатуру из пяти имен, характеризовавших могущество фараонов: «отважный юноша, великий славой, возведенный на трон отцом, могучий „ка"»²⁹ Ра, любимый Амоном Птолемей». Надпись храма в Эдфу указывает, что бог Хор дал монарху землю Египта с правами собственности, что было зафиксировано божественным писцом Тотом.

Монархия передавалась по наследству — старший сын наследовал отцу. Исключения были редки, обусловлены они интригами двора. Так, Птолемей I сделал преемником своего узаконенного побочного сына, ставшего Птолемеем II, предпочтя его старшему сыну Птолемею Керавну. Часто отец делал сына соправителем, в основном у Селевкидов, когда молодой наследник мог управлять восточными сатрапиями.

Большая роль отводилась царице. Несмотря на пример Филиппа, Александра, возможно, Деметрия Полиоркета и Пирра, в Египте преобладали цари-единоженцы (впрочем, у них были наложницы). За редким исключением цари выбирали жен из царствующих фамилий. В Египте, начиная с Птолемея Филадельфа, был даже введен местный обычай кровосмесительных браков с целью сохранения чистоты рода. Этот обычай переняли и некоторые Селевкиды.

Царь окружал себя двором, нравы которого напоминают нравы македонской и персидской монархии одновременно. Царь носил хламиду и шлем или каусию (ветровую македонскую шляпу), а также и диадему великих царей. По своему стилю его дворец не был похож на гигантские постройки восточных царей, он был удобен, но в то же время роскошен. Понемногу вводился этикет, имевший целью выделить царя и его близких из массы простых смертных. Появились придворные титулы, носители которых представляли своего рода дворянство, впрочем не потомственное, а личное. Чаще всего выделяли (это менялось от династии к династии) «друзей царя» и «родственников царя» (например, «отец-кормилец» или «молочный брат» — почетные титулы, позволявшие носить царский пурпур, но не отражавшие реальных родственных связей). Если к этому еще добавить культ царя, который мы ниже рассмотрим подробнее, и присутствие Царского образа на монетах (только Атталиды не изображали живущих владык), то увидим всю важность эпохи, когда устанавливались обычаи, многие из которых будут восприняты императорами Рима, Византии и суверенами нового времени.

Царская администрация

Царь устанавливал законы, не нуждаясь в том, чтобы его решения обсуждались каким-либо советом или собранием. В этом заключалось главное отличие эпохи эл-

линизма от классического периода, когда закон был выражением воли общины. В деталях тексты, в которых отражалась всемогущая воля царя, отличались друг от друга. Были законы (*nomoi*), установления (*diagrammata*), указы (*prostagmata*), которые часто имели форму письма.

Естественно, царь, хотя и был всемогущим, не мог все знать и все решать сам. Он созывал на совет «друзей» для решения различных вопросов. Некоторым из них он доверял посты, которые в основных чертах соответствуют министерским, сохраняя за собой две сугубо царские функции: командование армией и верховную судебную власть. Из наиболее важных лиц царской администрации необходимо назвать визиря, носившего, кстати, скромный титул «поверенный в делах», главного канцлера (особенно важен был этот пост в Египте, отличавшемся сверхразвитой бюрократией), министра правосудия (в Египте — архидикаст), главного контролера финансов (у Птолемея — диойкет, у Селевкидов — «поверенный в доходах»).

Местная администрация периода эллинизма была скопирована с администрации царств, существовавших до завоевания Александра, и как таковая она основывалась на традиционных территориальных единицах, управлявшихся доверенными лицами, прямо представлявшими суверена. Но у Птолемея, как и у Селевкидов, наметилась тенденция к замене традиционного правителя области (номарха или сатрапа) военным правителем, забиравшим понемногу всю власть в свои руки. Так, начиная со II в. до н. э. в Египте стратег руководил ведомством доходов, т. е. исполнял экономические функции (глава финансовой службы). Засвидетельствовано совмещение функции стратега и номарха в Фиваиде. Тем не менее Птолемеям удалось воспрепятствовать всемогущему стратегу превратиться в независимого владыку, в частности путем перемещения из одного нома в другой. Стратег — должностное лицо, и это название унаследовано им от классических Афин (в IV в. до н. э. стратегия превращается там в чиновничью должность, что может объяснить употребление этого слова, на первый взгляд парадоксальное, в эллинистическую эпоху). Институт стратегов был весьма основательным, и в большой мере именно благодаря ему эллинистические государства могли существовать, несмотря на огромную диспропорцию между греками и коренным населением.

Египет остался разделенным на номы (их было около 30), управлявшиеся номархами совместно с царским секретарем (басиликограмматеем). Каждый ном, в свою очередь, был разделен на две топархии во главе с топархом и топограмматеем. Топархии состояли из деревень (*komai*) с комархами и комограмматаями. Но Птолемей Сотер ввел в каждый ном стратега, который, возможно, уже при Птолемея III сконцентрировал в своих руках всю гражданскую и военную власть и свел функции номарха к управлению царскими владениями. В Верхнем Египте, где часто происходили народные восстания, был еще военный правитель, стратег Фиваиды. Под его властью находились стратеги различных номов; в некоторых текстах он даже носит титул эписстратега.

Селевкиды сохраняли персидскую систему деления на сатрапии, несколько увеличив их число. По всей видимости, здесь также сосуществовали как военные правители — стратеги, так и гражданские — сатрапы, функции которых были незначительны.

Бюджет

Благодаря папирусам можно составить довольно четкое представление о царском бюджете в Египте эллинистического времени. Сумма его значительна, хотя точно определить нелегко. Царь получал доходы от самых разных источников — от естественных богатств или от трудовой деятельности человека*.

Здесь можно перечислить некоторые из них: от земли; от шахт и карьеров (на них царь имел особые права); от транспорта (царь владел флотилией на Ниле и, кроме того, взимал налог с судов, принадлежавших другим); от предоставления патентов мелким торговцам и заморским купцам; таможенные доходы (оплата права на ввоз составляла от 25 до 50 процентов, что охраняло доходы монополий от концессий); доходы царских банков; от права регистрации имущества, передачи собственности, наследования; земельный налог, налагавшийся не на сами владения, а на пользование ими; подушный на-

* Птолемей II Филадельф, очевидно, располагал 14 800 серебряными талантами в год. Сумма кажется незначительной, если правда то, что Птолемей Авлет имел 12 500 талантов в Египте, уже ослабленном и обескровленном войнами.

лог (основанный на переписях населения каждые 14 лет, установлен, вероятно, в 220 г. до н. э.); от храмовых имуществ (III в. до н. э.); сборы с клеруков и жрецов; налоги с продажи рабов; штрафы; от доходов империи (III в. до н. э.) (дары, контрибуции); экстраординарные доходы (военная добыча, дополнительные налоги, введенные в критических ситуациях).

Количество и разнообразие этих поборов поражает. Главной задачей Птолемеев являлось накопление богатств; для этого заимствовались и египетские и греческие традиции. Система представляется эффективной, но непоследовательной, так как в ней можно выделить различные хронологические слои. По словам К. Прео, «это фискальная система Франции конца Старого Порядка».

Впрочем, расходы Птолемеев были не менее значительными, чем доходы,— на содержание армии и флота, а также бюрократического аппарата, культовые расходы (которые росли по мере старения династии — прямое следствие культа царя), на широкое строительство как в Александрии, так и вне ее, на роскошный образ жизни, на меценатство.

Военное соперничество

Могущество эллинистических царей было основано как на администрации и фискальной системе, так и на армии и флоте.

Армия в эллинистический период (о солдатской среде см. ниже) сохранила основные черты армии Александра, т. е. македонской, претерпевшей некоторые изменения в результате контактов с Востоком. Основной силой служила фаланга — компактная масса, закованная в латы и ошетилившаяся железом. «Против сплоченной и хорошо вооруженной фаланги,— напоминает Страбон,— беспомощны варварские племена и легковооруженные отряды» (7, 306). Кавалерия тогда играла гораздо большую роль, чем в классическую эпоху. Легкая кавалерия (амфиппы, конные аконтисты) хорошо проявляла себя в стычках; по персидскому образцу появились и настоящие кирасиры (катафрактары). Восточные традиции видны были и в использовании Селевкидами колесниц с серпами (как в Иране), а также слонов (всеми царями, которые могли их достать). Слоны стали основной ударной силой, настолько необходимой, что последний македонский царь,

у которого не было ни одного слона, соорудил их деревянные подобию, приводившиеся в движение спрятанными внутри людьми.

Личный состав армий насчитывал значительно больше единиц по сравнению с армиями классических полисов. Птолемей II Филадельф имел в своем распоряжении 240 тысяч солдат, Птолемей IV Филопатор — 75 тысяч. В битве при Рафии армия Селевкидов насчитывала 62 тысячи пехотинцев и 12 тысяч всадников. Можно понять то чувство ужаса и паники, которое возникало у неприятеля перед лицом такой массы войск. Это хорошо передано в Первой книге Маккавеев, в том месте, где речь идет о битве при Бейт-Захари: «Все были потрясены, услышав гул этого множества, шум их шагов и бряцание оружия,— гигантская и сильная армия, если это была армия» (I Макк. 6, 41).

В вооружении армий в эллинистическую эпоху больших изменений не произошло: длинная сарисса (около 4 м) фалангиста, короткий меч, служивший исключительно как колющее оружие (отсюда страх солдат Филиппа V перед иберийским мечом римлян), каска, кираса, сильно выпуклый македонский щит. В то же время на Востоке среди наемников распространился овальный щит галлов, а кавалеристы перешли на плоский круглый щит, принесенный, вероятно, из Италии Пирром.

Владыки располагали постоянными крепостями. В Пелле, например, македонский царь имел конный завод с 30 000 кобылиц и 300 жеребцами, в Апамее-на-Оронте Селевкиды содержали 500 слонов. Вокруг походного лагеря чаще всего старались усилить естественные укрепления, что было причиной нерегулярного расположения войск (отдельные отряды не имели определенного места). Пирр, насколько известно, завоевал себе репутацию мастера по устройству лагерей.

Сражение в изучаемую эпоху в общих чертах развивалось так же, как и в предыдущую. Осталось фронтальное столкновение двух фаланг, сопровождавшееся серией рейдов, в которых значительную роль играли легковооруженные воины. Применялись и более тонкие маневры: Пирр разбил фалангу на батальоны, разделенные мобильным контингентом, и таким построением создал более гибкий фронт; Филопатор сражался при Мантинее подобным же образом; Митридат Евпатор, прошедший школу греческих стратегов, также иногда обходился без слишком массивного строя фаланги.

Решающую роль играла осада. Все города были укреплены — от Сент-Блеза в устье Роны до Таксилы. Даже Спарта строила себе укрепления. Поэтому возросло значение осадных машин, употреблявшихся греками, начиная с Дионисия Старшего. Артиллерийские машины, которые назывались по-разному — баран, башня, черепаха, были сделаны по принципу катапульты и служили для разрушения или подкопа стен. Полиоркетика стала наукой. (Артиллерия применялась только для осады. Мы имеем лишь один пример использования катапульты в сражении — в битве при Мантинее в 207 г. до н. э.)

На море мы наблюдаем настоящую «гонку морских вооружений» (К. Прео). Конструировались гигантские корабли (у мегаломана Птолемея Филопатора было судно с 40 рядами гребцов), строились внушительные флотилии из кораблей обычного водоизмещения (триеры и пентеры). Птолемей I имел эскадру, состоявшую из 150—200 судов, Деметрий Полиоркет — из 500, Пирр — из 200, Антиох III — из 100 палубных кораблей и 200 легких. Морские битвы были столкновением огромных масс судов, а не столкновением стратегий из-за трудности управления таким большим флотом. Выделяется лишь Деметрий Полиоркет, который в битве при Саламине на Кипре (306 г. до н. э.) нанес решительное поражение Птолемею I Сотеру благодаря гибкости своей стратегии.

Роль командующего во всех войнах являлась определяющей, и к этому факту постоянно привлекает внимание Полибий. Историк выделяет два типа: импульсивный полководец (Филипп V или Персей), который сам становится причиной своего поражения, отрицая логический подход, и рассудительный стратег (Филопемен, Фламиний, Эмилий Павел, Ганнибал) — настоящий герой, умеющий соединить ясновидение и отвагу. Об искусстве войны были написаны трактаты, о нем, обращаясь за помощью к специалистам, размышляли полководцы. К специалистам обращались даже владыки варваров: Ганнибал призывал лакедемонянина Сосила, Митридат V и Митридат VI — Дорилая Тактика и его племянника Дорилая Младшего.

В эллинистических институтах были сокрыты ростки будущего — как в социально-экономическом, так и в идеологическом плане. Траян, которого Плиний Младший рисует в своем «Панегирике», является прямым на-

следником эллинистического басилевса, и совершенно очевидно, что стратег послужил моделью для проконсула и еще более для легата (правителя провинцией империи) времени Августа. Римский ветеран не может не напоминать клеруха. Но изучение экономики и идеологии обществ, возникших после завоевания греческих царств Востока, ставит не менее захватывающие проблемы; в них мы видим ту же смелость, то же новаторство в принятии решений, в которых ярко проявлялась жизнеспособность отказывавшегося стареть эллинизма.

Глава 2

ЗАВОЕВАННЫЙ МИР: УПРАВЛЕНИЕ ЦАРСТВАМИ

Преемники Александра столкнулись с проблемой, стоявшей и перед ним: организацией экономической и общественной жизни в царствах, где она традиционно регламентировалась царской властью. И они постоянно заботились о том, чтобы сильно не нарушить установленный до них порядок, в чем заключалась своеобразная мудрость. Однако новые условия (развитие «капиталистической буржуазии» греческого происхождения и введение в Египте монетной системы) постепенно вызвали глубокие изменения, которые были особенно заметны в городах. Благодаря фактору наложения завоевателей на покоренную массу местного населения, которое в большинстве своем издавна привыкло к иноземному владычеству, эллинистический мир не только обрел свой особый облик, но и подчас становился как бы прообразом Римской империи

СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДОВ

Греческая архаическая и классическая цивилизация характеризуется рождением и расцветом полиса и развивалась именно в крупных городских центрах, таких, как Милет, Коринф, Афины, Сиракузы. Александр Великий проявил себя как достойный наследник этой традиции, усеяв только что завоеванную Империю многочисленными Александриями, предназначенными для эллинизации Востока и призванными осуществлять слияние народов, которое он считал столь необходимым.

Его последователи в разной степени были верны его политике; она будет вдохновлять также и Рим. Селевкиды строили в своем государстве множество новых городов. Атталиды в издавна застроенной городами Малой Азии основали тем не менее Пергам, чтобы иметь столицу, способную соперничать с великими столицами

Востока. В Анатолии под воздействием Атталидов были эллинизированы и другие районы, в частности Памфилия (равнина между горами Тавра и Средиземноморским побережьем), земля, богатая памятниками градостроительства, которые в подражание Пергаму представляют, по словам Р. Мартэна, «монументальную ценность, укрупнение пропорций, уникальные архитектурные композиции». Например, в Перге можно увидеть великолепные эллинистические укрепления.

Египет Птолемея остался чисто сельской страной, но Александрия, детище Александра, пережила период небывалого расцвета; в то время она была наиболее значительным городом эллинистического мира.

Города, основанные Селевкидами

Только Селевк I построил около 60 городов, из которых 16 названы Антиохиями по имени его отца и 9 — Селевкиями. Города множилось при Антиохе I, затем, до начала царствования Антиоха IV Эпифана, их строительство значительно сократилось, с началом же его правления наступил новый скачок в градостроительстве. Кстати, не следует злоупотреблять термином «основание», так как речь не обязательно идет о постройке *ex nihilo* (из ничего), часто подразумевается объединение нескольких деревень в город, или возведение поселения местных жителей в ранг полиса, или даже просто изменение названия.

Эти города были настоящими полисами в греческом понимании — со своей территорией, с городской автономией, которая, в частности, распространялась на финансовые и судебные вопросы, с магистратами. Конечно, они уже не являлись независимыми государствами, как это было в классическую эпоху, а чаще всего находились под непосредственным надзором губернатора (эпистата), иногда они обязаны были содержать гарнизон. Цари расточали городам знаки благоволения и щедроты: вкладывали средства в строительство общественных зданий, приходили на помощь во время бедствий, предоставляли привилегии, увеличивали степень их независимости, давая «право убежища и неприкосновенности имущества» 2.

Цели урбанизации были самыми разнообразными. Города способствовали экономическому подъему, что, в свою

очередь, увеличивало царские доходы; они позволяли содержать войска, охранявшие торговые пути и стратегические позиции. Особенно ярко это видно на примере Малой Азии, которая была предметом ожесточенной борьбы между Атталидами и Селевкидами. Там находилось много клерухий, которые уменьшали сопротивление местных жителей, поделив территорию прежних сатрапий между городами. Можно даже сделать вывод, что цари рассматривали города как удобный способ удовлетворения традиционных вкусов своих греческих подданных. При этом они избавляли себя от той сложной системы управления, которую вынуждены были применять Птолемеи в своем преимущественно сельском государстве.

И наконец, Селевкиды окончательно не отказались от намерений Александра. Хотя речь уже и не шла о смешении народов, они все же мечтали эллинизировать Восток, преследуя двойную цель: ассимилировать, вернее, подчинить местное население и распространить греческую цивилизацию, которую они рассматривали как высшую и единственно достойную человека.

Результаты этой политики были различными. Селевкиды сами себе создали трудности, поскольку города, по великой греческой традиции, не отличались спокойствием (например, в Антиохии известно несколько восстаний). К тому же унаследованная от Персидской монархии система сатрапий мало соответствовала сильной централизованной власти. Селевкиды ограничивали свои доходы, поместив на царских землях города, прямые и косвенные налоги от которых давали меньшие суммы, чем налоги, получаемые от царских земледельцев. Помимо военных и экономических преимуществ урбанизация имела благоприятные политические последствия, поскольку она способствовала распространению эллинизма. Замечательно, например, проникновение вплоть до Ирана Селевкидов греческого права. Манумиссии, составленные по греческим нормам, были найдены в районе Горгана (у юго-восточной оконечности Каспийского моря, в Гиркании), и в Селевкии-на-Эвлае (Сузы). Они составлены «в пользу царя и царицы», и раб после освобождения посвящался какому-либо божеству, в первом случае Са-рапису, во втором — местной богине Нанайе.

В то время как Птолемеи слишком часто вели себя как «капиталисты», заинтересованные только в увеличении своих доходов, Селевкиды проявляли себя как властители, не пренебрегавшие высшими интересами царства.

Города Селевкидов построены по единому образцу в соответствии со строгими правилами Гипподамовой системы градостроительства, сложившейся около 480 г. до н. э. Традиция связывает ее с именем Гипподама из Милета — философа, который, по-видимому, обобщил ранние поиски, произведенные, в частности, в колониальных полисах. Система основывалась на двух новых принципах: а) улицы пересекались под прямым углом, что давало шашечное расположение; выделение двух главных улиц, как это будет в римских городах, не обязательно; б) городской план предусматривал различные типы деятельности людей, оставляя кварталы, специально предназначенные для порта, общественных зданий, жилых районов и т. п. Постройки, возведенные на скорую руку, не впечатляли.

Первой зоной урбанизации были Месопотамия с Антиохией-Эдессой, Антиохией-Нисибисом, Дура-Европос, Селевкией-на-Тигре, Вавилоном. Наиболее известен из этих городов благодаря интенсивным раскопкам Дура-Европос, основанный Селевком I на правом берегу Евфрата. Город был крепостью, охранявшей проход по реке, крупным торговым центром. Выстроен он в шашечном порядке вокруг обширной агоры. Его институты — греческие (с буле, стратегом, казначеями, ситонами, ответственными за снабжение зерном), но царь все контролировал через эпистата. Граждане владели клерами (наделами земли), которые для них обрабатывали местные сельские жители. Но с храмами, посвященными греческим богам (Зевсу Мегисту — Величайшему, Аполлону и Артемиде), соседствовали многочисленные святилища восточных божеств, а памятники искусства свидетельствуют о том, что восточные элементы быстро возобладали над западными. Так или иначе, город достиг высокого уровня благосостояния, будучи одним из крупных городских центров и после парфянского завоевания, уже в римскую эпоху.

Тем не менее самые красивые города Селевкидов находились в Сирии, которая после многократного уменьшения территории стала ядром царства. Наиболее значительными являлись два порта — Селевкия в Пиерии и Лаодикея (Латакия) — и два полиса на реке Оронт — Антиохия и Апамея.

Антиохия расположена на левом берегу Оронта, в 22 километрах от устья, в богатой долине, ширина которой в этом месте достигает примерно 40 километров.

Плодородие почв и обилие осадков позволили превратить долину в цветущий сад. Оронту судоходен до самого моря, по его берегу прошла караванная дорога, ведущая во внутренние области.

Этот полис, основанный Селевком I в 300 г. до н. э. для 10 тысяч колонистов, все расширялся. К концу эллинистического периода в нем проживало (без окраин, населенных коренными жителями) от 300 до 400 тысяч человек, которые были сосредоточены в четырех кварталах. Два из них, расположенные около реки, были заложены при основании города, третий — Неаполис, построенный Антиохом III Великим, находится на острове Оронта, четвертый, спускавшийся по склону горы Силпиос, является творением Антиоха IV Эпифана, который к тому же окружил город укреплениями. План города соответствует обычным нормам эллинистического градостроительства: вдоль реки пролегает широкая дорога, на которую под прямым углом ориентированы улицы. Институты Антиохии — это институты полиса с буле и архонтами.

К македонским колонистам Селевка I присоединилось множество греков, значительным в Антиохии было по числу и местное население — быстро эллинизовавшиеся сирийцы и проживавшие в гетто евреи.

Антиохия, столица царства Селевкидов, представлявшая собой космополитическую метрополию, была одним из наиболее процветающих и населенных городов эллинистического Востока — с оживленными улицами и высоко развитой текстильной промышленностью. Однако, несмотря на усилия некоторых Селевкидов (Антиох III и Антиох IX хотели основать музей и библиотеку, кроме того, в городе обрабатывали драгоценные металлы), Антиохия как центр литературы, искусства и ремесла не могла соперничать ни с Александрией, ни с Пергамом. Судьбой ей было уготовано стать левантинским городом, за которым в римскую эпоху утвердилась слава города неслыханного богатства и роскоши.

Пергам Атталидов

Другая судьба у Пергама. Столица Атталидов находилась в 30 километрах от берега моря на возвышенности между двумя притоками Каика — Селинунтом и Кетием. Этот холм из трахита высотой 335 метров был жи-

вописно расположен, но для застройки труден из-за своей высоты. Однако архитекторам удалось построить один над другим три города, соединив их лестницами с бельведерами и террасами, несущими двухэтажные портики, удачно вписавшиеся в пейзаж и свидетельствовавшие о новом понимании прекрасного.

В верхнем городе, самом важном, имевшем преимущественно политическое и административное значение, находилась двойная агора с храмом Диониса. На верхней площадке стоял большой алтарь Зевса и Афины — здание замечательное как своими размерами, так и романтической красотой скульптурного убранства, а так же святилище Афины Полиады, ограниченное с двух сторон портиками. Оно своим скромно украшенным дорическим храмом господствовало над долиной Селинунта. На этой площадке, кроме того, располагалась библиотека, а на самом вершине дворец и обширный арсенал. Немного ниже под террасой, в конце которой был небольшой ионический храм Диониса, размещался театр.

В среднем городе находился великолепный гимнасий, может быть самый красивый в эллинистическом мире, построенный на разных уровнях, соединенных широкими лестницами и подземными переходами, а также храмы Деметры и Геры Басилеи («Царицы»), отделенные друг от друга пританеями. Нижний город с обширной агорой, окруженной двухэтажной колоннадой, был торговым центром. Вся архитектура города — соперника Афин, города, в котором зародилось столько нового, была на редкость удачной. «Что общего между трофеями, которыми отмечают свой путь по миру римляне, и страстью, с которой люди эллинистической эпохи превратили широкий ландшафт Пергама в архитектуру, простирающуюся от горизонта до богов?» — писал Андре Мальро.

Этот успех объясняется многообразной деятельностью, центром которой по воле Атталидов стал Пергам. Своим расцветом он обязан не столько торговле, ибо расположен далеко от больших торговых путей, ведущих во внутренние области Азии, сколько наличием богатейших угодий, где выращивали хлеб, оливы, виноград, а также занимались животноводством, применяя селекцию. В Пергаме получили развитие самые разнообразные виды ремесел: там производились благовонные масла, тонкое полотно, пергамент (само название которого происходит от названия города). Кроме того, Пергам был столицей государства если и не самого большого из эллинистиче-

ских царств, то, во всяком случае, одного из наиболее богатых и наилучшим образом управляемых.

Атталиды стремились превратить Пергам в Афины эллинистического мира. Его библиотека соперничала с александрийской, царский дворец заключал в себе настоящий музей скульптуры, где, вероятно, зародилось искусствоведение. По праву славилась его школа риториков и мастерские скульпторов, умевших соединить патетику и внешний эффект, как и дионисийские актеры, которым также покровительствовали цари, создавшие в Пергаме крупнейший центр театрального искусства. Возможно, самую большую дань почтения отдал Пергаму Плиний Старший (Hist. Nat. III, 149): «После смерти Аттала (царя, завещавшего свои владения римлянам) римляне начинают любить иноземные достижения и восхищаться ими». Пергам — учитель Рима соответствовал Афинам — учителю Греции.

Александрия Египетская

«Все, что может существовать или случиться на земле, есть в Египте: богатство, спорт, власть, голубое небо, слава, зрелища, философы, золото, прекрасные юноши, храмы богов адеффов, добрый царь, Мусей, вино, все хорошее, чего можно пожелать, и женщины, столько женщин...» — так путано, но правдиво говорила старая сводня в «Мимиамбах» Геронда. И в самом деле город, основанный Александром на месте рыбацкой деревушки Ракотиды, воплощал все великолепие Востока.

Александрия была основана в западной части Дельты, на перешейке между морем и озером Мареотиды недалеко от Канопского рукава Нила. Эта местность отличалась здоровым климатом даже летом благодаря периодически дувшим северным ветрам. Порт, скрытый за островом Фарос, был относительно хорошо защищен от бурь.

Древний город известен плохо, так как из-за оседания почвы он оказался под водой. Тем не менее мы знаем о его удлинённых контурах («как хламида», скажет Страбон) и о том, что его периметр превышал 15 километров. План города, который сделал Дейнократ Родосский, — гипподамовый. Две главные очень широкие (30 метров) улицы пересекаются под прямым углом. Город разделен на пять кварталов, названных по первым пяти буквам греческого алфавита. Среди главных памятников можно

назвать гимнасий с великолепной колоннадой, дикастерийон (суд), Сему (постройка над могилой Александра), отделенную от города высокой стеной. Один дворец занимал четверть Александрии, но он ничем не напоминает монументальные ансамбли дворцов фараонов. Со своими легкими постройками, садами, Мусеем, Библиотекой, театром он образовывал Неаполис, или Новый город.

Порт делился на две части молотом, или Гептастадием, соединявшим Фарос с материком. В восточной части находился большой порт, принимавший основную часть перевозок, а также царский порт, в западной части — Эвностос («Благополучное возвращение»), военный порт и искусственный водоем, соединенный с озером Мареотиды. Посреди острова стоял Маяк, творение Сострата Книдского — трехэтажное сооружение (110 метров).

В населенном египтянами квартале — Ракотиде на одной из улиц возвышался Сарапейон. Город быстро вышел за свои пределы — на востоке простиралась окраина Элевсин со стадионом, ипподромом, кладбищем; на западе раскинулся главный некрополь, а вдоль канала, соединявшего Александрию с Канопом, — прекрасные сады и великолепные усадьбы, где, по свидетельству Страбона, бурлила веселая жизнь.

Очень сильны были заботы о благоустройстве и чистоте города. Вода поступала по развитой водопроводной системе, забиравшей нильскую воду.

Александрия была самым космополитическим городом на всем эллинистическом Востоке. По свидетельству Страбона, в ней проживало более миллиона человек. Самые разнообразные народности жили здесь бок о бок — греки, египтяне, сирийцы и с определенного времени италийцы. Одни только евреи составляли две пятых населения, их столкновения с греками часто вызывали серьезные волнения, это продолжалось до римской эпохи.

В городе, по крайней мере внешне, было самоуправление. По надписям известны два собрания — буле, созданное Александром и довольно быстро упраздненное, и экклесия, организованная по афинской системе с филлами, фратриями, демами. Самым значительным магистратом, по-видимому, являлся гимнасиарх, он выступал как представитель граждан и защитник республиканских свобод. В действительности же в городе, который был столицей централизованного царства и царской резиденцией, автономия представляла собой не что иное, как фикцию. Царские чиновники вмешивались в муниципальные дела

В частности, это делал «начальник ночной стражи» (точно неизвестно, что означала эта должность, вероятно, она близка должности «префекта стражи» в Риме).

Жизнь была ключом. Толчея на улицах Александрии, воспетая поэтами, станет наглядной картиной для сатириков, описывавших суету Рима, а затем и Парижа, В Александрии в ходу все удовольствия, даже наименее невинные. «Афродита здесь как у себя дома»,— отмечает Геронд (1, 26). Поскольку в городе легко было спрятаться, сюда стекались многочисленные крестьяне, бежавшие от тягот деревенской жизни. Народ был неугомонный, его беспоконный характер часто проявлялся как в период династических смут II в. до н. э. *, так и во время вторжения Юлия Цезаря.

Александрия была практически единственным городом в Египте; два других города, имевших статус полиса,— старый Навкратис и основанную Птолемеем Сотером Птолемаиду — можно не принимать во внимание. Три фактора объясняют этот единственный в своем роде феномен в истории греческого мира. Во-первых, Александрия представляла собой политический центр царства Птолемеев, местопребывание громадного бюрократического аппарата, который управлял всем Египтом. Во-вторых, она была крупным экономическим центром. На ее мануфактурах производились вазы из глины и металла, тончайшие ткани, папирус, благовония. Из ее мастерских выходили предметы роскоши, известные во всем мире.

Будучи единственным портом Египта на Средиземном море, Александрия являлась связующим звеном с другими эллинистическими царствами, а позже и с Римом. Ее торговые связи многообразны: в III в. до н. э. она торговала в основном с Грецией, островами Эгейского моря, Малой Азией, Сирией, Финикией, Кипром, Сицилией, странами Красного моря, Понтом. Несмотря на кризис II в., она простирала свои связи до Карфагена (до 146 г. до н. э.), Кампании и Рима. Через порт, предназначенный для импорта, шел лес, металл, мрамор, а также продукты, в которых ощущался недостаток: оливковое масло и высококачественное вино. Через экспортный порт вывозили хлеб, папирус, плотные и тонкие льняные ткани, благовония, «александрийские товары»

* Первые беспорядки произошли в 203 г. до н. э., когда население расправилось с плохими советниками Птолемея Филопатора.

(изделия художественного ремесла). Наконец, там был и транзитный порт для снабжения всего Средиземноморья дарами Центральной Африки (слоновой костью, золотом, страусовыми перьями, черными рабами, дикими животными) или арабских стран и Индии (пряностями, ароматическими веществами, благовониями, шелком). Эти товары поступали в Александрию по каналу Нехо, караванным путем, по Нилу или по морю от Газы.

Масштабность морских и речных перевозок с перегрузкой в Александрии объясняет развитие кораблестроения. И наконец, в-третьих, Александрия была одним из наиболее оживленных культурных центров мира эллинизма. Ее блеск был таков, что долго еще, и не всегда справедливо, все, что относилось к эллинистическому миру, называли александрийским. Благодаря покровительству просвещенных монархов, их благотворительной деятельности Александрия на протяжении веков была центром эллинистической культуры. Знамениты ее поэты, ученые, эрудиты, скульпторы, резчики III в. до н. э. Затем последовал закат, также не лишенный очарования.

Но этот великолепный город находился вне Египта. Латинская фраза «*Alexandria ad Aegyptum*» («Александрия при Египте») иллюстрирует реальное положение вещей, характерное и для эпохи Птолемеев. Огромный город, похожий в своих лучших проявлениях на другие эллинистические города, был столицей царства, которое в общих чертах с незапамятных времен вело неизменный образ жизни. Это и есть, по сути, слабое место Александрии и тех, кто заботился о ее расцвете. Завороженные специфически греческими формами государства, они создали полис, большой, красивый и процветавший, но совершенно оторванный от жизни царства, существовавший в нем как инородное тело.

«КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ» МЕРКАНТИЛИЗМ³ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ

Экономическая жизнь в эллинистический период претерпевала радикальные изменения. Греция перестала играть в ней центральную, руководящую роль, которую она играла века и которую начинала терять с IV в. до н. э. Только два острова — Родос, затем Делос — и Коринф имели международное значение. Проявилась

тенденция к концентрации экономической активности в Малой Азии, Сирии и Египте.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

Экономика колониального типа, преобладавшая столь долгое время, исчезла везде, кроме крайнего Запада и районов побережья Черного моря. Речь уже не шла о сбыте греческих товаров в слабо развитые районы, наоборот, появились два новых типа обмена.

С одной стороны, большой размах приобрела торговля эллинистических царств между собой и с Грецией. Она охватила прежде всего продовольственные товары. В частности, Египет был крупным экспортером зерна, и, наоборот, восточные греки остались поклонниками хорошего вина, вывозимого из Греции и Анатолии, а также оливкового масла. Папирусы дают нам сведения и о более специальных сделках, в частности о вывозе фундука из Понта, а также сырья — леса, смолы, металлов. Находят сбыт и такие изделия (отличавшиеся высоким качеством), как «мегарская» керамика, металлические вазы, художественные изделия из бронзы, votивные надписи и драгоценности, ткани и роскошные ковры (все товары повседневного спроса с развитием основных видов ремесел производились повсюду). Наконец, значительных размеров достигла работорговля.

С другой стороны, завоевание Востока открыло товарам дорогу в Средиземноморье из внутренних районов Африки, Аравии, Индии. К таким товарам относятся слоновая кость, пряности, благовония, жемчуг и драгоценные камни, ценные сорта древесины... Большая роль сирийских портов и Александрии объясняется в значительной степени тем, что к ним вели сухопутные или морские пути, по которым прибывали все эти товары. Импорт предметов роскоши повлек за собой дефицит торгового баланса, что вызывало катастрофический отток из Средиземноморья золота и серебра, продолжавшийся до самого падения Римской империи. У нас будет возможность еще раз рассмотреть эти далекие связи, явившиеся одновременно причиной и следствием близкого знакомства эллинистического мира с областями, с которыми в классическую эпоху Греция имела лишь эпизодические связи.

Конечно, не все условия были благоприятными для

развития торговли. Войны разоряли эллинистические царства; большое зло представляло собой пиратство (особенно в I в. до н. э.), с которым трудно было бороться. У греков существовали торговые соперники, и они вынуждены были делить с ними прибыли. Торговля с Индией предполагала посредников: на морских путях — арабов, на сухопутных — парфян (после основания независимого Парфянского государства). Даже в Средиземноморье у греков были смелые и предприимчивые конкуренты: после периода упадка в классическую эпоху у Карфагена начинался новый подъем, возраставший интерес к Востоку проявлял Рим. И если в Италии нараждавшиеся потребности в предметах роскоши и рост алчности знати (*nobilitas*) и всаднического сословия побуждали к обмену, то пользу от него извлекали в основном италийские купцы, становившиеся все более надменными и уверенными в себе, по мере того как Рим утверждал свою власть над миром.

Экономический расцвет, характерный для эллинистической эпохи, объясняется и целым рядом факторов: улучшалась техника навигации, оборудовались или расширялись великолепные торговые порты, улучшались дороки и каналы, являвшиеся постоянным предметом забот правителей. Везде можно было наблюдать усилия, продолжавшие линию великих царей ахеменидского времени и Александра и направленные на создание в Египте и Азии развитой экономической инфраструктуры, необходимой для широкой торговли.

Спрос на товары был значительным. Греции требовалось обеспечить себя продовольствием, а Египту — древесиной и железом. К этим жизненно важным потребностям добавились и другие, порожденные издержками цивилизации: аристократия не желала ограничивать себя в удовольствиях и предметах роскоши; цари без счета тратили средства на содержание двора и праздники, которые были для них практически обязательными, поскольку утверждали власть. Богатая и просвещенная «буржуазия» обожала роскошь, ее не могла бы удовлетворить суровая жизнь греков V в. до н. э. Теперь она не желала обходиться без роскошных, вызывавших зависть вещей. Средиземноморье стало слишком тесным для нее — уже Черная Африка и Индия долашы были поставлять украшения для дворцов и драгоценности для их обитателей, с тем чтобы привнести экзотику в повседневную жизнь.

Условия экономической деятельности, расширение денежного обращения и развитие банков облегчали контакты в эллинистическом мире. Употребление денег стало повсеместным даже у варварских народов — арабов, парфян, фракийцев, кельтов, иберийцев, римлян. Наиболее интересен пример Египта, который до эллинистической эпохи жил, не прибегая к монетной экономике, несмотря на то что там циркулировали греческие монеты (в основном афинские), дарики и даже монеты, отчеканенные последними местными царями для оплаты наемников. По примеру Александра Птолемей I Сотер с 305 г. до н. э. начинает чеканить первые царские монеты Птолемея со своим изображением — золотые статеры, серебряные тетрадрахмы и медные оболы. Его примеру последуют все его преемники. И, несмотря на то что натуральное хозяйство продолжало, как мы увидим, существовать в некоторых областях экономики, тем не менее Египет вышел из эпохи меновой торговли. Отметим, что монетные манипуляции в Египте имели тенденцию к обособлению страны от мира Средиземноморья. В III и II вв. до н. э. золотые и серебряные монеты не были уже одинаковы по весу; они стали драгоценностью, а не просто условным денежным знаком оплаты. Их заменили медные монеты, вес которых также постепенно уменьшался.

Количество отчеканенного драгоценного металла было настолько велико, что к концу эллинистического периода начали исчерпываться запасы драгоценных металлов, в то время как из-за грабежа, контрибуций и торговых сделок большая часть монет греческих царств перекачивалась в Италию. Господствовал монометаллизм: серебро осталось основой монетной системы. Однако преемники Александра не сумели сохранить единства веса монеты, которое он установил. Если Селевкиды, Антигониды и Атталиды приняли аттические стандарты, то Родос и Птолемей довольствовались более легким стандартом, таким же, как финикийский стандарт Карфагена.

Разнообразные монеты имели свободное хождение везде, кроме Египта, где Птолемей Филадельф запретил употребление иностранных монет. Одна из первых функций банков, получившая невиданное развитие, — это обмен денег. Они также давали заем из расчета 10 процентов (на Родосе или Делосе, на которых были крупнейшие банки), тогда как в Египте учетная ставка достигала 24 процентов. Они держали счета своих клиентов. Пере-

водные векселя, чеки, возможно, и переводы стали обычной практикой.

Наряду с частными банками, нередко принадлежавшими изгнанным афинянам (с конца V в. до н. э. Афины в этом деле впереди всех городов), в некоторых городах, например в Милете, были и городские банки. Институт банка развивался и при храмах в очень старых традициях: именно жрецам крупных храмов первым пришлось в голову извлекать выгоду из священных богатств. Наиболее знамениты подобными операциями были азиатские (в Эфесе и в Сардах) и делосские храмы, но, когда египетские жрецы получили автономию по отношению к царю, они, в свою очередь, устремились по пути, сулившему большие выгоды. (В III в. до н. э., наоборот, богатствами храмов управляло государство, и их деньги передали банкирам, чтобы те извлекали из них доход.)

Птолемей также создал государственные банки, монополия на которые сдавалась в аренду. У них была двойная роль: с одной стороны, они выполняли для частных лиц те же операции, что и частные банки, а с другой стороны, имели регулярные поступления от налога на общественные кассы с обязательством для арендатора умножать царские богатства и осуществляли общественные платежи. Папирусы свидетельствуют о глубоком проникновении банков в экономическую жизнь Египта Птолемея; грек и египтянин, ремесленник и торговец прибегали к их услугам, чтобы заключать свои сделки.

Самую глубокую причину роста широкой международной торговли необходимо искать в появлении крупной «капиталистической буржуазии», к которой принадлежали крупные банкиры и арендаторы монополий, арматоры и коммерсанты. Часто торговцы объединялись, что особенно четко прослеживается на Делосе. Некоторые из них были достаточно сильными и действовали в одиночку, например Аполлоний, диоикет Птолемея Филадельфа, который вел в Азии широкую торговлю и управлял в Фаюме образцовым хозяйством. Экспатрированные греки, как наиболее динамичная часть населения, накапливали на Востоке огромные состояния. Скоро им начали подражать сирийцы, даже египтяне, затем итальянские купцы, которые все больше и больше пользовались политическим преобладанием Рима, для того чтобы стать хозяевами торговли.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ

Итак, крупная торговля была сферой частной инициативы, которая преуспевала тем успешнее, чем была смелее. Сельская же жизнь дала нам противоположный пример — пример медленно менявшегося мира, в котором государство в полной мере осуществляло свои управленческие функции. Последние изыскания доказывают, что государственное администрирование в фискальной области, столь жесткое в III в., во II в. до н. э. смягчается.

Царские и частные земли, концессии

Помимо других важных проблем, о которых еще пойдет речь, суверены были вынуждены вплотную заняться земельным вопросом, так как завоевание предоставило им важное право, которое имели до них фараоны и Ахемениды. Итак, большая часть земли принадлежала царю. Это «царская земля», арендованная по контракту «царскими людьми», обрабатывавшими ее за арендную плату, которая вместе с налогами могла составлять половину урожая. Однако не вся земля в государстве принадлежала царю.

С одной стороны, царь жаловал часть земли общинам или частным лицам. К первой группе относятся города (это нехарактерно для Птолемеев, которые, по сути дела, их не основывали) и храмы (им подтверждали их право на владение уже имевшимися землями и давали новые). В Малой Азии существовали целые жреческие области вокруг таких святилищ, как Пессинунт или Комана (анатолийское святилище Великих азиатских матерей, Кибелы в Пессинунте, Этио-Ма в Комане), которые были обладателями крупной земельной собственности. То же самое наблюдается и в Египте, где последние Птолемеи значительно увеличили богатства жречества, пытаясь обеспечить его поддержку. Ко второй группе относились солдаты, верностью которых царь старался заручиться посредством клерухий, или крупные чиновники, получавшие в знак благоволения дары (из них наиболее известно имение Аполлония в Фаюме).

С другой стороны, существовала частная собственность, известная, как свидетельствуют тексты из Верхнего Египта, по крайней мере до появления греков. Она развивалась двумя путями. Прежде всего царь продавал

часть своих владений за деньги. К этому способу слишком часто прибегали Селевкиды, значительно уменьшившие тем самым свои земельные владения. Царь мог также отдавать земли в эмфитевтическую аренду, что практически соответствовало продаже, если речь шла о неплодородных, безводных или об освоенных, прежде всего под виноградники и сады участках, явно не подпадавших под ежегодный контракт царских земель,

С этими ограничениями греческие повелители восточных царств стали наследниками такого землепользования, которое сделало их обладателями значительной части земли. Как они ее использовали, мы рассмотрим на примере Египта, хорошо известном благодаря папирусам.

Пример Египта

Основную часть своего национального достояния Египет получал от земли, ее обработки. В этой сфере деятельности, как ни в какой другой, из-за постоянных разливов реки требовалась хорошая организация труда. К тому же земля должна была прокормить и пришельцев, администраторов, солдат, торговцев, т. е. тех, кто не обеспечивал себя продуктами. Поэтому необходимо было так направлять усилия земледельца, чтобы он производил как можно больше.

В эллинистическое время проблема усложнилась. До сих пор Египет жил автаркично — обеспечивал себя сам. Но теперь он стал покупать в других странах товары, необходимые для живших здесь греков, и в первую очередь для царя и его двора. Прежде Египет не зависел от денежных отношений. Теперь же царям нужны были деньги, чтобы оплачивать услуги тех, кого они использовали, — наемников, техников, администраторов. Следовательно, требовалось, чтобы экспорт во много раз превышал импорт. А экспортные товары (за исключением некоторых изделий, привозившихся из внутренних областей Африки или с далекого Востока транзитом через Египет представляли собой прежде всего продукты сельского хозяйства, в основном хлеб, который в большом количестве вывозили из Египта и которого так не хватало в греческом мире, или изделия, сырье для которых поставляла земля, — папирус, льняные ткани и т. п.

Таким образом, организация сельскохозяйственного производства была необходима властителям, и они быстро поняли, что его увеличение — это верный путь к богатству.

ву; не менее верной была и торговля, поэтому нужно было регулировать ввоз и платить тем, кто ему служил.

В деле увеличения производства Птолемеи могли использовать тысячелетний опыт Египта фараонов. Система переписи населения и земель, статистические данные, столь необходимые тому, кто хотел авторитарно планировать хозяйство, были давно разработаны, долина Пила с незапамятных времен привыкла к экономике, строго управляемой фараонами. Птолемеям оставалось только использовать ранее установленную систему, сохраняя административную инфраструктуру страны.

Тем не менее эта система в некоторой, трудноопределимой степени была деформирована таким великим новшеством, как окончательное введение денег. Натуральное хозяйство Египта было сильно изменено из-за двух неизбежных последствий использования денежной системы — развития банков и откупов. Система откупа (аренды), выходящая далеко за рамки сельской жизни, была своего рода обеспечением, которое Птолемеи сочли полезным ввести ради получения доходов. Она была греческого происхождения, так как не могла существовать в стране с натуральным хозяйством.

Стоит вникнуть в детали, чтобы показать, насколько методы контроля над сельскохозяйственной деятельностью, применявшиеся царской властью, гибки и разнообразны. (Система известна в основном по знаменитому папирусу, найденному в Фаюме. Это длинный свиток, представлявший собой составленный в конторах диоикета список пошлин с откупа нескольких доходов. Здесь описания сделаны по работам К. Прео.)

Для основной культуры — зерна — царь сам в специальном документе определял необходимые посевные площади. Эти документы стали причиной споров среди специалистов: согласно точке зрения одних, этот порядок применялся на всех обрабатываемых землях, т. е. был орудием экономики абсолютистского государства; по мнению других, он затрагивал управление только царскими землями. В ведомости перечислялись обязанности крестьян и деревень относительно посевов. Она составлялась местной администрацией по состоянию на период после разлива Нила, затем обнародовалась диоикетом, который впоследствии строго, но не всегда успешно следил за ее выполнением.

Царь давал займы крестьянам семена (заем семян существовал также и на частных землях), что представ-

ляло для него прекрасное вложение капитала и позволяло вводить новые сорта, от которых ожидалось более высокие урожаи. Затем до уборки урожая за полями надзирал царский чиновник. На урожай сразу накладывался секвестр; для царя это гарантия получения оброка и налогов, платившихся зерном (самый значительный налог — земельный — пропорционален возделываемой земле), Проценты на заем семян, аренда и подати часто составляли половину урожая.

Доходы царя были огромны. Владея колоссальным количеством зерна, накопленного в царских житницах, он являлся владыкой деревни. К тому же царь располагал ценными продуктами экспорта.

Пиво производилось из ячменя. Пивоварни отдавались в аренду. Растительное масло получали в основном из масличных культур — клешевины, кунжута, кнекуса (вид шафрана) и немного, начиная с греческого завоевания, из маслин. Выращивание масличных культур (с посева до уборки) находилось под постоянным наблюдением. Вся продукция собиралась царскими службами и после оценки отдавалась на откуп. Это делалось с целью установления полной монополии на производство масла и торговлю. Масло могло продаваться по очень завышенным ценам, намного превосходившим себестоимость, что неизбежно влекло за собой значительное увеличение пошлины на весь импорт. К монополии добавлялся налог на необработанную продукцию, поставляемую земледельцами, и на сбор с масла — своего рода налог на потребление.

Таким образом, производство и потребление масла дает нам пример замкнутой экономики, полностью находившейся под контролем государства. Царь поступал дальновидно, используя масло как объект монополии из-за места, занимаемого им в питании и в освещении помещений. Располагая многочисленным чиновничьим аппаратом, поддерживаемый крупными земельными арендаторами, он не встречал никакого сопротивления, если не считать пассивного неподчинения крестьян и хитростей контрабандистов.

Царские распоряжения определяли каждый год посевные площади и для льна. Лен обрабатывали в мастерских под строгим контролем, с тем чтобы избежать подпольного производства. Таким образом, и здесь существовала монополия, но более гибкая, чем в производстве масла. В действительности же ткачи могли производить

тканей больше, чем должны были отдавать царю. Были и мастерские, которые вышли из-под влияния суверена,— это мастерские при храмах, где ткали виссон, ритуальную ткань для мумий и изображений божеств, которая считалась предметом исключительной роскоши и пользовалась спросом за пределами Египта. Еще больше свободы было в обработке шерсти, которая облагалась налогами, составлявшими лишь двадцатую часть доходов от шерстяных изделий.

Виноградники и сады множились благодаря эмфитевсису⁴. В этой области сфера вмешательства царя была уже, и налог выполнял те же функции, что отдача на откуп и реквизиции по отношению к однолетним культурам. То же происходило с папирусом, многолетним растением болот Дельты и Фаюма, он также являлся объектом налогового, а не экономического контроля.

Охота была отдана на откуп. Рыбная ловля временами регламентировалась государством, временами отдавалась на откуп.

В Египте, который прежде, видимо, располагал гораздо более обширными пастбищами, чем сейчас, было развито животноводство. Крупный рогатый скот в основном употреблялся в полевых работах, а мелкий использовался как капитал. В хозяйстве Аполлония, друга и двоюродного брата Птолемея Филадельфа, в Фаюме зафиксированы огромные стада овец, одно из них насчитывало 6381 голову. Скот мог принадлежать монарху, частным лицам, клерухам, храмам. Царь отдавал свой скот внаем, извлекая доходы и получая налоги. Частные лица облагались специальным налогом (*ennomion*), касавшимся всех домашних животных, даже верблюдов. Этот налог, отдаваемый на откуп, предполагал периодическое пересчитывание всех домашних животных. С целью проверки численности, заявленной владельцами, перепись скота производили во время наивысшего подъема воды в Ниле, когда стада спасались на возвышенностях. Разведение голубей и пчел обкладывалось специальными поборами.

Эта удивительно гибкая система не основывалась на заранее разработанных планах. Царский контроль за сельскохозяйственной продукцией менялся в зависимости от самого продукта, даже когда речь шла о двух сходных типах культур, выращиваемых на одних и тех же землях, например зерновых и масличных. Птолемеями двигало одно желание — наполнить свою казну, они рассматривали Египет как обширное владение, которое принадлежало

им лично и наиболее эффективную эксплуатацию которого они должны были обеспечить в своих интересах. Созданная Птолемеями экономическая система кажется односторонней и мало соответствующей данным условиям. Иногда она предстает перед нами как система, направлявшаяся монополиями-притеснителями, а иногда, наоборот, как система, при которой государство удовлетворялось взиманием своей части от богатств, произведенных частными лицами на принадлежавших им землях. Единство системы обеспечивалось единством цели — поощрением интенсивного производства продукции, большая часть которой с помощью откупа, налога или того и другого вместе должна была отойти к царю.

Новый в истории эллинистического мира интерес властей к сельскому хозяйству не обошелся без положительных последствий. Агрономы создавали трактаты. Обрабатываемые площади увеличивались в результате осушения болот и ирригации окраинных районов пустыни. (Таким образом, в Египте было создано много новых центров, например в номе Арсиноя-Филадельфия, там, где находилось имение Аполлония, Каранис, Тебтунис и столица нома Крокодилополис, или Арсиноя.) Самое замечательное создание Нового царства — огромный оазис Фаюм вновь расцвел и расширился после долгого забвения в предшествующие века. Была введена усовершенствованная ирригационная техника — механизм с зубчатым колесом и бесконечной веревкой, который упоминается в папирусах уже со II в. до н. э. (он также применялся на Евфрате и Оронте), или винт Архимеда (о нем см. ниже) все больше заменял примитивный шадуф (журавль).

До Александра цивилизация Египта оставалась на уровне неолитической. К. Прео отмечает, что здесь применялась техника конца каменного века, едва-едва усовершенствованная употреблением меди, бронзы и в исключительных случаях железа. С приходом греков совершился резкий переворот. С ввозом в большом количестве железа появились более прочные орудия труда. Плуги, заступы, мотыги, косы, топоры делались теперь из железа. Начали применять сеялку (ввезена из Вавилона) и, может быть, винтовой пресс для винограда и оливок.

Была проделана большая работа в области освоения новых видов культурных растений. Виноград и оливы выращивали в Египте давно, но возделывались они нере-

гулярно, теперь же площади под ними были значительно увеличены, с тем чтобы удовлетворить нужды греческих иммигрантов. Кроме того, появились инжир, гранаты, яблоки, грецкие орехи, чеснок. Насажение деревьев там, где это было возможно, поощрялось, чтобы ликвидировать нехватку строительных материалов. Проводилась настоящая селекция, что позволяло улучшить сорта зерновых (до этого в Египте были распространены хлеба высоким содержанием крахмала).

Очень интересен пример хозяйства Аполлония. Его имение было расположено на окраине Фаюмской впадины, там, куда, естественно, не доходили паводковые воды. Квадратная территория была разделена на четыре части двумя широкими, пересекавшимися под прямым углом каналами. В каждой четверти четыре рва, пересекавшиеся также каналами, образовывали десять удлиненных участков; канал же соединял имение с судоходными путями и с Нилом. Всего эти каналы занимали 5 процентов площади орошаемых земель, Работы было много: подготовить землю, сжечь древесную растительность, раскорчевать участок. Потом начиналась интенсивная эксплуатация земли. Аполлоний разбил обширный виноградник (мы имеем расписку на 65 тысяч подпорок и трактат о виноградарстве, переписанный управляющим Зеноном), посадил фруктовые деревья, а также хвойные, «поскольку они полезны царю». Он развел огромные стада домашнего скота, основал мастерские (ткацкие; ковровые, производившие милетские двусторонние или окаймленные пурпуром ковры; кожевенные; гончарные). Для перевозок у него были караваны ослов и целая флотилия. Часть хозяйства была разделена на фермы, которые отдавались в аренду грекам или египтянам, часть обрабатывалась сельскохозяйственными рабочими 5, за которыми наблюдали подрядчики, и часть сдавалась в аренду клерухам. Хозяйство Аполлония — это замечательный пример обработки земли в большом земельном владении согласно теориям школы Аристотеля.

Итак, экономический результат экономической политики того периода кажется удачным, ибо земледелие и скотоводство производили все больше продукции. Но с социальной точки зрения ничего не было сделано для улучшения положения крестьян, которых эксплуатировали еще сильнее, чем при фараонах, и у которых во время кризисов был только один выход — бегство в пустыню, бегство от угнетения и беззакония.

Кроме того, Птолемеи никогда не желали понимать, что, повышая плату и меньше угнетая сельское население, они могли бы увеличить покупательную способность и развить внутреннюю торговлю. Поток товаров шел в одном направлении. По Нилу спускались суда, груженные хлебом, полотном, папирусом, но поднимались они по реке пустыми. Хора ничего не получала от богатства, доходов и гуманизма эллинистического мира.

КОЛОНИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Общество, рожденное завоеванием,— это колониальное (в современном смысле слова) общество, которое было гораздо многочисленнее завоевателей. В Египте оно, возможно, насчитывало 8 миллионов против 1 миллиона пришельцев. Подобная диспропорция влекла за собой обычные в таком случае последствия: защитную реакцию греко-македонцев, желавших сохранить свою цивилизацию, и постепенную ориентализацию, которая была особенно заметна в области религии; националистическую реакцию местного населения, направленную на сохранение своих обычаев и верований, и, несмотря на это, появление элиты, эллинизовавшейся ради корысти.

Этническая и экономическая разобщенность

Как во всех колониальных обществах, деление населения в эллинистический период происходило сначала по этническим параметрам: власть и богатство принадлежали завоевателям — македонянам и грекам. Но количественная диспропорция между этническими группами, врожденные качества некоторых представителей местного населения, носителей традиций тысячелетней цивилизации, личные успехи других, способных и динамичных,— все это довольно быстро привело к тому, что уже со II в. до н. э. началось расслоение по имуществу, а не по происхождению. Не говоря уж о жречестве, которое восстановило или сохранило власть, многие представители местного населения богатели на административных постах, в сельском хозяйстве или торговле. В социальной иерархии они занимали более высокое место, чем «простые греки». В частности, в Египте со II в. до н. э. в административных центрах номов начала появ-

ляться «буржуазия», для которой характерно было совмещение городской деятельности с функциями землевладельца и приобщение к эллинистической культуре. Эта группа населения сыграет очень важную роль во времена Римской империи. Сюда надо добавить смешанные браки, так как среди греческих иммигрантов мужчин было гораздо больше, чем женщин. Между обоими этническими элементами существовала взаимная неприязнь, но сегрегации не было ни в законодательстве, ни в быту. В имении Аполлония соседствовали греческие и египетские арендаторы (кстати, вместе с сирийскими, арабскими и еврейскими), то же наблюдалось и в администрации на всех уровнях, и в царских поместьях. Неплохо было бы изучить различные социальные типы, без учета национальности, констатируя лишь тот факт, что представители коренного населения тем многочисленнее, чем ниже стоят они на социальной лестнице.

Новая «буржуазия»

Появление многочисленной и зажиточной «буржуазии» — самый значительный факт эпохи эллинизма. Она извлекала доходы прежде всего из торговли и ремесла, но иногда не пренебрегала и скупкой земель. В то время ее материальный и интеллектуальный уровень был выше, чем в предыдущую эпоху, — этим объясняются и глубокие изменения в быту. Эта «буржуазия» любила радости жизни, вкусную пищу, куртизанок, удобные дома, но ей требовались и более утонченные удовольствия, доставляемые поэзией, искусством, философией.

Все большее распространение получил тип финансиста. В крупных городах банкиры накапливали огромные состояния. Не менее могущественными стали генеральные откупщики; в частности, в Египте они пользовались желанием царя уменьшить экономический риск. Большая часть царских доходов отдавалась на откуп. Это предоставляло дополнительную гарантию царской казне той страны, где монетная экономика находилась в действии сравнительно недавно. Естественно, цари предпринимали множество мер предосторожности в отношении откупщиков: они должны были вносить залог, а за недостатку отвечали имуществом, ежемесячно их счета проверялись специальным чиновником. Папирусы знакомят нас с огромным количеством спорных вопросов в различ-

ных хозяйствах. Но тем не менее эта система была доходной для откупщиков, ибо люди самых разных национальностей — египтяне, евреи, но в основном греки — оспаривали откуп с торгов.

В эллинистический период в еще больших размерах, чем в IV в. до н. э. в Афинах, развитие «капиталистической» экономики позволяло некоторым, наиболее активным или пользовавшимся счастливым случаем лицам скапливать огромные состояния. Можно указать на пример Аполлония, многочисленные официальные обязанности которого не мешали ему вести необычайно сложные дела — торговлю с Малой Азией, Палестиной, Сирией, Аравией, эксплуатацию земель площадью 10 тысяч аруров (2700 га), подаренных ему монархом в Филадельфии. Его энергия творила чудеса в этом образцовом хозяйстве. Аполлоний делал все возможное, чтобы производить не только то, что могло понравиться царю, экономическую политику которого У. Вилькен сравнил с политикой Кольбера или Фридриха Великого, но и то, что было необходимо для собственного обогащения: продавал излишки вин, масла, полотна, папируса.

Великолепные записки Зенона знакомят нас с роскошной жизнью Аполлония. Его стол ломился под тяжестью серебряных приборов, ваз с редкими цветами и самых утонченных яств — рыбных блюд, икры, тонких вин. Зенон описывает его организаторский талант, конторы, разделенные на два отделения (секретариат и бухгалтерию), где для составления контрактов с египетскими крестьянами работали даже египетские писцы. Перед нами предстает человек с быстрым и решительным умом, ясной, повелительной речью, уверенный в себе благодаря своим замечательным успехам. К. Прео писала, что за его внешним спокойствием прятались «превосходные степени сравнения, как в английском языке американцев». Может быть, впервые в истории перед нами с такой ясностью предстала фигура крупного «капиталиста». Аполлония не удовлетворяли только деньги, хотя они и были основной движущей силой его деятельности, он заботился и о престиже, и о славе. Окруженный настоящим двором клиентов, он жил как вельможа-филантроп, разносторонний и щедрый по отношению к любым богам, греческим и египетским, а также к людям, прибегавшим к его могуществу.

Те же записки рисуют нам личность Зенона, грека из Кари, бывшего доверенным лицом диоикета. Снача-

ла он был коммерческим агентом па Востоке, затем стал секретарем Аполлония и, наконец, управляющим в Филадельфии. Этот образованный человек мог на черновике набросать музыкальную фразу или несколько стихов Еврипида. Писал он на великолепном, импульсивном греческом языке, но разум его кажется не таким ясным, а воля не столь твердой, как у его хозяина. Тем не менее он свободно управлял необъятной землей Аполлония, на которой так много нужно было создавать заново, и гордился своей ролью основателя города, своей задачей — сеять жизнь и благоденствие в пустыне. Жил он не по-царски, как Аполлоний, но на широкую ногу: по праздничным дням вкушал изысканные блюда, имел свору хороших охотничьих собак. Он тоже умел быть филантропом. Дружеские письма, которые Зенон получал от оставшихся в Карию знакомых, свидетельствуют о том, что это был человек, достойный своего высокого положения.

Чиновники

Чиновники представляли собой совершенно новый для эллинистического мира тип. Если царство Селевкидов страдало от явного недостатка организации управленческого аппарата, то Атталиды и особенно Птолемей располагали развитой иерархией государственных служащих.

Чиновник был человеком, связанным с царем клятвой. В его обязанности входило передавать и претворять волю царя, особенно в этих «капиталистических монархиях», обеспечивать максимальную эксплуатацию и собирать доходы. Система эта представляется крайне порочной. Чиновник, теоретически назначаемый царем, на самом деле получал место от своего непосредственного начальника, и зависимость чиновников от начальников со временем все более и более возрастала. Папирусы перечисляют подарки, которыми они должны были осыпать начальников, чтобы удержаться на своем посту. Таким образом, по мере ослабления монархии проявлялась тенденция к появлению некоего подобия феодальной зависимости. Наиболее высокопоставленные в чиновничьей иерархии лица превращались в настоящих деспотов, весьма слабо связанных с центральной властью и обращавшихся с подчиненными тем высокомернее, пре-

зрительнее и надменнее, чем полнее они от них зависели (даже юридически, поскольку чиновники подлежали специальному административному суду).

Однако царь счел, что отыскал дополнительную гарантию в финансовой ответственности чиновников. Каждый старался, как по цепной реакции, взыскать с подчиненного суммы, за которые сам нес личную ответственность. Самые мелкие чиновники любой ценой выжимали деньги из населения, и здесь все средства были хороши: арест имущества, реквизиции, даже телесные наказания. В ответ на насилие возникало насилие: числу папирусов, содержащих жалобы деревенских жителей на высокомерие и злоупотребления чиновников, соответствует число папирусов с сетованиями сборщиков налогов, встреченных градом камней.

Наконец, чиновники часто были малознаючи и недобросовестны. В свои отчеты и даже кадастры они без колебаний заносили выдуманные цифры, чему есть многочисленные примеры. Они захлебывались в потоке переписей, учетов, предписаний, распоряжений. «Папирусный потоп» повлек за собой несокрушимый беспорядок или, что еще хуже, фиктивный порядок.

Тем не менее надо избегать заблуждений, в которые нас могут ввести многочисленные свидетельства о промахах администрации, так как папирусы, что явствует из их назначения, возможно, могли донести до нас лишь следы, и довольно очевидные, несовершенства самой системы. Вырисовывается также и идеал чиновника — старательного, преисполненного почтения к вышестоящим, благородного по отношению к нижестоящим. В этом типе слились распространенный в Египте идеал почтенного и неподкупного писца и греческий образец человеколюбивого магистрата. Добрые монархи без устали напоминали управляющим их обязанности, один из них пишет: «Во время ваших инспекционных поездок старайтесь ободрить людей, поднять их настроение, и не только на словах. Если крестьяне жалуются на комограмматеев и комархов по поводу обработки земли, вы должны разобраться и положить конец злоупотреблениям». Римляне, а затем и византийцы при создании своих институтов и прочной основы эффективного управления возьмут пример именно с чиновнической системы Птолемея.

Административная карьера позволяла грекам и египтянам жить бок о бок, так как Птолемей стремились сохранять существовавшую до них структуру управле-

имя. Высшие посты были безусловно закреплены за греками по крайней мере до Птолемея Эвергета II, который доверил стратегию египтянам. Но чиновники средних и низших уровней набирались из местного населения, и вначале мы видим египтян даже на посту номархов. В другом традиционном слое — жречестве — продолжала безраздельно господствовать старая египетская элита.

Египетское жречество

Повсюду последователи Александра продолжали проводить политику терпимости по отношению к местным божествам. Из чисто политических соображений, прекрасно сознавая их влияние на народные массы, они старались примирить с собой местное жречество, ремонтируя старые святилища, сооружая новые, осыпая богов и их служителей подарками и привилегиями. В обмен на эти щедроты они рассчитывали получить возможность управлять массами. Нам довольно хорошо известны некоторые большие храмы в Азии: храм Артемиды в Эфесе — настоящее жреческое государство с огромными богатствами, с множеством оскопленных жрецов и ритуальных куртизанок, руководимое Мегабизом; Эсагила (храм Мардука) в Вавилоне и храм Набу в Борсиппе (и тот и другой были отреставрированы Селевкидами). Но именно Египет оставил нам больше всего документов, дающих наиболее ясную картину роли жрецов в эллинистическом государстве.

Если чиновник был человеком царя, то жрец — человеком бога. Он обладал опасным могуществом, поскольку только он мог установить связи с потусторонним миром и придать земному миру устойчивость путем проведения обычных и торжественных служб, которые представляли божеству все необходимое для жизни в храме — пищу, питье, одеяния, развлечения — и таким образом обеспечивали смертным благосклонность. Являясь наследником древних знаний (о необычайной сумме сведений, записанных на стенах храма в Эдфу, см. ниже), хранителем традиций и священной письменности, жрец сохранял высочайший престиж, который всегда имел в долине Нила, хотя в эпоху Птолемеев жречество проявляло тенденцию замыкаться в себе, а также тяготело к кастовости (Страбон отмечает, например, исчезновение всех храмовых школ, существовавших во времена Геродота и Платона). Это послужило началом неми-

нуемого упадка, который со времен Антонинов хорошо заметен по характеру надписей на храме в Эсне.

Некоторая двусмысленность положения заключалась в том, что Птолемеи провозгласили себя законными преемниками фараонов, а жрецы признали это положение. Итак, фараон являлся единственно истинным жрецом, именно из его рук все жрецы получали должности. Царь сам назначал на наиболее высокие посты и непременно получал определенный сбор с каждого назначения, с каждого повышения в иерархии, так как жрецы должны были покупать свои места, равно как и доходы с храмового имущества, которые связаны с этим местом. Ежегодно в день рождения царя его торжественно поздравлял совет из пяти выборных членов, управлявший каждым храмом. Так между сувереном и жречеством устанавливались тесные связи. Они стали необходимы друг другу: монарху жрецы — чтобы утвердить свою законность в глазах подданных и установить культ царя в традиционной форме, жрецам царь — чтобы, как и прежде, пользоваться своими привилегиями.

Пока Птолемеи были сильны, они держали жречество в строгом повиновении. Неконфискованная священная земля, на которой располагались огромные поместья с мастерскими (в основном ткацкими), управлялась непосредственно царем, а он, будучи богом, естественно, получал с нее доходы. Это не было грабежом — то же самое происходило и в независимом Египте, когда власть фараонов была сильной. Со своей стороны, царь обеспечивал жрецам безбедную жизнь и возможность служить своим богам.

Но поддержка жречества становилась еще более необходимой, когда Птолемеи ослабли и когда начались восстания. Порой лишая себя значительных доходов, цари предоставляли храмам немалые налоговые льготы (декрет 118 г. до н. э.) и осыпали их служителей подарками. Все более многочисленные беглые «царские люди» находили убежище в святилищах: жрецы становились их покровителями (в том смысле, в котором это слово употреблялось в Новом царстве) и увеличивали этим свое влияние. Богатство их было столь велико, что они уже выступали в роли кредиторов царей. Таким образом, они вновь на время обрели то огромное могущество, которым обладали при VI и XIX династиях, но без духовной власти и достоинства, оправдывавших когда-то, по крайней мере частично, их власть в государстве.

Возникает необходимость точнее определить категории, на которые делилась масса жрецов. «Чистым», имевшим доступ в святая святых (великий жрец, пророки, столписты — «одевающие бога», пастофоры — «кормящие бога») и писцам священных книг противостояло низшее духовенство, задача которого состояла в подготовке церемоний или в управлении храмовым имуществом. Из фиванских папирусных свитков нам известен мирок коакитов (подавателей священных возлияний), погребальных жрецов, ответственных за культ мертвых, — глупых, алчных, всегда готовых подраться, если дело касалось доходов. Повсюду мы видим консервативно настроенную среду, которая за века слишком привыкла к иностранному владычеству.

Мир труда

Царь, «буржуазия», чиновники, жрецы жили за счет тяжелого труда народа. Разделение общества на богатых и бедных, эксплуатация одних другими в завоеванных странах в эпоху эллинизма лишь усилились.

Рабский труд распространился по всему Средиземноморью. Оценки численности рабов расходятся. Возможно, она была значительной из-за частых войн и широкой работорговли. К домашним рабам, многочисленным в результате увеличения числа жадной до удобств «буржуазии», добавились рабы, использовавшиеся как производительная рабочая сила в мастерских Пергама, Антиохии и особенно Александрии, где, судя по всему, впервые концентрировались большие массы рабов. Во внутреннем Египте греки, наоборот, ничего не изменили в организации труда: на царских землях, в маслодавильнях, прядильных мастерских, шахтах, карьерах рабов не было. Предполагается, что царь использовал в качестве рабочей силы не рабов, а мобилизованных.

Редкие до этой поры, восстания рабов участились, например, в Пергаме, на Делосе, в Лаврионе, на Сицилии. И не исключено, что в развитии сопротивления рабов определенную роль сыграли уравнивательные концепции некоторых стоиков, проповедовавших единение человечества. В этом они расходились со взглядами Аристотеля, учившего, что бывают люди-рабы по природе.

Основная масса тружеников — ремесленников и крестьян — была свободна, хотя на несколько дней в

году ее мобилизовали на царскую барщину. От барщины освобождались лишь те, кто в деревне не занимался физическим трудом. Существуют любопытные списки этих привилегированных, в число которых входили царские надзиратели, греческие солдаты, бальзамировщики кошек. Сельское хозяйство, как и прежде, было основным занятием, в хоре жизнь практически не изменилась, несмотря на некоторые технические усовершенствования. В Египте, в частности, крестьяне жили в традиционных бедных деревнях, которые из-за угрозы наводнения располагались на искусственно возведенных холмах. Реквизиция помещений для царских уполномоченных или солдат приводила к тяжелым для населения последствиям, поэтому суверен в ответ на многочисленные, как показывают папирусы, жалобы часто должен был напоминать, что реквизировать больше половины дома запрещено. Жизнь человека наемного труда — с откупам, налогами, барщиной, разного рода реквизициями, как законными, так и все чаще незаконными (по вине чиновников), — была более суровой, чем до завоевания, так как теперь от него требовали больше продукции.

Тем не менее тексты позволяют заметить некоторую эволюцию. В III в. до н. э. положение египетского крестьянина не было слишком плохим. Он отдавал свои руки царю (поскольку ему принадлежала большая часть земель), а также храмам и частным лицам. Контракт, который связывал его с хозяином, был добровольным и подлежал обсуждению. Но со II в. до н. э. положение ухудшилось, гражданские войны разорили деревню; потерявший заморские владения царь стремился заставить производить больше на земле, которой становилось все меньше. Земли, отвоеванные с помощью ирригации у пустыни, понемногу иссушались из-за того, что **НЕКТО** не поддерживал в должном порядке гидротехнические сооружения. Чиновники, все более самостоятельные и все менее контролируемые, часто вели себя как настоящие деспоты. Все труднее и труднее было найти крестьян для обработки земли. Папирусы рассказывают нам, что, для того чтобы заставить крестьян подписать контракт, приходилось прибегать ко всем возможным аргументам — от призывов к преданности до пыток.

Средства, которые изыскивала администрация для выхода из этого кризиса, зачастую были паллиативными, они даже ухудшали положение. Безусловно, проводились необходимые мероприятия, направленные на упорядоче-

ние системы откупов и говорящие о том, что хотя и существовала забота о справедливости, но от нее легко переходили к мерам принуждения. Более зажиточным крестьянам навязывалась дополнительная аренда (*epibole*), появившаяся в 164 г. до н. э., вредное действие которой давало о себе знать даже в римскую эпоху. С конца II в. до н. э. в деревне была установлена коллективная ответственность, т. е. за общую сумму арендной платы отвечала община царских земледельцев одной деревни. От крестьянина требовали клятвы «оставаться на виду у царских чиновников» (клятва Тебтуниса — 107 г. до н. э.): «До выплаты аренды каждый день я остаюсь на виду на сельскохозяйственных работах, не укрываюсь у священного алтаря храма, не призываю ничьего покровительства и не измышляю способов для бегства». Всем было ясно, что простого подписания контракта недостаточно. Аренду продлевали — иначе говоря, во время серьезных кризисов ее просто навязывали силой. Тем не менее крепостничество так и не получило распространения. Феодалной⁶ зависимости не существовало: стратеги концентрировали в своих руках всю власть, но у них не было крупных земельных владений.

Раздавленные системой угнетения, несправедливыми арендами, крестьяне убегали. Анахоресис (бегство в пустыню) был одним из наиболее ярких феноменов поздней эллинистической эпохи, затем превратился в одну из ран римского Египта, а с появлением первых христианских анахоретов приобрел религиозную окраску. Однако, что бы там ни говорили, пустыня может служить убежищем лишь незначительному меньшинству, ибо без навыков кочевой жизни там практически невозможно выжить. А вот Александрия с массами неконтролируемого населения представляла собой приманку тем более сильную, что там можно было найти работу и храмы, всегда готовые предоставить убежище беглым крестьянам. Другие беглецы собирались в банды, опустошавшие страну. В папирусах мы читаем горькие жалобы оставшихся крестьян, которые из-за круговой поруки должны были платить за бежавших; множились возмущенные доносы в адрес царских чиновников.

Папирусы (в частности, «папирусы Зенона») ярко показывают глубокое недовольство, царившее в деревне. Крестьяне Египта предстают перед нами как достаточно энергичные и нетерпимые к принуждению, их требова-

ния звучат резко в противоположность заискивающему тону, который в таких случаях наблюдается у греков. Подобное уныние, с одной стороны, и активность — с другой, объясняют, почему восстания получили столь широкое распространение в египетской хоре.

Таким образом, все больше и больше увеличивалась пропасть между городским, эксплуатирующим миром и миром деревенским — эксплуатируемым. Именно в этой пропасти М. Ростовцев справедливо видел один из самых крупных изъянов античных обществ начиная с IV в. до н. э., который впоследствии стал одной из основных причин их крушения.

Неизбежное «единение»

В этом колониальном обществе, игнорировавшем в своих законах национальные различия между победителями и побежденными (которые будут столь характерны для Римской империи), начиналось понемногу то самое «единение народов», о котором мечтал Александр.

«Македонцы стали египтянами», — заявили Полибий и Тит Ливий. Несмотря на явное преувеличение, надо отметить, что чары Востока действовали на всех греков и в Египте, и в Азии, особенно в религиозной сфере. В Египте греки мумифицировали умерших и хоронили их с книгами мертвых. Системы мер и весов* и календарь эпохи фараонов применялись и администрацией Птолемеев. Если это влияние осталось слабым в городах, где греки сохранили свое традиционное окружение и где они были относительно многочисленны, в сельской местности, где колонны и клерухи, жившие гораздо более изолированно, могли объединяться лишь в политевмы (неофициально признанные сообщества), которые, по сути, были лишь карикатурой на полисы, это влияние было гораздо сильнее. Они понемногу восприняли обычаи местных жителей. Небезынтересно, каких богов почитали в имении Аполлония в Фаюме. Мы находим там Зевса, Деметру, Гермеса, но также и Пореманреса (царь, обожествленный в образе крокодила), Исиду, Птаха и, наконец, новых богов. Греки также почитают египетских богов: один из них обещает «принести жертву божеству

* Меры длины: локоть (0,52 м), верг (100 локтей). Меры площади: арура (1 кв. верг=2735 кв. м), тысяча (10 арур).

этой местности, как принято везде» (P. Zond, 2666), другой возводит для Аполлония стелу в честь Анубиса. Отмечено, что начиная с 250 г. до н. э. увеличилось количество смешанных браков. Фиванский папирус 113 г. до н. э. сохранил упоминание о займе, сделанном хоахиту греком по имени Псен-Монт, сыном Па-Тота: в этом случае от грека оставался лишь его юридический статус. Тот же феномен наблюдается и в Сирии, и в Вавилонии, и в Дура-Европос, где ономастика демонстрирует слияние греческих и местных элементов.

Обратный процесс (т. е. влияние греков на египтян) выражен еще более отчетливо, так как для местных жителей завоеватели, которым они подражали, олицетворяли превосходство и динамизм. Безусловно, деревни были мало затронуты этим влиянием, и местные языки (арамейский, персидский и египетский) успешно сопротивлялись греческому. Довольно замкнутыми оставались жреческие круги; клинопись, шумерский язык в качестве литургического и еще более иероглифы очень долго оставались в употреблении.

Но в полисах Атталидов или Селевкидов, в административных центрах египетских номов в основном в среде торговцев и чиновников шла широкая эллинизация, приводившая к образованию местной элиты, которая говорила по-гречески, одевалась на греческий манер и усвоила греческие быт и нравы. Даже в Фивах, в консервативных жреческих кругах, все чаще и чаще прибегали к помощи агораномов — нотариусов, использовавших греческий язык. Они широко распространяли греческое право и дискредитировали египетских нотариусов, писавших демотическим письмом. В древней религиозной столице находят многочисленные граффиты, процарапанные по-гречески; многие из их авторов, которые называют себя жрецами, магами или бальзамировщиками, могли быть только египтянами. Школьные тексты, столь часто встречавшиеся на папирусах, показывают, что в школах читали преимущественно Гомера, трагиков, Демосфена или Менандра. Гимнасий там, где он был доступен для коренных жителей (т. е. в основном в Азии), представляет собой идеальное место для восприятия греческого образа жизни. Те, кто его посещал, очень гордились этим и объединялись в общества *apo ton gymnasion* (окончивших гимнасий).

С социальной точки зрения формирование этого среднего эллинизированного класса из числа представителей

местного населения является определенным успехом. Тем не менее необходимо отметить, что, кроме Бероса, Манефона и основателя стоицизма Зенона, никто из тех, кто блистал в литературе, искусстве, науке или философии, не принадлежал к этому классу. Эллинизированные египтяне, сирийцы, вавилоняне могли говорить или читать по-гречески, в греческих домах вести греческий образ жизни, но они никогда не входили в интеллектуальную элиту. Парадоксально, что только во времена Римской империи из среды эллинизированных негреков выйдут Филон, Плотин, Афанасий.

МИР ВОИНОВ

Один из важнейших факторов эллинизации — присутствие солдат в полисах или в административных центрах номов. Армия заслуживает специального изучения, так как она играла значительную роль в эллинистическом мире, который к тому же возник в результате завоевания и раздирался непрекращавшимися конфликтами.

Набор наемников

В те периоды, когда потребность в солдатах становилась особенно острой, связанный с полисной системой гражданский набор уже не мог удовлетворить нужды государства. Поэтому эллинистические монархи были вынуждены прибегать к услугам наемников, следуя практике, восходящей к IV в. до н. э.

Набор в армию производился самыми разными способами: рассылались вербовщики, нанимались кондотьеры, которые приводили свои войска, использовались даже дипломатические соглашения между полисами, предусматривавшие помощь военной силой в случае необходимости. Однажды нанятого наемника старались сохранить как можно дольше. Его стремились превратить в военного поселенца (клеруха), предоставив ему землю, которой он мог бы пользоваться, взяв на себя некоторые обязательства (финансовые, а также готовность к немедленной мобилизации).

Где же набирали наемников? До конца III в. до н. э. в основном в греческом мире. Многие греки, происходив-

шие из самых бедных районов Эллады (некоторых местностей Пелопоннеса, Центральной и Северной Греции, островов Эгейского моря), шли на службу новых монархий. Процент греков среди наемников значительно уменьшился во II в. до н. э., с одной стороны, вследствие ухудшения положения наемников, а с другой — из-за того, что многие из них плохо приспособивались к климату, в частности в Египте, где отмечено угасание семей клерухов. В отличие от греков македонцы и были и оставались многочисленными. Они продолжали распространяться, и их приспособляемость, очевидно, была выше греческой, так как македонцы были сравнительно молодым народом.

Также охотно нанимались в армию и варвары. Среди них выделялись галаты — наводнившие Грецию и разграбившие Анатолию кельты, которые дошли до Египта. Остатки их отрядов взяли к себе на службу эллинистические монархи, в частности Антигониды и Атталиды, которые оценили их отвагу и преданность. Очень ценились семиты, даже в Египте, где они понемногу замещали в армии греков.

Все шире и шире монархи должны были прибегать к набору местных наемников, для того чтобы восполнить недостаток греческих солдат. После битвы при Рафии (217 г. до н. э.) Птолемеи решились набрать египтян. В войсках Селевкидов местные элементы составляли более половины личного состава.

Приток иностранных наемников, так же как и увеличение воинов из числа местных жителей, привел к варваризации армии. В этом, по мнению М. Лоней, и крылась трагедия эллинистического мира: слишком малочисленные, чтобы самостоятельно защищать свои царства, завоеватели мало-помалу сдавали принципиальные позиции.

Жизнь наемника. Клерухии

Наемник, иногда всю жизнь проводивший вдали от родины, становился чем-то вроде апатрида, лишенного всех политических прав. Жизнь военная и гражданская, столь тесно связанные в классической Греции, в эллинистическую эпоху отдаляются друг от друга. Конечно, порой мы видим, как гарнизоны, части и другие войсковые соединения голосовали за предоставление по-

честей кому-либо и избирали должностных лиц. Однако эта деятельность не была связана с политической жизнью и, очевидно, вызывалась ностальгией по прежним институтам, которую испытывали многие из наемников.

Их социальное положение с трудом поддается определению, тем более что со временем оно значительно изменилось. В III в. до н. э. наемник получал хорошее вознаграждение и деньгами и натурой, а кроме того, имел многочисленные дополнительные преимущества. В результате военная служба была весьма доходной и находила многочисленных добровольцев. Мы видим воина сытого, одетого и вполне довольного жизнью. Во II в., напротив, в результате разразившегося в эллинистических монархиях экономического кризиса профессия наемника потеряла многие свои привлекательные стороны. Плохо оплачиваемый, нуждавшийся солдат теперь уже почти не отличался от крестьянина и должен был разделять его труд по обработке полей.

Этими изменениями объясняются новые отношения между солдатами и населением города или деревни, где они были расквартированы. В III в. до н. э. многочисленны жалобы на наемников. При Птолемеи Эвергете крестьяне срывали крыши со своих домов, загромождали двери алтарями, но не подчинялись реквизициям. Позже, во II в., по всей видимости, начал устанавливаться некоторый *modus vivendi*, по мере того как, с одной стороны, армия делалась менее иностранной по составу, а с другой — солдаты переставали пользоваться теми привилегиями, какими пользовались раньше. Они становились ближе к крестьянину и более не возбуждали той ненависти, которая отразилась в папирусах III в. до н. э.

Оторванные от корней, греческие и македонские наемники тем не менее в глубине души ощущали привязанность к эллинистической вере, несмотря на то что испытывали сильное влияние местных культов.

Возможно, на их счет следует отнести и создание многих гимнасиев, возникавших в эллинистических царствах. Однако не следует забывать о важном различии: если в анатолийско-сирийском регионе гимнасии открывались для местных жителей, желавших приобщиться к греческой культуре, то в Египте, напротив, это были своего рода клубы, предназначенные исключительно для завоевателей. В период, когда армию наводнили се-

миты, гимнасии приобрели облик некоего подобия эллинических масонских лож, которые очень тщательно оберегали себя от «варварской заразы». Кстати сказать, это различие, отмеченное, в частности, М. Лонеем, в настоящее время может показаться излишне категоричным. В жизни гимнасиев Египта принимали участие еврейские подростки, а египтяне были даже командирами молодежных отрядов.

Одним из наиболее оригинальных институтов эллинистической эпохи является клерухия, предназначенная для закрепления наемников путем раздачи им участков земли (площадь которой варьирует в значительных пределах — от 1 до 250 гектаров) из царских, храмовых или частных земель. Хотя само слово «клерухия» греческое и напоминает нам клерухов классических Афин, способ вознаграждения за военные услуги, естественный в стране с натуральным укладом экономики, был традиционным для Египта эпохи фараонов. Птолемеи * сочли выгодным сохранить его. Они хотели бы создать наследственную армию и таким образом решить сложную проблему набора новых наемников. Они надеялись также, что расселение греков повсюду, вплоть до центральных районов страны, даст возможность лучше контролировать местное население и одновременно поощрять эллинизацию. Но вся система была основательно нарушена, когда в царскую армию стали принимать представителей местного населения и им были предоставлены земли клерухов.

Сначала, после смерти клеруха, земельный участок опять отходил к царю, за исключением случаев, когда у поселенца был сын, способный носить оружие. Но отношения между клерухом и монархом менялись. В III в. до н. э. царская служба сделала первые шаги по мелиорации земель, распашке целины, однако клерухи не могли воспользоваться плодами этой работы, так как из-за военных действий они часто находились вдалеке от своих участков и к тому же плохо знали сельскохо-

* Военная система Селевкидов сильно отличалась от системы Птолемея. Как отмечает Э. Бикерман, у Птолемея «поселенцы были лично привязаны к военной службе, поскольку владели наделами земли. Военная служба была здесь обязательством, связанным с этим даром. Египетские клерухи представляли собой своего рода оседлую армию. В царстве Селевкидов существовал рекрутский набор. Рекрутов брали в армию, поскольку они были жителями Лариссы, а не потому, что пользовалась каким-либо даром».

зяйственные работы, особенно в специфических условиях Египта. Но начиная со II в. до н. э. клерухи уже не были иностранцами, а являлись сыновьями клерухов или местных жителей. Они получали необработанные земли, которые им требовалось возделывать. Теперь клерухи выступали не как должники царя, а скорее как люди, оказывавшие ему услугу, обрабатывая целинные земли, с которых платили оброк.

В этих условиях, естественно, требования царя к клерухам уменьшились. Держание постепенно становилось наследственным. К. Прео описала этапы последовательного отказа царей от своих прав: в конце III в. до н. э. только сыновья клерухов могли наследовать держание, а в I в. до н. э. клер получали даже женщины. Подобные изменения, хотя и менее выраженные, наблюдались и в практике отчуждения клеров. Суверен из опасения, что не будет заплачен оброк за клер, позволял передачу другому лицу прав и обязанностей клеруха. Хотя тексты не говорят о продаже в собственном смысле этого слова, очевидно, что эта передача производилась за деньги. Передача по наследству и фактическая отчуждаемость клера, понемногу приравненного к обыкновенному личному достоянию, представляла собой значительную победу человеческой личности над царскими прерогативами.

Этот пример типичен в развитии отношений между царем и его подданными в позднеэллинистическую эпоху. Изначально предоставление клеров являлось благом и было связано с серьезными обязательствами. Но все усугублявшееся разорение Египта привело суверенов к тому, что они рассматривали возделывание земли как жизненную необходимость, поскольку основную массу своих доходов получали от земли. И тогда монархи отказывались от некоторых прав, с тем чтобы расширить обработку земли. Однако это был порочный круг: превращение клеров из держания в частную собственность сильно уменьшало царские владения. А ведь земельные богатства монарха были уже значительно уменьшены из-за концессий и даров, сделанных жрецам.

Эллинистические царства производят двойное впечатление. С одной стороны, мы видим большие города с широкими улицами и впечатляющими памятниками, бесспорное процветание, динамичную, быстро развивавшуюся «буржуазию» и средний класс, состоявший из эллинизированных местных жителей; с другой стороны, наблюдается застой в деревне, которая подвергалась

жестокоей эксплуатации и не извлекла никаких благ из нового порядка. Царь и крупные собственники, занимавшие главенствующее положение в экономической жизни, интересовались лишь, своими доходами и, сознательно или нет, увеличивали пропасть между городским миром и миром деревни. Этот разрыв лишь на первый взгляд укладывается в рамки эллинизма: ведь классическая греческая цивилизация определялась полисом, который объединял в себе и город и деревню. Он превосходит, причем задолго до завоевания Римом эллинистических государств, Римскую империю, величие и слабости которой вытекают из тех же антагонистических противоречий.

Необходимо отметить также, что обстановка (в частности, в Египте) ухудшалась: жрецы, солдаты и чиновники в ущерб царю завоевывали все больше и больше привилегий, а в опустошенной анахоресисом сельской местности становилось все меньше и меньше обрабатываемых земель. С полным основанием К. Прео говорит о «пренебрежении массами», покинутыми на произвол судьбы: никто ничего не предпринимал, чтобы поднять их уровень жизни (хотя с капиталистической точки зрения это могло быть одним из способов оживления экономики), народу не смогли дать идеал, который придавал бы его труду хоть какой-нибудь смысл.

Надо ли во избежание одностороннего подхода добавлять, что эллинистические правители делали все, что было в их силах, принимая во внимание тот факт, что число греческих и македонских иммигрантов было незначительным и что они неспособны были поколебать более многочисленную массу коренного населения. Повторяя знаменитое изречение Э. Альбертини по поводу века Антонинов со всеми присущими ему оговорками, можно сказать, что эллинистический мир все же был наименее плохим из возможных миров. В том же духе выразился один диойкет: «Никто не имеет права делать то, что хочет, но все как-то устраивается».

К тому же изучение развивавшейся в этих условиях цивилизации продемонстрирует нам ее успехи — часто ослепительные.

Глава 3

ПОСЛЕДНИЕ ПЕРЕМНЫ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Нас поражает, насколько беспорядочно богатство творений эллинистической эпохи. В них видно кипение жизни, которую невозможно свести к одному процессу. Здесь мы наблюдаем индивидуализм, начавший развиваться в конце V в. до н. э., распространение лирики, тягу к созданию индивидуалистической философии, мистические потребности души, желавшей обеспечить свое «спасение».

Но, как это ни парадоксально, человек, по-видимому, может развить свою индивидуальность только в коллективе. Поэты собирались в общества, традиции художественных школ играли первостепенную роль в развитии изобразительных искусств, философия и наука процветали в школах с четкой организационной структурой. Даже мистики искали своего бога только в братствах.

В связи с необходимостью в объединениях с помощью просвещенных правителей основывались библиотеки и учебные заведения, где накапливались знания. Два первых Птолемея под влиянием Деметрия Фалерского (ученика Феофраста) и поэта Филета дарят своей столице Мусей и Библиотеку. Мусей (букв. «святилище муз»), основанный Птолемеем Сотером, уже при Птолемеи Филадельфе стал исследовательским центром. Ученые полностью обеспечивались щедростью монарха, и они имели там все необходимое для работы — инструменты, коллекции, зоологический и ботанический сады. Библиотека, пополнение Мусея, все время росла. Ее фонды насчитывали 200 тысяч свитков после смерти Птолемея Сотера, 400 тысяч — после смерти Птолемея Филадельфа, купившего много книг (в том числе библиотеку Аристотеля), а также 700 тысяч свитков времен Цезаря. Кроме того, Птолемеи Филадельф открыл в Сарапайоне вторую библиотеку, насчитывавшую 50 тысяч свитков. С Птолемея-

ми соперничали Атталиды, основавшие в Пергаме библиотеку с 400 тысячами свитков с самыми разнообразными научными сведениями.

ЭМОЦИИ И ДУХОВНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

Литература оказалась чрезвычайно жизнеспособной. Конечно, традиционные жанры классической эпохи исчезли почти полностью. Трагедия и ораторское искусство, предназначенные для просвещения и убеждения демоса, потеряли столь необходимое им социальное окружение, но возродилась лирическая поэзия, выросли литературные познания; от старых времен остались лишь комедии и историография.

Литератор и его публика

Новые условия эллинистического мира объясняют одновременно, и расцвет литературы, и ее коренное изменение. В частности, появились новые средства выражения, литературные центры, которые позволили отразить соединение «единства» и «различия», характерное для эллинизма.

В классическую эпоху благодаря духовному взлету Афин неоспоримое первенство приобрел аттический диалект. И именно он лег в основу койне, общего языка, который с эпохи Александра вначале с прагматическими целями распространился в государственном делопроизводстве, в торговой сфере и в повседневном обиходе. Однако койне обогатило аттический диалект различными заимствованиями, в частности из ионийского. Оно упростило его морфологически и синтаксически, лишило нюансов и тонкостей, но позволило при этом стать языком широко распространенной культуры. Тем не менее в литературе эллинистического периода, как и предыдущего, боролись за право на существование различные диалекты: в прозе использовалось койне, тогда как в поэзии применялись диалекты, традиционно связанные с тем или иным жанром: гомеровский язык (который сам являлся сплавом) — для эпических песен, эолийский — для любовной лирики, дорийский — для буколик.

Афины, распространившие свой диалект на значительные территории, остались в Элладе очагом только

комедии, а не литературы вообще. Александрия стремилась их заменить, не претендуя на звание столицы философии и наук. Нельзя пренебрегать и другими центрами — Сиракузами, Тарентом, Косом, Пергамом.

Новые веяния проявились и в отношениях между создателями литературных произведений и сильными мира сего, а также публикой. Сложился совершенно новый тип человека — литератор. Поскольку понятие авторского права было абсолютно чуждо античности, литератор, если у него не было собственных средств к существованию, мог жить только на пожертвования властителей, поэтому меценатство стало естественной основой литературной жизни. Широко прибегали к меценатству первое Птолемеи, которым литература была так же дорога, как искусство и науки. Появилась опасность, которой не смогли избежать даже лучшие писатели и поэты, — развитие придворной поэзии с ее неизбежной лестью. Так, Феокрит, после того как напрасно пытался привлечь внимание Гиерона II Сиракузского и провел некоторое время на Косе, куда, вероятно, его влекли семейные привязанности, приехал в Александрию, где завоевал благосклонность Птолемея II Филадельфа и его жены. Это подтолкнуло Феокрита к написанию одной из самых посредственных своих идиллий — «Похвала Птолемею», настоящее школьное подражание, заимствованное из панегириков софистов и риториков, согласно которому необходимо восхвалять последовательно родителей, рождение и заслуги Птолемея Филадельфа. Но пример «Сиракузянок», одной из великолепнейших поэм, в которой Феокрит удачно живописал роскошь дворцовых праздников, показав апофеоз монархов, доказывает, что не всегда придворная поэзия делала творчество бесплодным.

Не менее ловко льстил Каллимах, в «Гимне Делосу» Аполлон еще во чреве матери произнес свое первое пророчество. Он посоветовал матери произвести его на свет не на Косе, а на Делосе, на котором должен был родиться Птолемей Филадельф. Каллимах не колеблясь посвятил целую поэму (которую Катулл переведет на латинский язык) похищению из святилища пряди волос царицы Береники (супруги Птолемея III) и превращению ее в созвездие.

Другое важное новшество заключалось в том, что местные авторы начали писать по-гречески. В начале эллинистической эпохи два жреца рассказали о тради-

циях своих стран: Берос в «Хронике Халдеи» и Манефон в «Хронике Египта». Эти трактаты, почти полностью утраченные.— важные вехи в контактах между цивилизациями. Начиная также с Птолемея Филадельфа, евреи способствовали расцвету эллинистической словесности не только переводами, но и оригинальными произведениями.

Изменилась по сравнению с предыдущей эпохой и публика. Литература более не затрагивала демос, а обращалась исключительно к «буржуазии», которая имела тенденцию к численному росту и становилась все более и более просвещенной благодаря несомненному распространению культуры, более широкому и рациональному образованию. Женщины в подражание царицам, часто весьма образованным, более не чурались духовного. Хотя экклесию, суд, театр в это время заполнял уже не демос, тем не менее публика осталась достаточно многочисленной. Удивительно лишь то, что ей по вкусу пришлась утонченная поэзия, предназначенная, как казалось, для «счастливого меньшинства». Несомненно одно: близость к музам рассматривалась как добродетель и была почти приравнена к героизации. Ясно, например, что успех праздника, который устроил Птолемей Филадельф в честь апофеоза Гомера, ранее был бы невозможен.

Литератор, естественно, должен был принимать в расчет вкусы и занятия этой публики, разделявшиеся подчас им самим. Так развивались некоторые тенденции, которые могут показаться общими для всех жанров литературы. Самая примечательная из них — лихорадочные поиски нового. Классические жанры, за исключением комедии и историографии, исчезли не столько из-за того, что не отвечали потребностям нового общества, сколько потому, что искусство не могло подражать непосредственным предшественникам. Художники предпочитали обращаться к далекому прошлому Греции, к героической и в крайнем случае архаической эпохе. Именно там они находили давно исчезнувшие литературные формы — эпос, лирику, дидактическую поэзию — формы, удобные для выражения принципиально новых мыслей или чувств. Но архаизирующая тенденция в искусстве не должна порождать иллюзий: Аполлоний Родосский не мог, да и не хотел быть Гомером, а Феокрит — Алкеем.

Другая, не менее заметная тенденция — вкус к высокоинтеллектуальной литературе. Грек, как никогда

ранее, искал понимания, и, поскольку события как бы спрессовывались и ускорялись в эту хаотическую эпоху, история быстро развивалась, а неустанную любознательность использовала даже не столько наука, сколько ученость. Комментаторы старались проникнуть в секреты великих классиков, в то время как поэты скрытыми намеками, неясностями создавали загадки для будущих толкователей.

Новая комедия

Трагедия умерла. Комедия некоторое время продолжала блистать в Афинах, распространилась в Македонии (Филипп дал несколько спектаклей после взятия Олинфа, а Александр — после взятия Фив) и по эллинистическому Востоку (пример тому — Махон, комик из Сикиона, который выступал в Александрии около 250 г. до н. э. От него осталось около 500 плоских, игривых стихов о куртизанках, музыкантах, параситах). Хор и парабаса исчезли. Интермедии все более и более делили ранее единое действие на акты. Пролог, позаимствованный у трагедии, позволял автору завязывать интригу и вводить свое личное мнение, как это было в парабасе.

Новая комедия, появившаяся после IV в. до н. э.¹ еще более, чем «средняя» (IV в. до н. э.), имела тенденцию изображать современную жизнь как можно более точно. Любовь, преодолевавшая препятствия и заканчивавшаяся признанием и счастливой развязкой, стала основной темой. Интрига усложнилась, хотя и следовала схеме, оставшейся более или менее неизменной. Характеры разрабатывались подробно. Поллукс перечисляет 44 типа масок: 9 — стариков и зрелых мужей, 17 — женщин, 11 — молодых людей, 7 — рабов. Таким образом, драматурга больше не удовлетворяло изображение общечеловеческого типа.

Эта комедия, часто не исключавшая патетики, была тем не менее веселой. Она сохранила приемы средней комедии в виде комических сценок — пародий, болтовни кухарок, похвальбы солдат-фанфаронов, рассказов паразитов, интриг рабов, надувавших старикашек, — предков Скапена.

Эллинистические комедии известны нам по латинским контаминациям и по фрагментам. Можно выделить двух

авторов: Филемона (возможно, выходец из Сиракуз), преуспевшего в нагромождении комических эпизодов, и афинянина Менандра, названного византийскими учителями «звездой новой комедии». Проводя жизнь в удовольствиях на собственной вилле в Пирее в обществе куртизанки Гликеры, он сочинил более ста комедий. Благодаря находке папируса с комедией Менандра «Дискол» («Брюзга») мы имеем более полное представление о его таланте, который, по словам М. Круазе, уступает только гению Мольера. В ней автор охотно философствует, вернее, морализирует, правда не очень оригинально. Его «Брюзгу» можно назвать «филантропической пьесой». Настоящей заслугой комедиографа была столь правдивая обрисовка персоналий, что Аристофан из Византия спрашивал, кто кому подражал — Менандр жизни или наоборот. В комедии «Сам себя наказывающий», почти полностью переведенной Теренцием на латинский язык, Менандр противопоставляет два типа стариков — напыщенного фразера Хремеса и Менедема, «человека, который сам себя карает», цельную натуру, проникнутую помыслами о возвышенном; он обращает внимание на конфликт поколений, показывая их отношения с сыновьями. В «Третьем суде» автор выводит на сцену двух любящих молодоженов, разлученных в результате недоразумения. Молодой человек, натура страстная — настоящий герой Скопаса, бросается в разгул, перед тем как вернуться к жене, которая, несмотря на видимость измены, остается достойной его любви.

Таким образом, главными темами комедий Менандра были любовь, страсть, семейная привязанность, что воспринималось вполне естественно в эпоху, когда человек был лишен общественной жизни. Но Менандр, тесно связанный со своим временем, не мог не затронуть, к радости историков, и другие проблемы — отношений между богатыми и бедными, рабства, суеверия и религии. Следуя великой классической традиции, Менандр питает отвращение к чужеземным культам. В «Привидении» он стремится показать истинное назначение обрядов колдуний. В «Одержимой» перед публикой предстает девушка, служительница культа богини Кибелы, которая, влюбившись в молодого человека, тут же теряет пророческий дар: богиня требует исключительного права на любовь.

Короче говоря, это был театр, привлекавший внимание тонкостью психологического анализа и волновавший

своими глубоко человеческими проблемами. Менандр же являл собой последнюю вспышку аттического гения, достаточно яркую, чтобы, говоря о нем, вспомнить Еврипида и Платона.

Лирика ухода от действительности

Поэзия эллинизма в основном вполне отвечала своему традиционному названию «александрийская поэзия», так как большинство знаменитых поэтов жило именно в Александрии при дворе Птолемеев.

Уже отмечались некоторые ее характерные черты, в частности лесь, часто безудержное восхваление монарха. Прежде это место занимала любовь к родине. Восхваление было прямым, опиравшимся на явную ложь, и косвенным, подкрепленным ловкими мифологическими параллелями. В придворной поэзии одинаково высоко ценился стиль — как вдохновенный и восторженный, так и педантично точный, холодный, с многочисленными изысканными перифразами и ненужными обращениями.

Кроме того, независимо от темы поэзия все больше приобретала познавательный характер, хотя опиралась она (за исключением «Феноменов» Арата) отнюдь не на настоящую науку, а на традиционную ученость в области археологии, истории, географии, мифологии. Некоторые отрывки из Каллимаха и тем более из Ликофрона читать было невозможно, не прибегая к изданию с примечаниями, в которых были бы использованы работы античных или византийских комментаторов. Но и они часто приходили в растерянность перед туманностью намеков. Однако истинное величие «александрийской поэзии» не в ее учености и не в умении льстить царям, а в передаче мира чувств — мира поверхностного или глубокого, но всегда разнообразного. В стихотворных строках охотно раскрывались чувства между членами семьи и даже привязанность к домашним животным (особенно часто это отмечается в эпиграфиях). Но предпочтение в новой лирике отдавали прежде всего любви, она царил повсюду, и суровые гомеровские герои становились галантными рыцарями. Сам ужасный Киклоп Гомера в одной из очаровательных идиллий Феокрита превращается в трогательно влюбленного, которым пренебрегла возлюбленная. Подробные описания страсти, как в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, встречаются редко. Чаще всего это короткие произведения, в которых взволнован-

но описаны любовные сцены. В наше время обычно принято подчеркивать некоторую неестественность этой поэзии. Действительно, амур и всякого рода метафоры огня, стрелы и цепи в ней встречаются в изобилии, но необходимо помнить, что эти образы, ставшие столь банальными в более поздние времена, в эпоху эллинизма были новы и свежи. В лучших идиллиях Феокрита или самых талантливых его последователей слышны и более сильные голоса — порой это был настоящий взрыв чувственности, а порой чувственность смешивалась с угрызениями совести, сожалением, отчаянием перед лицом предательства. Александрийцы не только изобрели галантную поэзию, но и явились авторами откровенной и волнующей любовной лирики.

Проснулся интерес к деревенской жизни, как и в XVIII в. н. э. Города разрослись до такой степени, что стали огромными и враждебными человеку агломерациями. Природа в буколической поэзии была не что иное, как обрамление человеческих страстей. Созданные ею пейзажи милы, изящны, приятны для глаза уставшего человека. Это как раз те самые пейзажи, которые мы в память об Александрии называем «идиллическими». Непременными штрихами такого пейзажа были кристально чистый источник, ручеек, замшелые камни, ковер шелковистой травы, тенистые деревья, холмы, поросшие миртом и оливами, пчелы, собирающие мед, птицы и цикады. Живут там крестьяне и многочисленные пастухи, но это не аркадские пастухи — они свободно живут среди холмов, их окружают милые их сердцу животные, за которыми они трогательно ухаживают и которых называют по именам. Авторы возносят этих пастухов над жизнью в своем горячем стремлении к красоте, к прекрасным стихам и музыке. Их пастухи поют песни, состязаясь между собой в пении (так называемое «амебейное пение», когда два певца обмениваются двустихиями на одинаковые или противоположные темы). Наиболее точно эта форма выражена у Феокрита и, судя по всему, была широко распространена в пастушеской среде на Сицилии. Возможно, основным источником буколического жанра является народная поэзия. Она существует и поныне в тех местах, где еще остались пастушеские традиции, — на той же Сицилии, на Сардинии, в Басконии. Темы для импровизации Феокриту давали поговорки, концентрировавшие сельскую мудрость. Примером сюжета амебейной песни может служить несчастная лю-

бовь сицилийского пастуха Дафниса. Не думаю, что было бы уместно настаивать на религиозном происхождении буколического жанра, как это делает Р. Резенштейн, считавший, что во время религиозных праздников в честь Диониса и Артемиды братства пастухов пели гимны своим богам, а амебейные песни стали как бы их литературным переложением.

Существовали и другие способы бегства от действительности. Например, александрийцы не обходили вниманием поэзию путешествий, имея особую склонность к необыкновенным путешествиям в экзотических странах. Так, Аполлоний мечты о приключениях древних приспособлялся к уровню знаний и вкусам своих соотечественников. Один из самых известных отрывков «Аргонавтики» Валерия Флакка уводит героя в туманные западные страны к кельтам, к большой реке с многочисленными рукавами, которая похожа то на реку По, то на Рейн, а иногда и на Рону. Географические представления, порой ошибочные, а порой достаточно точные (упомянуты швейцарские озера и Геркинейские горы — Шварцвальд), возможно, заимствованы у Тимея. Александрийцев интересовали метаморфозы, примеры которых в изобилии давала мифология. Тем не менее (и это не парадокс) они могли заставить звучать и конкретную, реалистическую деталь. Они прибегали к пространному описанию — экфазам (со множеством точных эпитетов) натюрмортов, произведений искусства. Эти экфазы занимали большое место в эпиграммах из «Антологии».

Новому источнику вдохновения соответствовали и новые способы выражения. Александрийцы не избегали поэмы в качестве поэтической формы, о чем свидетельствуют «Александра», «Аргонавтика», «Феномены», но ей они все же предпочитали малую форму, в которой поиск выразительности мог быть доведен до предела, — идиллию (называемую еще эклогой) и эпиграмму. Они исповедовали настоящий культ формы, выбирая редкие, архаические или специальные термины, ставили рядом звучные имена. В то же самое время поэзия освобождалась от музыкального сопровождения, что было настоящей революцией. Поэты особое внимание начали обращать на метрику, так как отныне только метрика давала музыку стихам.

Именно в Александрии в III в. до н. э. появились наиболее известные ныне имена. В некоторых поэмах Феокрита мы находим явное упоминание о кружке поэтов, собравшихся на Косе вокруг Филета, который, кстати

говоря, был призван ко двору Птолемеев в качестве воспитателя детей царя. Кружки играли большую роль в литературной жизни того периода. На двух скифосах изклада Бертувиля-Берне Ш. Пикар видит изображение литературного кружка с Аратом, Ликофраном, Менедемом (наставником Гонатов), Феокритом и их музами.

Феокрит возносит пасторальную поэзию на вершину. Уроженец Сиракуз, он нигде, даже в Александрии, не забывал прелести сицилийского пейзажа, а также эротические или музыкальные игры пастухов. Его изысканная, несколько женственная сентиментальность, воспевание кратких радостей и долгих горестей любви творили чудеса. Он посочувствовал влюбленному Гераклу самым отчаянным за всю античность возгласом: «Несчастны влюбленные!» (13, 66). Он воскресил в памяти приворотные зелья и причитания обманутой и покинутой девушки («Колдуньи»). Но его «Сиракузянки» — это мим, грубый и одновременно тонко напоминающий авлические литургии. Его буколической поэзии будут подражать Мосх, Бион, многочисленные неизвестные поэты, произведения которых весьма посредственны, за редким исключением, таким, как, например, великолепный «Oarystis», который остается самой чувственной любовной беседой в античной поэзии. Неоспоримый создатель быстро устаревшего жанра, этот эмоционально утонченный поэт не заслуживает опалы, наложенной на него менее изысканными соперниками, к которым можно с оговорками причислить самого великого Вергилия.

Каллимах, ученый, автор «Причин», «Элегий» и «Гимнов», был библиотекарем в Александрии при Птолеме Филадельфе и Птолеме Эвергете. Воодушевляемый обостренным сознанием великого достоинства поэзии, он ненавидит критиков, «бичей поэтов, погружающих во мрак разум детей, клопов, пожирающих прекрасные стихи». Жаль, что он так любил раритеты, намеки, упивался тяжелым слогом.

Его непримиримый враг * Аполлоний Родосский своей «Аргонавтикой» как бы провел параллель «Одиссее»:

* Ссора Каллимаха с его учеником Аполлоном демонстрирует накал борьбы внутри кружков. Каллимах признавал лишь малую поэтическую форму. Аполлоний хотел создавать эпические поэмы. Отношения наливались ядом. Аполлоний заявил, что его учитель - «отброс, фривольная игрушка, деревянная голова». Каллимах ответил «Ибисом» (до нас дошел лишь в передаче Овидия). Аполлоний был вынужден удалиться на Родос, где и написал свое произведение.

плагиат был бы непереносим, если бы не было великолепного изображения страсти Медеи. Арат, любимец Антигона Гоната, пошел еще дальше: в «Феноменах» он стихами изложил астрономическую систему Евдокса Книдского и показал, что самая высокая философия может быть совместима с поэзией. Ликофрон, прозванный Темным, библиотекарь Птолемея Филадельфа, в длинной мотии Александра передал пророческий плач несчастной Кассандры, предсказавшей даже будущее величие Рима. Он владел искусством смелого определения (например, Клитемнестру назвал «почтительной распутницей»), но слишком часто терялся в непонятных тонкостях геометрической поэзии. Геронд проявил себя в миме —вольном, плутовском жанре, которым не пренебрегали даже наиболее выдающиеся поэты эпохи. В своей одноактной пьесе «Школьный учитель» он выводит на сцену типичных персонажей: глупую и жадную женщину среднего класса, мечтавшую дать образование сыну; ленивого, хитрого, озорничающего мальчишку; учителя, который использует самые разные телесные наказания. Его Сводник, пытаюсь через суд вернуть похищенную воспитанницу, говорит елейным, полным двусмысленности языком, свойственным людям профессии сводника.

Многочисленные эпиграммы «Антологии» (искусственного сборника позднего периода, который содержит также немало произведений римского и византийского времени) свидетельствуют в минорном тоне об изысканных и манерных вкусах, свойственных эпохе эллинизма.

Эта поэзия не заслуживает того пренебрежения, с которым к ней часто относятся. Она гораздо большее, нежели «упражнения ученой собачки», к чему ее нередко пытаются свести. Современным языком, удивляющим при первом знакомстве с ней, она выражает новые чувства и эмоции. Она воодушевляется поиском формального совершенства, которое и превратит ее в естественный образец для тех, кто на протяжении веков будет стремиться к искусству ради искусства.

Знание филологии

Несмотря на презрение Каллимахом труда грамматиков эллинистической эпохи, труд их был весьма полезным. Они создавали новую отрасль знания — критику текстов, которая по мере формирования больших библиотек становилась все более и более необходимой.

Имена грамматиков заслуживают того, чтобы их помнили, так как благодаря им мы располагаем правильными текстами великих греческих писателей. Зенодот из Эфеса, до того как стать библиотекарем в Александрии, был наставником Птолемея Филадельфа. Он издал гомеровские поэмы и открыл путь диортогам (исправителям). Аристофан из Византия (библиотекарь при Птолемеи Эвергете) выпустил в свет Гомера, Гесиода и лириков, дав великолепные комментарии к ним. Имя Аристарха, его самого замечательного ученика и последователя в Библиотеке, известного прежде всего своим комментарием к Гомеру, стало нарицательным для определения строгого судьи. Вместе со своим учителем он начал создавать канон (т. е. список) классиков, который быстро становится общепризнанным. Наконец, соперник Аристарха — Кратет из Малла (библиотекарь в Пергаме), комментатор Гомера и Гесиода, написал значительный труд по стоической философии.

Историография III в. до н. э.

Историография в эллинистический период сильно видоизменилась. После Эфора из Кум (ученик Исократы, автор «Всеобщей истории», которая охватывает период от возвращения Гераклидов до 340 г. до н. э.) она включила в круг своих интересов помимо Греции Восток, который после походов Александра сделался грекам гораздо ближе, и Запад, к которому понемногу привлекали внимание римляне. Но число событий так возросло, круг необходимых исследований столь расширился, что историки сделались кабинетными учеными, за исключением Полибия.

Полибий, несомненно, поднялся над своими предшественниками и соперниками именно благодаря тому, что был непосредственным очевидцем описываемых событий. К тому же история все более и более становилась научным исследованием и отвергала порой какое бы то ни было литературное влияние.

Труды великих историков III в. до н. э. дошли до нас только во фрагментах, и авторы сильно различаются по методу, а также по таланту.

Иероним из Кардии служил у македонских царей и вплотную сталкивался с событиями, которые изложил в

«Истории диадохов» и «Истории эпигонов». Его труды («самое значительное из того, что было написано о пятидесяти годах, последовавших за смертью Александра», — Ф. Якоби) привлекают внимание ясностью и содержательностью. Отнюдь не живописательны, а абстрактны, они незаменимы для установления фактов и их понимания.

Эти работы были широко использованы Диодором и Плутархом, но они плохо написаны, и, по словам Дионисия Галикарнасского, их невозможно читать «из-за отсутствия гармонии стиля».

Дурис Самосский (в «Истории Греции» и «Истории Македонии») описывает события с 370 до 280 г. до н. э. Он же автор «Истории Агафокла». Также не обладая большим литературным дарованием, он отличается здравым смыслом, умеренностью и интересом к пикантным историям.

Филарх продолжает Дурису и доводит повествование до 220 г. до н. э. У него явная склонность к патетическим сценам, к пафосу, за что его порицает Полибий. Труды Филарха привлекают образностью, динамичностью изложения, забавными историями; понятно, почему Плутарх так много позаимствовал у него для своих биографий.

Самый крупный историк III в. до н. э. — Тимей из Тавромения, автор «Истории Сицилии», дополненной «Историей Пирра». Изгнанный Агафоклом со своей родины, он скрывался в Афинах и на протяжении пятидесяти лет до возвращения на Сицилию при Гиероне II писал свои труды.

Этот замечательный знаток проделал обширнейшую работу, прочтя все, что было написано по интересующему его вопросу; использовал он и подлинные документы. Высказывая о предшественниках живые суждения, он демонстрирует невиданную силу критического ума. Проявив интерес к хронологии, Тимей успешно пытается свести в единую систему даты календарных систем Афин, Спарты, Аргоса, Олимпии... Его иногда судят по колким критическим замечаниям, высказанным в его адрес Полибием, который упрекал Тимея в слишком книжных знаниях и особенно в склонности к риторике. На самом деле жажда знаний заставляет Тимея обратиться к областям, прежде обойденным вниманием, например к варварскому Западу, и в частности Риму, к которому он первый привлек внимание.

Рационалистическая история: Полибий

Тимей был затмен славой Полибия (около 210—125), который совершил настоящую революцию в историографии и был, безусловно, одним из самых плодотворных и глубоких умов эллинистической эпохи. Родом из большой мегалопольской семьи, этот молодой человек являлся одним из заложников, которых Ахейский союз вынужден был выдать после битвы при Пидне. Он прожил сорок лет в Риме, где завязал знакомства с самыми благородными мужами города, в частности с сыновьями Сципиона Эмилиана. Для него, как и для Фукидида, история была как бы искуплением за ссылку. Как и великий афинянин, он вносит в нее реальные знания войны и политики. В своем основном труде — «Истории» Полибий рассказал, как Рим завоевал мир. Повествование охватывает период с 221 по 146 г., но в виде вступления дан обзор событий от 264 г. до н. э. Весь период, изложенный в хронологическом порядке, разделен на сорок книг, из которых только первые пять сохранились полностью.

В самом начале своей работы Полибий приписывает истории двойную дидактическую цель — политическую и моральную: извлекать уроки для государственных деятелей и учиться переносить удары судьбы. Заявляя о себе как о прагматике, он отвергает все, что не соответствует этим целям, в частности риторику.

Для достижения этих целей Полибий должен искать причины событий, и здесь он выступает как верный ученик Фукидида. Как и последний, Полибий требует различать поводы и истинные причины войн. Как первостепенные среди причин он выделяет деятельность сильных личностей (таких, как Ганнибал или Сципион), характер государственных учреждений и нравов (он считает, что соперничество между Римом и Карфагеном было неизбежным в силу некоего детерминизма), экономические факторы (он великолепно показывает роль, которую сыграли в римской политике капитал, биржа, купцы), социальные факторы, настаивая на важной роли малонаселенности в упадке Греции. Таким образом, для него история — не изложение фактов, а продукт осмысления действительности, ориентированный на пользу.

По мнению П. Педеша, чтобы воздать историку должное, его надо сравнить с прославившими эпоху учеными — Эратосфеном, Кратетом, Агатархидом. Полибий был движим теми же чувствами, что и эти ученые, — «любо-

пытством, любовью к разуму, пристрастием к тщательности и точности, чувством синтеза, верой в науку».

Несмотря на старание объяснить все с позиции разумного и рационального, Полибий часто упоминает Тюхе (Фортуну). Но «случай», судя по всему, он допускает в историю не чаще, чем Провидение. Таким образом, Тюхе представляет собой нечто вроде остаточного явления, ибо событиям человеческой жизни автор старается найти естественные причины. Так, по его мнению, римские завоевания — это результат продуманного плана α продукт исключительных качеств римского народа.

Исходя из таких принципов, Полибий создает непревзойденный по точности труд. Сведения, которыми он пользовался, заслуживают доверия: автор сам участвовал во многих событиях, а о многих ему представлялась возможность узнать в кружке Сципионов в Риме. Таким образом, основным источником информации, которому он больше всего доверял, был его личный опыт. Кроме того, Полибий много путешествовал на Западе (Этрурия, Цизальпинская Галлия, Альпы, Испания; атлантическое побережье Африки, вдоль которого он прошел на кораблях, доверенных ему Сципионом) и в Египте, он своими глазами видел места, где происходили описанные им события. К тому же Полибий много читал — предшественников и современников, латинских анналистов и греческих историков, географов, философов. И наконец, он имел доступ к архивам, в частности к записям великого понтифика и к архивам Персея, привезенным в Рим после Пидны.

Полибий постоянно обращает внимание на объективность, забывая о ней лишь тогда, когда говорит об эллийцах или Персее, которых ненавидит. «Истина для истории, — пишет он, — то же, что глаза для животных: если их вырвать, животное становится бесполезным». Он так далеко заходит в своей заботе об истине, что почти не использует реконструируемые речи исторических деятелей, что было обычным явлением для греческой историографии.

И все-таки Полибий всегда присутствует в тексте, часто прерываемом отступлениями, полемикой, в которых он теряет свою беспристрастность. Постоянно судящий и критикующий, движимый иногда странной суровостью, он далек от презрительной бесстрастности великого Фукидида. Чрезвычайно важным является вопрос о его отношении к римлянам. Его даже упрекали в сотрудничестве.

Очевидно, на Полибия произвело сильное впечатление то, что открылось перед его взором в Риме, и он не скрывает своего восхищения этим мудрым, терпеливым, серьезным и энергичным народом. Но затем его пыл несколько поостыл. Он заметил то, как грубо римляне разрешали конфликты, заметил и угрожавший Риму кризис, предвидя его упадок.

Форма — слабая сторона творчества Полибия. У него отсутствовали воображение и эмоции. Он не умел живописать и продемонстрировал склонность к трудным для понимания, абстрактным терминам. Современный критик сказал о нем без особого преувеличения, что его можно читать на любом языке, кроме его родного. В этом он был одинок среди талантов, озабоченных тем, чтобы нравиться. Полибий прежде всего стремился понять, объяснить, убедить, что он и делал с такой глубиной, что остается для нас одним из самых основательных историков античности.

БЕССТРАСТИЕ МУДРЕЦА И АППЕТИТ УЧЕНОГО

Философские кружки

Во времена Платона и Аристотеля философия была настолько блистательна, что после них казалась обреченной на застой. Тем не менее на протяжении всей эллинистической эпохи она оставалась одной из самых живых ветвей греческой мысли. Не только сохранились и получили дальнейшее развитие традиционные теории, но и появились оригинальные, глубоко трогавшие элиту мысли.

Обязательной для философа стала дисциплина. Никаких отшельников, напротив, хорошо организованные школы со своими традициями, помещениями, руководителями (сколархами) и, естественно, еретиками. Как ни парадоксально, но даже киники подчинялись этим правилам. Учитель на своих семинарах продолжал учить последователей не столько чтением теоретических лекций, сколько ежедневными беседами. Философ становится определенным типом профессионала, ученым, все более отдалявшимся от обыденности жизни.

Хотя в каждом значительном городе были свои философы, которые совместно с риторамы обеспечивали то, что

можно назвать высшим образованием, Афины оставались самым крупным центром философской мысли, где находились наиболее знаменитые школы и формировались новые теории.

Традиционные школы

Большинство школ, существовавших в IV в. до н. э., остались и в более поздний период. Наиболее своеобразными из них являются киники, для которых характерны полный материализм, отказ от уважения общепринятых норм поведения, общение с самыми сомнительными элементами общества — портовыми грузчиками или проститутками.

На первых порах быстро развивался Ликей во главе с Феофрастом, который был прямым последователем Учителя, отвергавшего метафизику ради более точного наблюдения фактов, в частности в области ботаники и метеорологии. Его работы дошли до нас в отрывках, в основном «Характеры», которые, судя по всему, являются фрагментами «Поэтики» — модели, предложенной для обучения поэтов.

Школа Платона испытывала новый подъем с Аркесилаем Питанейским, сколархом платоновской Академии (с 268 по 241 г.). Он был блестящим оратором, посвятившим себя исключительно устному преподаванию, и основателем так называемой Средней академии. Он проповедовал вероятность, теорию, которая в противоположность стоицизму имела целью лишь поиск наиболее правдоподобного, наиболее возможного. Во II в. до н. э. Карнеад систематизировал учение. Он известен в основном как посольской миссии, которую осуществил в Риме от имени афинян (155 г. до н. э.) с двумя другими философами — стоиком Диогеном и перипатетиком Критоланом, — и успехом, смешанным со скандалом, на его лекциях.

Хотя Карнеад ничего не написал, он был одним из самых глубоких мыслителей эпохи. По его мнению, нет никакой возможности отличить истину от ошибки; надо прокладывать дорогу между абсолютным сомнением скептиков и великими гипотезами стоиков. Таким образом, он исповедовал позитивизм, очищенный от метафизики и вдохновленный умеренным платонизмом.

В I в. до н. э. Академия была представлена двумя интересными философами, выступавшими против учения о вероятности*: Филоном из Лариссы (сколарх с 110 по 85 г. до н. э.) и Антиохом из сирийского города Аскалона (85—69), который воспринял отдельные положения стоицизма, в частности то, что касается теории познания. Цицерон был одним из слушателей обоих философов.

Скептики (букв. «рассматривающие») заявили о себе уже Пирроном (конец IV в. до н. э.), крупным мыслителем, который известен нам только по свидетельствам учеников. Вот эпитафия, в которой один из них говорит о том, что он получил от учителя: «Это я — Менекл Пирронец, видящий во всем сказанном одинаковую ценность и открывший для смертных путь атараксии»³. Самым знаменитым из учеников Пиррона (в III в. до н. э.) был Тимон из Флиунта, сначала танцовщик, потом софист. Он учил, что для человека все безразлично — и истинное и ложное, что чувства и разум нас одинаково обманывают и что нужно избегать суждений, жить без мнений и склонностей, не верить ни во что, чтобы в душе установилась атараксия. Тимон резко критиковал любой догматизм, охарактеризовав Зенона, отца стоицизма, как старую, нарумяненную и покрашенную до крайности финикийку, «глупую, как барабан». Скептицизм несколько напоминает индийскую мудрость, имеются сведения, что Пиррон встречался с гимнософистом Каланом, пришедшим из Индии с Александром. (Гимнософистами — «нагими мудрецами» — греки называли индийских мудрецов и факиров.)

Все эти представители школы скептиков обеспечивали ей успех на протяжении всей эллинистической эпохи. Очевидно, сложные проблемы эллинизма обратили умы именно к этой, не оставлявшей никаких надежд теории, которая больше всего восставала против догматизма стоиков. На такой же позиции находился Аристон Хиосский, стоик-раскольник, критические выступления которого часто совпадали с позицией скептиков. Школа скептиков будет процветать даже после римских завоеваний, так как два самых знаменитых философа жили в эпоху Римской империи — это Энесидем из Кносса и Секст Эмпирик.

* Между Карнеадом и Филоном Академией руководил Клитонах, по происхождению семит из Карфагена, его настоящее имя — Гасдрубал.

Уже традиционные школы уделяли много внимания проблемам морали. Внимание к ним усилилось в двух учениях, появившихся в конце IV в. до н. э., — эпикуреизме и стоицизме. В эллинистическое время философия стала как бы убежищем для человека, потерпевшего крушение надежд, потерявшего смысл жизни в своем положении гражданина. Ее целью было прежде всего решить проблему счастья. И в обоих случаях — в эпикуреизме и в стоицизме, — несмотря на очевидную разницу между ними, ответ один: счастье — во владении своей душой, ускользающей от мира, освобождающейся от случайного, достигающей состояния безразличия (атараксии — для одних, апатии — для других), в котором ее уже ничего не сможет задеть. Глубокий аскетизм, лежавший в основе этих учений, в конце IV в. до н. э. был, конечно, не нов, но он впервые опирался на науку, в частности на физику. От этого и проистекал научный догматизм стоиков и эпикурейцев, который в действительности отдалял их от гуманистической философии великой классической традиции.

Эпикур, уроженец Афин, молодые годы провел на Самосе, а затем обосновался в Афинах. Там, удалившись в свой знаменитый сад, он живет в окружении учеников, ищущих вместе с ним мира в душе с помощью «метода психологического лечения, направленного против грусти, тревоги, скуки, напрасной суеты» (А. Риво). Доброжелательность, с которой он относился к своим ученикам, дружеские чувства к ним, мягкость его характера тем более достойны похвалы, что он находился во власти тяжелой болезни, которая после долгих лет страданий и унесла его (270 г. до н. э.). Все это делало Эпикура мудрецом.

Его учение известно мало, так как до нас дошло всего три программных письма, адресованных друзьям, и ряд записанных мыслей. Его основной труд — «Трактат о природе» в 37 книгах — утрачен. Он воспринял атомистическое учение Левкиппа и Демокрита. Эти два философа V в. до н. э. допускали, что материя состоит из неделимых, непроницаемых, сплошных, бесконечных частиц, которым они дали название «идей» и между которыми не проводят никаких различий, кроме величины, формы и расположения. В полной пустоте, где движутся

эти атомы (как их назвали впоследствии), вихревое движение создает агрегаты по двойному сочетанию: плотности, которая выталкивает наружу самые легкие, и формы, которая позволяет соединению дополняющих друг друга частиц. Даже душа подчиняется действию этого механизма: она состоит из легких сферических атомов, похожих на пылинки, которые пляшут в солнечном луче и которые постоянно обновляются при дыхании. Современность этой теории потрясает не только потому, что ее создатели являются далекими предшественниками современного атомизма, но и потому, что она для объяснения вселенной впервые не прибегает к внешней движущей силе. Механизм системы, едва смягченный теорией клинамена (этим латинским словом обозначают явление, когда некоторые атомы отклоняются от вертикали на ничтожно малый угол), согласно которой сохраняется свобода действий живых существ, помогал в преодолении суеверий, терроризировавших простых людей, страха перед богами, страха смерти.

Боги существуют, но они абсолютно безразличны к человеку; обитают они, очевидно, в пространствах, которые разделяют миры (метакосмия). Что касается смерти, то это фантом, так как душа, состоящая из материальных, чрезвычайно летучих атомов, разлагается в момент смерти и, таким образом, не может быть подвергнута адским наказаниям, которые так пугали нефилософов.

Эпикурейская мораль практически неизвестна, так как хулители Эпикура вскоре после его смерти придали слову «эпикурейский» смысл, который мог вогнать в краску самого автора этого учения. Действительно, все существа ищут удовольствий и избегают страданий, но мудрость состоит не в безудержной погоне за удовлетворением низменных желаний, которые еще больше порабощают душу,— мудрость в отсутствии волнения (таков смысл слова «атараксия»), которое достигается путем подавления желаний.

Удовольствие, стремление к которому, согласно Эпикуру, главное в жизни,— это прежде всего отсутствие страданий; это может быть также более позитивное состояние, например хорошее настроение (евфросюне). Оно коренится во владении инстинктами, а не в их удовлетворении. Если человек может таким образом освободиться от нечистых и беспокойных частей самого себя, значит, он обладает свободной волей: атомы души могут свободно отклоняться от предопределенного движения.

Мудрец, следуя данному определению, естественно, не принимал участия в политической жизни. Он избежал ее, удалившись в свою башню из слоновой кости.

Эпикуреизм быстро приобрел много adeptов. Наиболее известным был, очевидно, Филонид из Лаодикеи (200—130), биография которого стала известна благодаря находке одного папируса из Геркуланума. Ученик математика Аполлония из Перги, он открывает школу в Антиохии и обращает в эпикуреизм сирийского царя Деметрия Сотера. Он совершает ряд путешествий в Афины для переговоров на родине эпикуреизма со сколархом Басилидом.

Отмечают также, не без некоторого удивления, что эпикуреизм имел значительный успех в республиканском Риме. Конечно, сначала он вызвал недоверие из-за двусмысленной природы поиска удовольствий, полоненного в основу морали. Вспоминаются насмешки Фабриция, направленные против эпикурейца Киней — легата царя Пирра. Но он быстро завоевал популярность благодаря пропаганде его греками. В конце II в. до н. э. Амафиний пишет на латыни эпикурейский трактат. Во время войн с Митридатом сколарх Федр бежит из Афин в Рим и приобщает к эпикуреизму Цицерона, который затем отходит от учения, но остается другом Федра. Луций Кальпурний Пизон Цезонин, консул 58 г. до н. э., тесть Цезаря, владелец богатейшей виллы в Геркулануме, где были найдены многочисленные эпикурейские папирусы, поддерживает кружок греческих мыслителей эпикурейцев.

Эпикуреизм, отличавшийся своими проповедническими тенденциями и направленностью на всеобщность, приобрел настолько широкий размах, что достиг самых различных слоев народа, даже женщин и рабов. Цицерон отметил (*De finibus*, 2, 49), что он коснулся и варваров.

Самым выдающимся из римских последователей Эпикура считается поэт Лукреций. В его поэме «О природе вещей» наиболее полно изложено учение Эпикура. Никто, кроме него, так ясно не описал освобождение, которое находит душа в атомистическом учении. Никто, кроме него, не воспел с таким энтузиазмом сладострастие знания, доверие к философии, очарование перед мудростью Эпикура, представленного как пророк спасения. Поэма Лукреция — это замечательный отклик на проповедь мудреца, для которого высокомерная доктрина интеллектуала не заслонила самых братских чувств и человеческих достоинств.

Стоицизм, философская школа, названная так по «пестрому» портику (*Stoa Poikile*) в Афинах, где она была основана Зеноном и где собирались его ученики, родился из той же потребности в мире и определенности в один из самых смутных периодов греческой истории.

Зенон, семит из Китиона на Кипре, был торговцем, посвятившим себя философии. Успех в Афинах у него был огромен, и Антигон напрасно старался приблизить его к македонскому двору, а демос после его смерти почтил Зенона золотой короной. Школа, которую он создал и главой которой был с 322 по 264 г., после него (до 232 г. до н. э.) находилась в руках Клеанфа из Асса (город в Троаде), а затем (до 204 г. до н. э.) Хрисиппа из Сол. Зенон, Клеанф, Хрисипп и их ученики систематизировали учение, и период их деятельности (III-II вв. до н. э.) принято называть Древней Стоей.

Стоицизм этого времени основывался на широком видении мира: в котором ведущее место занимала логика, опиравшаяся на физику (натурфилософию). Великолепный порядок мира доказывает, что он управляем разумом. Этот разум, бог, имманентен миру, он растворен в материи. Он есть огонь — огонь одухотворяющий и творящий, проникающий в материю и придающий ей все чувственные качества; в чистом виде он существует в сфере, ограничивающей космос. По истечении «большого года», длящегося 10 тысяч лет, он полностью поглощает мир и обновляет его в мировом пожаре (экпирисис).

Мир приводится в движение иерархией божеств, начиная с Зевса, отождествляемого с огнем, и кончая демонами и гениями, через астральных богов, которые Греция позаимствовала у Востока.

В мире, полностью определенном физическими законами, человеку остается следовать только одному правилу: жить в соответствии с природой, подчиняться мировому порядку, хотеть того, что хочет божество, и таким образом сливаться с ним. Это согласие должно быть радостным и отличаться снисходительностью к миру. Оно возможно благодаря разумной части души (Нус), которая сама является огнем. Душа позволяет тому, кто добивается согласия с миром, сохранить свою индивидуальность до мирового пожара, тогда как души всех остальных исчезают после смерти.

В практическом смысле главное в учении стоиков заключается в различии «того, что зависит от нас», и «того, что от нас не зависит». Ко второй группе относится все, что связано со страстями, от чего необходимо научиться отказываться путем долгой аскезы, цель которой — владение собой, апатия (отсутствие страсти). От нас зависит именно воля, что делает мудреца равным богу. Жесткая, но вдохновляющая мораль, которая делает человека независимым от обстоятельств и, в частности, от своего социального положения, и проповедует что-то вроде «уравнительного социализма»⁴.

П. Пети назвал стоицизм «философией метеков». И действительно, как и ее основатель, многие мыслители школы происходили с Востока, были уроженцами Малой Азии или даже древних семитских стран (Диоген из Селевкии-и-Тигре, прозванный Диогеном Вавилонским, Аполлодор из Селевкии). Влияние умозрительных построений Азии просматривается, в частности, в концепции единого вездесущего бога, управляющего миром своей мудростью и направляющего человека провидением. «Бог стоиков, — писал Е. Брейе, — не олимпиец и не Дионис. Этот бог живет вместе с людьми и с разумными существами. Его могущество проникает всюду, и ни одна деталь, как бы мала она ни была, не ускользает от его провидения... Именно в этом семитская идея всемогущего бога, управляющего судьбами людей и вещей, сильно отличается от эллинистической концепции». Но стоицизм не имел бы такого успеха в Греции, если бы у него не было глубоких корней в греческой мысли IV в. до н. э., а именно киников и Платона, первого учителя морально-аскетизма.

Средняя Стоя

Во II в. до н. э. стоицизм преобразуется, особенно в результате серьезной критики Карнеада. Среди его самых знаменитых представителей — Диоген, уроженец Селевкии-на-Тигре, один из афинских послов в Риме в 155 г. до н. э., бывший у истоков успеха, который имел стоицизм в Риме; его ученик Кратет из Маллы, обосновавшийся в Пергаме; Блоссий Кумский, учитель Тиберия Гракха.

Во второй половине II — начале I в. до н. э. два новых мыслителя становятся во главе Средней Стой: Па-

нетий с Родоса (180—110) и Посидоний из Апамеи-на-Оронте (135—51). Очень непохожие один на другого, они тем не менее сходны в своем интересе к платонизму и во взгляде на связи между созерцанием и действием, что сделало их основателями философии действия.

Начиная с 146 г. до н. э. Панетий более пятнадцати лет жил в Риме, где сблизился с кружком Сципионов. Он сопровождал Эмилиана в его путешествиях и оставил множество учеников, среди которых можно назвать племянника Сципиона Квинта Элия Туберона, Луция Муций Сцевола, Луция Элия Стилона. Отозванный в Афины, он там до самой смерти был сколархом (129—110).

Панетий — новатор, отвергавший ряд наиболее ярких идей Древней Стои: ориентализированную теологию, пожар, мировую симпатию. Согласно ему, человек двойствен благодаря своим звериным инстинктам и главным стремлениям; «жить в соответствии с природой» — значит ставить эти стремления над инстинктами. Как моралист, он много размышлял над добродетелями, отказываясь от большинства парадоксов стоиков. Вполне понятно то глубокое влияние, которое оказал этот гуманист на многие умы, влияние, длившееся довольно долго, поскольку под него подпал и Цицерон.

Посидоний, учившийся у Панетия в Афинах, основал на Родосе школу стоиков, получил там гражданство и выполнял магистратуры. Он был отправлен послом в Рим с целью получения помощи для борьбы с Митридатом. Там Посидоний сблизился с Помпеем, впоследствии неоднократно посещавшим его на Родосе, и учителем Цицерона. Будучи неутомимым путешественником, философ объездил Испанию и Галлию, о которых оставил ценные записи.

Как и Аристотель, Посидоний был чрезвычайно разносторонним ученым, накопившим массу сведений по различным областям науки. Он первый объяснил причину приливов и сконструировал планетарий, которым восхищался Цицерон. Как историк, он продолжил повествование Полибия от 145 г. до н. э., доведя его до 86 г. до н. э. Очень способный математик, Посидоний пытался доказать, что геометрия — это часть физики. Всеобъемлющий ум ученого пытался синтезировать все науки под углом зрения стоицизма.

Труды Посидония настолько плохо сохранились, что его интерпретировали в самых различных направлениях. Ему приписывали мистическую эсхатологию, которую он

якобы позаимствовал у неопифагорейцев. Синтез стоицизма и пифагореизма, который он якобы выработал, пытались найти и в «Сне Сципиона» Цицерона, и в эсхатологических мифах шестой книги «Энеиды», и в трактатах Плутарха «О лице, которое мы видим на Луне». Эта теория не подтверждается сохранившимися фрагментами. Правильнее искать глубину его мыслей в мировой симпатии, столь дорогой ранним стоикам. Мировая симпатия позволяла ему допускать влияние звезд на земной феномен приливов и признавать за пророчеством исключительное влияние. По этим двум пунктам он полностью разошелся с Панетием и предвосхитил тех, кто в последующие века будет проповедовать единство Космоса.

Эволюция, пройденная Средней Стоей, — лучший признак жизнеспособности учения, этика которого представляла собой, очевидно, одно из прекраснейших созданий человеческого разума в античную эпоху. И не надо удивляться тому, что ею вдохновлялись такие великие личности, как спартанский царь Клеомен и Тиберий Грахх. Влияние стоической этики в Риме было значительным уже в республиканский период, так как она побуждала к действию и оправдывала политику традиционной аристократии. Последние столпы республики Марк Брут и Катон Утический были среди самых знаменитых ее сторонников. Новая Стоя в эпоху Империи дала элите духовную опору. Она помогала умирать жертвам тиранов, таким, как Сенека. Во II в. н. э., исповедуемая и рабом Эпиктетом, и императором Марком Аврелием, она становится чем-то вроде государственной философии. Стоическая этика вдохновляла филантропические порывы наиболее мудрых правителей и показывала идеал душам избранных, испытывавших отвращение к царившей вокруг коррупции и не желавших поддаваться фальшивым удобствам различных восточных мистических культов.

Новый тип человека — мудрец

Для этого смутного периода характерно то, что самые крупные философы пытаются создать теорию счастья. Но счастье возможно лишь при безразличии души, которая через аскезу отрывается от суеты мира. Ситуация здесь такая же, как во времена кризиса III и V вв. н. э., когда мистический порыв неоплатонизма сулил посвящен-

тому приобщение к блаженству ухода от действительности.

Таким образом, вырисовывался новый идеал. Героя древнейших времен, гражданина классической эпохи сменил мудрец. В этой концепции есть элемент смирения, бегство от действительности, которую необходимо покорять, ибо переносить ее невозможно; однако сколько величия, сколько благородства в этом взлете, дававшем так много власти душе! Спасение, которого искали религии, достигается в борьбе. Эллинизм окончательно склоняется к индивидуализму, так как только сознание противостоит судьбе, хотя и не оставляет надежды на преобразование общественных отношений, в частности с помощью стойков, великих советников правителей. В этом филантропическом, в буквальном смысле слова, порыве мыслители эллинистической эпохи не забывали, что все люди братья.

Конечное сходство атараксии и апатии, достигнутое в корне противоположными путями, не может не поражать историка. Мы уже отмечали похожесть этих состояний безмятежного спокойствия с нирваной индийской философии. Это, очевидно, больше, чем случайное совпадение: не без причины один и тот же тип мудрости расцветает и в Восточном Средиземноморье, и на Индо-Гангской равнине, в районах, между которыми продолжали устанавливаться плодотворные контакты.

АПОГЕЙ РАЗВИТИЯ ГРЕЧЕСКОЙ НАУКИ

Наука в эллинистическое время становится полностью независимой от философии. Возобладала тенденция к образованию отдельных научных дисциплин, и больше уже ни один ученый не мог, как Аристотель, охватить почти весь объем знаний человечества.

Среди благоприятных условий, объяснявших значительное развитие науки, нужно назвать меценатство, создававшее настоящие исследовательские институты, такие, например, как Мусей в Александрии с его анатомическими театрами, обсерваториями, зоопарками и ботаническими садами. Расширение границ знакомого мира также играло свою роль — и не только в познании ойкумены, но и в математической географии: данные о протяженности Египта позволяли измерить земной меридиан.

Математические исследования

Математика сохранила свое первенство среди наук, ее прогресс несомненен. При этом она все более и более служила познанию мира.

Евклид, приглашенный в Александрию Птолемеем I Сотером, составил там около 300 г. до н. э. 15 книг своих «Начал». Он систематизировал все сделанные до него исследования, к которым добавил и свои собственные (в частности, дал определение пятого постулата, сохранившего его имя). Евклид пользуется систематическим подходом, переходя от простого к сложному через долгую череду доказательств, базирующихся на основополагающих принципах. Историческое значение труда Евклида не следует недооценивать, ибо он представлял собой основу всех человеческих знаний в этой области до недавнего открытия новой математики.

Аполлоний из Перга (262—200) около 200 г. до н. э. преподавал в Александрии и Пергаме и заслужил прозвище «великого геометра». Его работы касаются в основном определения значения числа «пи» и конических сечений, которым он первый дал рациональное определение.

Архимед Сиракузский (287—212) также интересуется математикой, и в частности числом «пи» (величину которого он определил как 3,1416), сферой, доказав, что ее объем равен трети объема описанного цилиндра, цилиндром и коническими сечениями; он является основателем рациональной механики и гидростатики. Но наряду с этой великолепной теоретической работой Архимед проявляет свой гений в области практической механики, изобретая рычаг, механические игрушки, осадные машины; его имя звучит в названии винта, приспособленного в Египте для нужд искусственного орошения. Всем этим он демонстрирует новую склонность к изобретательству, проявившуюся в Александрии у целой плеяды замечательных инженеров, один из которых, Сострат Книдский, был архитектором Александрийского маяка.

Прогресс в области математики используется и в астрономии. Расширение пределов известного мира пробудило интерес к земле, ее форме, месту во вселенной, движению. Эратосфен из Кирены (библиотекарь в Александрии при Птолемеи Эвергете) создал научную географию. Он вычислил длину земного меридиана довольно простым способом. Сиена и Александрия находятся при-

мерно на одном меридиане, в день летнего солнцестояния в Сиене, расположенной на тропике, солнечные лучи падают отвесно, тогда как в Александрии они образуют с вертикалью угол в 7° . Зная расстояние между обоими городами, он вычислил длину меридиана — 252 000 стадий (39 690 километров), результат, точность которого восхищает. Он также составил карты земной поверхности с долготами и широтами; приняв Родос за центр своих координат, он вычислил долготы по разнице во времени, а широты — по отклонению солнца от вертикали в день солнцестояния.

Эратосфен также создал научную хронологию, установив даты со времени взятия Трои до смерти Александра.

Аристарх Самосский (начало III в. до н. э.) определил размеры Солнца и Луны и расстояние к ним от Земли. Но по-настоящему прославился он тем, что отстаивал теорию неподвижности Солнца и вращения Земли вокруг него. Хотя он и предусматривал для Земли, Луны и других планет круговые орбиты (греческая философия рассматривает окружность как единственную совершенную кривую), его можно считать первым предшественником Коперника (гелиоцентрическая теория была развита Селевком из Вавилона).

Эта гипотеза произвела настоящий скандал, и самый великий из ее приверженцев Гиппарх Никейский умудрился «сохранить видимость» и улучшить геоцентрическую систему, усовершенствовав теорию эксцентриков и эпициклов.

Сущность последней, очень сложной теории состоит в том, что звезды вращаются не собственно вокруг Земли, а вокруг некоей точки, которая, в свою очередь, вращается вокруг Земли, — это позволяло объяснить видимую нерегулярность в движении планет, их остановки, обратное движение. Одаренный наблюдатель, он в своей обсерватории на Родосе составляет карту небесного свода, на которой отмечает более 800 неподвижных звезд, и, сравнив свои результаты с результатами халдеев, открывает прецессию равноденствий. Он вычисляет с большой точностью наклонение эклиптики, расстояние до Луны (с ошибкой менее 5%), продолжительность солнечного года (365 дней 5 часов 55 минут — правильный результат — 48 минут). В то же время он закладывает основы тригонометрии, в частности разделив окружность на 360° , подразделенных, в свою очередь, на минуты и секунды.

Посидоний Апамейский, великий философ-стоик, так же имел склонность к научным исследованиям. Он интересовался измерениями (длиной меридиана, толщины атмосферного слоя, расстоянием до звезд) и высказал идею, что приливы вызываются лунным притяжением.

Биология и медицина

Науки о живых организмах в эпоху эллинизма расцвели не менее пышно, обязанные этим страсти к точным наблюдениям, унаследованной от Аристотеля, а также достижениям медицины. Александрия является местопребыванием самой знаменитой школы естественных знаний. Именно здесь начали препарировать трупы: практика мумифицирования, как это ни парадоксально, сделала почитание человеческих останков менее всеобъемлющим, чем в Греции. Но Кос, родина Гиппократов, издавна известный своим Асклепеевым храмом, сохраняет былую славу, так же как и Книд. В основном во всех святилищах Асклепия (в частности, в Эпидавре и Пергаме) на смену чудесам наступало выздоровление пациентов вследствие лечения.

Наиболее прославлены имена двух современников, родившихся в конце IV в. до н. э. Герофил из Халкедона был одним из пионеров в анатомии. Он открыл нервную систему и объяснил общие принципы ее функционирования, раскрыл роль спинного и головного мозга, изучил глаз и зрительный нерв, разработал диагностику по пульсу. Эрасистрат из Кеоса был подлинным основателем физиологии. Он специализировался в изучении кровообращения, интуитивно открыл роль капиллярных сосудов. Несмотря на то что Эрасистрат считал, что в артериях содержится воздух и только по венам проходит кровь, его открытия останутся непревзойденными вплоть до Гарвея.

Врач остался одним из самых благородных социальных типов греческого мира. Почти не испытывая влияния Востока, он практиковал светскую, научную медицину, истоком которой были великие философские системы Греции. Его деятельность представляла собой нечто гораздо большее, чем просто механика врачевания: он обладал моральным авторитетом, от него ждали и психологической помощи. При царском дворе, в частности при

дворе Птолемея, у врачей был ни с чем не сравнимый престиж.

У науки эллинистической поры были границы, о которых нельзя не упомянуть. Несмотря на то что математика проникала в новые области, еще не существовало связанной системы обозначения чисел. Единицы, десятки, сотни продолжали обозначать буквами греческого алфавита. Это была система, удовлетворявшая требованиям торговли, но не науки. Только Диофант в III в. н. э. обозначил самые элементарные начала алгебры. Кроме того, отсутствие инструментов наблюдения очень сказывалось на развитии естественных наук. Тем не менее успехи эпохи эллинизма поражают. «Тот, кто понимает Архимеда и Аполлония,— говорил Лейбниц,— меньше восхищается современными учеными». Этот расцвет был тем более замечателен, что знаменовал собой конец античной науки. Римляне в этой области так никогда и не смогли сравняться с греками, и человечество вплоть до открытий эпохи Возрождения будет жить за счет научного капитала, накопленного в Александрии, на Родосе и в Пергаме.

ИСКУССТВО

Если философия и наука увлекают нас в «безмятежные храмы», доступ в которые открыт только посвященным, то искусство возвращает нас в повседневность. Действительно, ни одна эпоха не была столь требовательной к художникам в искусстве украшения быденной жизни. Объем художественной продукции был колоссальным. Велось лихорадочное строительство. Благодаря раскопкам открыты тысячи статуй и статуэток, предназначенных для декора зданий. Никогда прежде не трудилось столько архитекторов, скульпторов, художников. Это происходило потому, что, во-первых, эллинистический мир процветал и правители считали своим долгом окружать себя людьми, способными прославить их столицы и дворцы; во-вторых, потому, что многочисленная и богатая «буржуазия» покровительствовала искусству и литературе и в ее среде традиции «эвергетов» («благодетелей») получали столь же широкое развитие, что и при дворе.

Искусство приобрело более светский характер, так как самыми крупными заказчиками были цари и богатые слои городов. При этом, конечно, религиозная архитек-

тура и скульптура не исчезли: ведь греческий полис не мог обходиться без святилища. Но, за редким исключением, истинная вера в богов здесь ни при чем. Храмы почти никогда не обновлялись, строили их, используя традиционные образцы. В скульптуре боги изображались как люди, и жанровые сцены часто заменяли религиозные рельефы. К тому же возводилось очень много гражданских зданий, они строились в прекрасных, рационально спланированных городах. Дворцы и частные дома соперничали в роскоши и удобстве.

Влияние Востока почти не чувствовалось. Искусство коренного населения пришло в упадок, не дало ничего нового и приобрело тенденцию следовать греческим образцам. Эллинизм царил везде, и, несмотря на явные различия между школами, этот процесс можно охарактеризовать как выработку единого художественного языка.

Жилища богов и людей

В религиозной архитектуре, жанре, которому отдавало предпочтение искусство классической эпохи, было мало нового. Работы на афинском Олимпейоне, заброшенные после падения Писистратидов, возобновились благодаря субсидиям Антиоха IV, но они велись со значительными изменениями: здесь впервые в большом храме был применен коринфский ордер. Однако работы вновь прервались, и строительство колоссального здания будет завершено только при Адриане.

Много новых храмов строилось по традиционным нормам. Дорический ордер использовался все меньше и меньше. Тем не менее в Пергаме мы находим его неплохие образцы (храмы Геры Басилеи и Афины Полии), облегченные под влиянием ионического ордера: более легкие колонны, более многочисленные метопы и триглыфы (три метопы между колоннами вместо двух), упрощенный, без опистодома план.

Ионический ордер приобрел наибольшее распространение, в частности, в Анатолии, где архитекторы старались находить математические соответствия между различными элементами в традициях Пифея (архитектор IV в. до н. э., построивший храм Афины Полии в Приене). Задуманный при Александре, но законченный только во II в. до н. э., он был воплощением канона пропорций, которому Пифей посвятил книгу. В этом храме все эле-

менты кратны стороне цоколя, несущего колонны перистила). В начале II в. до н. э. Гермоген, автор трактата о пропорциях, возводит храм Диониса на Теосе и храм Артемиды Левкофриены в Магнесии на реке Меандр. (Левкофриена — букв. «белобровая».) Этот храм Артемиды (31X58 метров) покоился на высоком основании из 7 ступеней (в классическом храме их только три). Он был окружен двумя рядами колонн.

Продолжалась начатая в IV в. до н. э. реконструкция крупных ионических храмов Анатолии (Артемиды в Эфесе и Кибелы в Сардах). Единственное сооружение, заложенное в начале III в. до н. э., выбивается из общего ряда — это Дидимейон (оракульный храм Аполлона в Дидимах около Милета), наконец перестроенный после пожара в начале V в. до н. э. Это гигантское здание (116X52 метра), окруженное перистасисом из двух рядов колонн по длинным сторонам и из трех по фасаду (всего 120 колонн), представляло собой настоящий мраморный лес в традициях величественных построек азиатской архаики. У него очень любопытный план: за пронаосом из 12 колонн следует притвор, служивший залом для оракулов, сообщавшийся с ним только балконом, откуда, возможно, провозглашали пророчества. В широкий центральный двор, расположенный на 5 метров ниже уровня пронаоса, доступ с одной стороны — из притвора по большой монументальной деснице, с другой стороны — из пронаоса по двум туннелям, проходившим с двух сторон лестницы. Этот двор под открытым небом соответствовал наосу канонического храма, но размеры (или, может быть, религиозные мотивы) помешали его перекрытию. В глубине двора находился маленький ионический храм протил; тетрастиль расположен рядом со священным источником, с которым связан оракул. В нем хранилась архаическая статуя Аполлона Канаха, которая была похищена Ксерксом и возвращена из Экбатаны Селевком. Трудно вообразить причины, вызвавшие постройку столь оригинального храма: нужды культа или необходимость обновления? Украшения сделаны в ионической традиции с подавляющей роскошью.

Тяга к колоссальному, которая часто отличает постройки эллинистического периода, обнаруживается в строительстве монументальных алтарей — алтаря Гиерона II в Сиракузах длиной в одну стадию; большого алтаря Зевса и Афины на акрополе в Пергаме (размеры цоколя 36X34X5,6 метра), известного в основном благо-

даря своему скульптурному убранству; алтаря Афины в Приене (13X7 метров), который испытал влияние пергамского алтаря.

К этим постройкам, возведенным в соответствии с греческими традициями, добавились местные храмы, которые владельцы строили или реставрировали, желая завоевать симпатии жречества и народных масс. Особенно известны египетские храмы, где местная религия получила значительную поддержку. Назовем храмы, построенные Птолемеями: в Филе — храм Исиды (Птолемей II); в Эдфу — храм Хора (Птолемей III, закончен в I в. до н. э.); в Эсне — храм Хнума-Ра (Птолемей VI); в Ком-Омбо — храм бога-крокодила Себека (Птолемей VI); в Ком-Омбо — храм бога-сокола Гарвериса (Птолемей VI); в Дендере — храм Хатхор (последние Птолемеи).

План постройки остается чисто египетским: пилоны, двор с портиком, пронаос, зал гипостиля, святилище, окруженные приделами. Но и здесь начинает проявляться организующая тенденция: каждую часть заключают в свою ограду, и в результате храмовый комплекс представляет собой ряд огороженных территорий, одна в другой. Можно отметить поиск более тщательных пропорций и чистоты линий. Появляется и вскоре становится единственным новый ордер — композитный, очевидно происходящий от коринфского; растительные орнаменты располагаются уже ярусами. В целом нельзя отрицать, что греческая архитектура оказала определенное влияние на эти пышные постройки.

Развитие архитектуры гораздо ярче проявилось в строительстве жилищ, которые стали просторнее, пышнее, удобнее. Изменения в этой области, начавшиеся в IV в. до н. э., углубились. Теперь человек, превратившийся из гражданина полиса в частное лицо, уже не проводит свое время в обсуждениях на агоре и в народном собрании, а начинает все больше и больше интересоваться своим домом.

Конечно, продолжали существовать и многочисленные трущобы. В Александрии, например, бедняки теснились в многоэтажных (как минимум в четыре этажа) доходных домах, предшественниках инсул императорского Рима. Так или иначе, появление зажиточной «буржуазии» ведет за собой усиление строительства, как об этом свидетельствуют раскопки в Приене и особенно на Делосе. Эти раскопки дополняют друг друга, так как архитек-

Рассчитанный успех: город

тура жилых зданий гораздо богаче на Делосе, чем в Приене. Некоторые письменные свидетельства также позволяют представить себе характер жилищ: согласно архиву Зенона, вилла гиподийкета Диотима на дарственной земле Фаюма была сделана из местного материала (высушенного на солнце кирпича), но расписана художниками из Александрии.

В Приене большой зал с вестибюлем, украшенным колоннами, залы поменьше и портик группируются вокруг двора. По обеим сторонам главных улиц оставлены участки земли, поделенные между отдельными магазинчиками.

На острове Аполлона, ставшего теперь одним из крупнейших центров средиземноморской торговли, раскопки раскрыли как небольшие, пристроенные один к другому дома, так и великолепные жилища, занимающие целый квартал. Последние особенно многочисленны в районе театра. В них за единственным входом открывается вестибюль. Дом располагается вокруг центрального дворика, чаще всего окруженного перистилем (северный фасад портика может быть более высоким, в таком случае он называется родосским), куда входят гостиные (в частности, ойкос*) и жилые комнаты. В центре — покрытая мозаикой цистерна для сбора воды, как нигде необходимой на этом безводном острове. План дома неоригинален и является как бы продолжением уже существовавших, новое — лишь обилие и пышность декора. В главных комнатах пол покрыт высокохудожественными многоцветными мозаиками, самая замечательная из которых — «Дионис, потрясающий тирсом». Стены оштукатурены, и яркая окраска обрамляет поясные карнизы с изображенными на них сценами. Статуи и статуэтки оживляют двор и жилые комнаты, как, например, в «доме Гермеса», величественном здании в несколько этажей с двумя, расположенными друг над другом перистилиями. В нем архитектурное убранство, как было задумано, зависит от скульптурного. Мраморные столы и кресла гармонично украшают интерьер. Становится понятным, почему итальяским купцам, обосновавшимся на Делосе, нравилось жить в этих уютных и в то же время просторных, полных воздуха домах и почему вскоре похожие дома, где перистиль повторяет древний атриум, начинают строить сначала в Кампании, а затем в Риме.

* Главная комната, расположенная чаще всего с северной стороны перистиля, с окнами, выходящими на юг.

При рассмотрении городского ансамбля мы также наблюдаем явный прогресс. Очень редко развитие города происходило само по себе; по-видимому, так было на Делосе, где дома нагромождены один на другой самым удивительным образом. Планомерное градостроительство в эпоху эллинизма стало правилом, причем неважно, застраивалось ли, как в Милете или Пирее, давно очерченное городское пространство, или создавался город на пустом месте, как в новых агломерациях. Города, возникавшие в то время во всему Востоку, строились чаще всего по Гипподамовой системе (что было характерно для маленьких городов, таких, как Филадельфия в Фаюме). Александрия и Антиохия представляют собой великолепные примеры реализации этой системы, отвечающей законам как эстетики, так и удобства. Пергам же со своим очень высоким акрополем давал архитекторам Атталидов возможность проявить себя совершенно иначе в постройке города, которая длилась больше века (наиболее активно при Аттале I Сотере и Эвмене II Сотере). Пергам представляет собой как бы соединение трех городов (каждый со своим храмом), расположенных один над другим, цепляющихся за террасы, соединенные извилистой дорогой и гигантскими лестницами, как будто необычайные театральные декорации, подвешенные к крутому склону холма, господствующего над равниной.

Так или иначе, сделанные ли по Гипподамовой системе или нет, планы эллинистических городов свидетельствуют о большей тонкости замысла, чем это может показаться на первый взгляд. Приспособление к окружающему пейзажу (из которого Пергам черпает свою могучую красоту) столь же обязательный закон и для равнинных городов, таких, как Александрия. В Александрии все располагается вокруг порта: в этом тесном союзе воды и построек художники и мозаисты неустанно будут черпать вдохновение.

Эллинистические города отнюдь не были монотонными, как можно было бы думать о городах с продуманной планировкой. И если в них уже не присутствовала хаотическая свобода старых времен, зато были великолепные здания, удивлявшие и потрясавшие своим величием и красотой. Над Александрией возвышается Маяк, одно из семи чудес света, построенный в форме параллелепипеда, восьмиугольника и цилиндра, поставленных один

на другой. В городе были также воздвигнуты палатка-павильон Птолемея Филадельфа и таламег (дом-корабль) Птолемея Филопатора. Пергам демонстрирует огромный алтарь Зевса и Афины, уникальный как по размерам, так и по красоте жертвенник, достойный величайшего из богов и его любимой дочери. В конце эллинистического периода улицы, в частности в Сирии и Анатолии, строились уже более широкими и с колоннадами.

Градостроители, планировавшие эти пространства, организованные в камне, всегда стремились воплотить в них и математический расчет, и театральную фантазию, но при этом не забывали практические нужды. Так, по надписям нам известен ряд предписаний городских властей, регламентирующих ширину улиц или расстояние между домами. Вода, подводившаяся по акведукам, распределялась, не играя тем не менее такой важной роли, как позже в римских городах. Выла организована специальная служба для удаления отходов.

Особое развитие в эпоху эллинизма получило строительство общественных зданий. Залы заседаний совета чаще всего повторяли план мегалопольского терсиллиона (зал собрания Десяти тысяч, построенный в IV в. до н. э. для Аркадского совета в Лутрии, см. [http://www.ancientgreece.com/wiki/index.php/Archaeology_of_the_Arcadian_Council_of_Ten_Thousand](#)). Квадратный в плане, он выходит на большой портик агоры; с трех сторон вокруг алтаря в нем амфитеатром устроены сиденья; колонны, расположенные по диагоналям, поддерживают выступающие балки. Та же строгость и в несколько более поздних бульвариях Милета и Ассоса.

Ослабление политической жизни объясняет то, что самые прекрасные здания предназначены были для удовольствия и удобства жителей. Особую склонность архитекторы проявляли к портикам, которые придавали монументальность городскому ансамблю, укрывали от солнца и дождя как бездельника, так и философа. Римляне быстро позаимствуют этот тип конструкции, внося в него некоторые изменения.

Портик часто использовался изолированно, чтобы придать святилищу более грандиозное обрамление (портик Антигона Гоната и Филиппа V на Делосе) или чтобы подчеркнуть ранее существовавший городской пейзаж (портик Эвмена у южного подножия афинского Акрополя, ведущий к храмам Асклепия и Диониса). Чаще всего он возводился по краям агоры и служил для ограничения и упорядочения застройки. Агора, являвшаяся до

сих пор просто рыночной площадью, отныне по примеру Милета становится прямоугольной, ограниченной портиком. На Делосе существовало несколько агор около порта, где была сконцентрирована жизнь торгового острова. В Коринфе, Фасосе, Магнесии-на-Меандре имелись свои агоры, обширные и гармоничные. Афинская агора, самая замечательная из них, была окружена тремя новыми портиками — Средним, Южным и Восточным (последний — дар Аттала II).

Более гуманная цивилизация множила общественные здания, служившие развлечению. Повсюду на склонах холмов возникали каменные театры. Из эллинистических театров наиболее значительны театры в Дельфах, Додоне, Оропе, на Делосе в Греции, в Приене и Пергаме в Анатолии, в Сиракузах (перестроен Гиероном II) и в Эгесте на Сицилии. Математические исследования исправили оптические иллюзии, превратив театры в научно выстроенные композиции, гармонично вписанные в ландшафт. Значительные модификации, внесенные в их план, позволили сделать настоящие, постоянно действующие сцены. Раньше актеры располагались на деревянном возвышении перед выступлением, играли роль задника, теперь они поднимались на проскений. Это изменение особенно было заметно в театре Приены (его можно отнести к 150 г. до н. э.).

Гимнасии, палестры*, стадионы свидетельствуют о повсеместной (даже в маленьких городах) любви к физическим упражнениям — основе свободного воспитания. Гимнасий, где регулярно собиралась молодежь, становился также университетским центром города. Учителя в гимнасии преподавали литературу, науки, философию, музыку, здесь же выступали приезжие декламаторы. Эта функция была зафиксирована в надписях начиная с III в. до н. э., и на протяжении всего этого века в Афинах грамматика, риторы или софисты обыкновенно назначали встречи в гимнасии. Новым нуждам отвечали новые помещения — комнаты для занятий (акротерии) и библиотеки; вокруг них разбивались сады для прогулок философов. Чтобы насладиться беседой, в эти святилища

* Палестра - здание для тренировок борцов. Хорошо известны эллинистические палестры на Делосе и в Олимпии. Последняя (конец III в. до н. э.) послужила моделью для описания канонической палестры Витрувием: в центральный двор, окаймленный портиком, выходят различные помещения - раздевалки, залы для омовения, бани, кстати очень простые.

тела и духа, находившиеся под особым покровительством бога Гермеса и любимого греческого героя Геракла, приходила не только молодежь, но и взрослые. Гимнасии все более и более вписывались в городской ансамбль, и если раньше их строили за пределами города, то теперь они часто соседствовали с агорой.

Развитие крупной торговли влияло на характер новых строений, с которыми мы хорошо знакомы благодаря раскопкам на Делосе. С III в. до н. э. был возведен большой гипостиль по плану (несомненно, восточного происхождения), уже известному грекам (телестерион в Элевсине и терсилион в Мегалополе). Лучше всего его сравнить с торговой биржей (зал с пятью рядами колонн по девять в каждом ряду, дорических с внешней стороны, ионических — с внутренней. Балки, не скрытые потолком; в центре помещения — световое отверстие). Кроме того, братства иностранных торговцев устраивали там в конце II в. до н. э. обширные склады с пышными парадными комнатами и маленькими храмами; их можно назвать настоящими «караван-сараями». Коллегия почитателей Посейдона из Берита владела там особенно роскошным зданием рядом со священным озером. В нем были открыты замечательные статуи (группа Афродиты, Пана и Эрота). Итальянские купцы имели свою агору, окруженную лавками и конторами, — прообраз «площади корпораций» Остии императорского времени.

Ничто так ярко не свидетельствует о процветании греческого мира и о досуге его жителей, как эти гармоничные города, где все дышало порядком и красотой — на агоре, в театре, в палестре и даже в самых утилитарных постройках. И надо ли добавлять, что города украшались огромным, поражающим воображение количеством произведений искусства. Когда Филипп V взял Терм, центр Этолийского союза (но весьма скромный город), Полибий насчитал в нем 2000 статуй! Как и в предыдущие эпохи, грек не представлял себе архитектурных сооружений без скульптурного убранства.

Патетика и реализм в скульптуре

В истории мало можно назвать периодов, когда бы так любили статуи и барельефы, как их любили в эллинистическую эпоху. Конечно, не все они были высокого качества: увеличение спроса неизбежно сопровождается неко-

торой деградацией искусства. Тем не менее скульптура осталась живым искусством, которое не ограничилось продолжением старых традиций и неустанным копированием шедевров классической эпохи. Она создавала оригинальные произведения в новых художественных центрах, пришедших на смену традиционным (в частности, Афинам, потерявшим свои позиции во многих областях).

В самом искусстве, судя по всему, торжествовали две тенденции, заимствованные у поздней классики. С одной стороны, во всех изображениях присутствовала патетика; скульптура, кажется, заняла место трагедии, чтобы внушать душам ужас и жалость. Скульпторы любили кровавые сцены, источниками которых были как страшные кары из мифов, так и современная история. Тела свивались в конвульсиях, лица, искаженные страданием, выражали проклятие человеческого существования. Этот яростный романтизм появился в Пергаме, а также на Родосе и продолжал традиции искусства Скопаса, крайности которого еще более обострились.

С другой стороны, художники проявляли ту же остроту наблюдательности, что биологи и поэты этой же эпохи. Реалистический подход усилился прежде всего в портрете, жанре, особенно распространившемся с развитием индивидуализма и культа царей. Реалистический подход проявился в интересе скорее к натуралистическому, чем реалистическому, к самому обычному. Ярчайший пример — «Пьяная старуха» (шедевр Мирона из Фив): дряхлая пьяница с иссохшей грудью, держащая в руке кубок, или «Рыбак» — несчастный, с жалким лицом и торчащими ребрами человек. Скульпторы больше не пренебрегали такими категориями, как детство, старость, физические уродства, бедность — все, что обходило классическое искусство, проникнутое стремлением к идеальной красоте. Появился стиль, напоминавший барокко, в частности в мелкой, комнатной пластике или рельефах, называемых «живописными» (их слишком быстро определили как «александрийские», но они были распространены и на территории Азии).

Традиции греческой скульптуры

В скульптуре самой Греции в эпоху эллинизма нововведений почти не было, здесь удовлетворялись разработкой многовековых скульптурных традиций, богатых многочисленными шедеврами.

Скульпторы чаще всего подражали великим мастерам поздней классики, не всегда понимая их идеи. Охотно разрабатывались темы, близкие искусству Праксителя и его сыновей, способствовавших сохранению наследия великого мастера. Это прелестные юноши, вяло облокотившиеся на опору, бесчисленные повторения сатиров с флейтами, эроты, юные, прекрасные женщины. Черты, наиболее характерные для мастера, утрируются: мягкость полутонов с едва уловимыми переходами (сфуматто), проработка лица, особенная тщательность в передаче волос. Столь продолжительный успех Праксителя не случаен. Его чарующее искусство, духовную ценность которого все больше и больше забывают, соответствовало стремлению к изящному, столь распространенному во всем эллинистическом мире. Не случайно было отмечено, что Сатир близок некоторым образам идиллий Феокрита.

Мастеру «печального» реализма Скопасу, прежде чем он нашел в скульпторах Пергама своих прямых наследников, широко подражали в самой Греции. В доказательство можно привести многочисленных «умирающих Александров» с патетическим выражением лица, взглядом, устремленным вверх, будто в экстазе,— все это напоминает головы с фронтонов храма в Тегее. Неизвестный автор «Ники Самофракийской» также был учеником великого паросца, но его стиль более свободен и эклектичен. Изогнувшийся торс, выступающие бедра богини дышат настоящей жизнью, и им как нельзя лучше соответствуют свободные одежды, романтично развеваемые морским ветром. Остается только сожалеть о том, что мы не знаем точно, по случаю какой битвы было создано это произведение: в честь победы Деметрия Полиоркета над Птолемеем при Саламине на Кипре или, что более вероятно, в честь победы Антигона Гоната на Косе?

Лисипп из Сикиона также создал школу. Неизвестный автор «Геракла Фарнезе» сохранил что-то от его манеры, но герой кажется как бы раздавленным своей чудовищной мускулатурой «ярмарочного силача» и уставшим от собственных побед. Самый почитаемый ученик знаменитого сикионца — это Харес из Линда, автор знаменитого «Колосса Родосского», одного из семи чудес света.

Эта грандиозная (высотой 36 метров) статуя Гелиоса, божества-покровителя города, возвышалась у входа в порт Родоса, но вскоре обрушилась при землетрясении.

Постепенно распространялся академизм. Начиная с 150 г. до н. э. неоаттическая школа брала образцы в прошлом, избегая пристального наблюдения за жизнью. Это холодное и чопорное искусство, одержимое яркими успехами скульптуры классической эпохи, подарило миру самые безликие творения, до бесконечности воспроизводя Афины Парфенос и кор Эрехтейона. Оно нашло последователей в Риме, где самым его видным представителем был Паситель (I в. до н. э.), посвятивший пять книг истории скульптуры.

Изображение страсти в скульптуре азиатских школ

Но эллинистическая скульптура не ограничилась этим традиционным, быстро закостеневшим искусством. В Азии и в Александрии появились великие произведения, вдохновленные духом нового.

Азия вновь пребывала в брожении. Из всех многочисленных новаторских мастерских самые значительные находились в Пергаме. Атталиды устроили у себя во дворце музей, в котором собрали даже архаические произведения Бупала и Оната, приблизили к себе великолепных мастеров. Именно при дворе Атталидов возникло искусствоведение как новый вид творчества. По заказу Атталидов были созданы некоторые из самых замечательных творений эпохи.

Аттал I возвел на вершине цитадели около святилища Афины большой жертвенник, чтобы отметить свою победу над галатами, кочевыми племенами галлов, которые пришли в Азию и разоряли ее города. Весь ансамбль сейчас восстановить трудно, но к нему можно отнести некоторые известные фрагменты, а именно: «Умирающего гладиатора» из Капитолия и группу «Аррия и Пет» из собрания Людовизи¹, которая на самом деле изображает умирающего галата и галата, кончающего жизнь самоубийством после убийства своей жены. Для неизвестного скульптора это была прекрасная возможность воспеть славу властителя, продемонстрировав отчаяние побежденных. Лица их выражают ужас поражения и смерти, тела обезображены страшными ранами.

Эвмен II построил большой алтарь Зевса и Афины Никефоры, по основанию которого идет длинный фриз (130 метров) на восточный манер с изображением. «Ги-

гантомахии». (Внутри был другой фриз, менее динамичный, более классический до форме, посвященный Телефу — сыну Геракла и мифическому предку династии.) С одной стороны — гиганты, ужасные львиноголовые или змееногие и крылатые чудовища; с другой — олимпийцы, движения которых сдержанны и величественны. Какая мощь, какой порыв в этой яростной схватке, проникнутой романтизмом, напоминающим беспокойное искусство Рюда! Сколько проникающей в душу экспрессии в лицах чудовищ! Какой реализм даже в мельчайших деталях — шкурах чудовищ, чешуе змей — в деталях, заполняющих все пустоты, как будто художник боялся незаполненного пространства! С некоторой ностальгией вспоминается «Гигантомахия» Парфенона, изваянная тремя веками раньше. Неистовый Скопас довел до апогея беспорядок, вихрь страстей, чтобы лучше выразить горькое варварство конфликта, который потряс вселенную до триумфа богов.

Сила этих творений в том, что авторы осмелились наконец выразить ужас и безнадежность перед лицом смерти или варварства. Вкус к мрачному, болезненному, уродливому, к тому, что отвергает человеческий разум и чувство меры, любованию всем этим дает право рассматривать названные произведения с точки зрения психоанализа. Цели искусства эпохи эллинизма, вероятно, почти не отличались от задач классического искусства, но конвульсии беспокойной эпохи освободили художника от сдержанности и стеснения: жестока, запятнана кровью победа разума. Мир, познавший ужас и миражи, воплотил себя на высоком акрополе Пергама.

На Родосе также существовала блестящая школа скульпторов, которая следовала азиатскому стилю. Продукция ее разнообразна — от тройной «Гекаты» в архаическом стиле до «Нимфы», очень свободно повторяющей одну из самых «модернистских» скульптур — «Афродиту Дойдале». Подлинным шедевром является группа «Лаокоон» (около 50 г. до н. э.), в которой проявился вкус к патетике, очень напоминающий пергамский, но, может быть, несколько смягченный из-за необходимости показать детей, которые, правда, будут задушены ужасными змеями.

Ту же «анатомию страданий» (Ш. Пикар) мы находим в Тралле в огромной группе «Фарнезский бык» (около 100 г. до н. э.). Скульпторы изобразили очень редкий миф о наказании Дирки двумя сыновьями Антиопы. На

вершине скалы юноши готовят казнь Дирки, трепещущее тело которой, привязанное к дикому быку, будет затем брошено в источник. Огромная пирамидальная масса выражает высшую степень взволнованности.

На севере Анатолии работали два великих мастера. Дойдал из Вифинии изваял Афродиту, сидящую на корточках в ванне и поливающую водой свое крепкое тело. Это жанровая сцена, в которой богиня — лишь предлог для демонстрации отважной, виртуозной техники. Боэт из Халкедона дал миру «Мальчика с гусем», вызвав новый интерес к детству.

Сирийская школа осталась более классической. Ее представители любили изображать дородных, с пышными формами натурщиц. Самое характерное произведение этой школы — группа «Афродита, Пан и Эрот», найденная на Делосе в помещении коллегии Посейдониастов из Берита. По словам Ш. Пикара, богиня скорее похожа на смертную толстушку, ее можно бы назвать красоткой с левантской грацией.

Изысканный реализм Александрии

Несмотря на богатство и разнообразие азиатских школ, скульптура птолемеевского Египта легко выдерживала сравнение с ними. Иногда их даже трудно отличить друг от друга. «Галат» из Фаюма очень близок пергамскому «Галату», а дородная александрийская «Афродита» живо напоминает своих сирийских сестер.

Влияние Праксителя чувствуется в Александрии сильнее, чем где бы то ни было. Оно проявляется в основном в бесчисленных женских изображениях, часто имеющих с богиней только общее имя: Афродита Анадиомена («выходящая из воды»), распускающая волосы или завязывающая сандалию, «Афродита целомудренная», кокетливо прикрывающая прелести своего пухлого тела. Одно из самых прекрасных подражаний образцам Праксителя, родом из соседнего с Александрией центра, — «Венера из Кирены» (II в. до н. э.).

Художники увлечены были пристальным наблюдением за действительностью, и мы имеем все основания полагать, что в этом реализме сливаются влияние греческое, восходящее к искусству классики, и влияние египетское, поскольку местные мастера всегда с удовольствием предавались тщательному изучению окружающего

мира. Все чаще и чаще забавные ситуации изображались ради них самих, на смену сценам религиозного характера приходили жанровые сцены, где охотно резвятся милые, толстошечные амурчики с лукавыми лицами и самые обычные животные — так же как в эпиграммах «Антологии». Скульпторы любят изображать различные социальные типы, и перед нами проходит жизнь бедняков — моряков, крестьян, рыбаков, шутов — ценные свидетельства для изучения повседневной жизни. Они не обошли своим вниманием и не совсем обычные этнические типы, которые встречались на улицах космополитической Александрии, — нубийцев, ливийцев и т. д. В живописном рельефе, одном из самых оригинальных созданий александрийского искусства, скульпторы помещали в скромную рамку целый пейзаж — сельский, очень похожий на тот, что воспевался в идиллиях, или городской.

Любовь к жизни во всех ее проявлениях сквозит в жанровых сценах и живописных рельефах. Она видна и в портретах, в основном царских, в самых лучших из них виден результат глубокого психологического анализа. Перед нами замечательные бюсты первых Птолемеев, последняя из цариц — великая Клеопатра с ее орлиным носом и властным профилем под вуалью.

Греко-египетский синкретизм

В то время как греческое искусство Александрии стремилось воплотить жизнь во всей ее неуловимости, традиционное египетское искусство умирало. Скульпторы продолжали работать по канонам времен фараонов, доказательство чему — рельеф «Коронация Птолемея IV Филопатора», на котором властитель изображен в виде фараона в окружении богинь Верхнего и Нижнего Египта. Это было умирающее искусство, в котором условность заменяла непосредственность.

Более притягательным кажется смешанное искусство, появившееся уже в конце IV в. до н. э. в погребальных памятниках Пет-Осириса, египетского жреца, героизированного на греческий манер, барельефы с изображениями которого демонстрируют любопытную смесь местных мотивов и греческих типов. Еще более замечательные произведения дает нам круглая скульптура, Большая голова из зеленого сланца, как полагают Птолемея Эвергета, хранящаяся в Копенгагене, изображает полное лицо

с чертами Аполлона. Другая голова из зеленого сланца, которая находится в Британском музее, под названием «Африканец», — портрет человека ярко выраженного хамитского типа со слегка вьющимися волосами и едва уловимым выражением иронии, жестокости и Таинственности на костлявом лице. Это великолепное произведение, в котором сливаются две техники и, можно добавить, две мудрости.

Мир красок: живопись и мозаика

От художника, как и от скульптора, требуется умение и волновать и зачаровывать одновременно. Живопись периода эллинизма стала лучше известна благодаря открытию нескольких редчайших подлинников — украшений домов на Делосе и стел из музея в Волосе (из некрополя Деметриады, города, основанного Деметрием Полиоркетом в Пагасетическом заливе в 294 г. до н. э.). Мы с ней знакомы в основном благодаря фрескам и мозаикам вилл, в частности в Геркулануме и Помпеях, которые сплошь и рядом копируют шедевры эллинистической живописи (о возникновении греко-кампанской живописи см. ниже).

И снова истоки творческого порыва надо искать вне Греции. Школы Пропонтиды и Азии замечательны своим пафосом. Вот два очень характерных примера. Тимомах из Византии изобразил Медею, в смятении смотрящую на своих детей, которых она вскоре убьет; они же спокойно играют в бабки на алтаре, где будут убиты в присутствии их воспитателя. (Эта композиция, по всей вероятности, была очень популярна. В Геркулануме была найдена копия всей сцены, на копии в Помпеях изображена лишь одна Медея.) Пергамский художник также, хотя и менее грубо, задевает чувства зрителя, рисуя «Телефа с нимфой Аркадией и Гераклом». Взгляд нимфы устремлен вдаль, как будто она предвидит династию, начало которой положит этот ребенок (согласно распространяемой Атталидами версией). Геракл смотрит на Телефа; возле них стоит большая корзина с фруктами, рядом — сатир и юная девушка, все это символизирует аркадский пейзаж.

Для александрийской школы характерны любовные сцены на фоне буколического пейзажа. Среди них наибольшее распространение получает цикл Афродиты. Шаловливые и жестокие амурчики со своими злыми продел-

ками, от которых страдает столько смертных и сами боги, фигурируют в прелестных сценах, таких, как «Находка гнезда амуров» или «Продавщица амуров». Эти произведения чаще всего проникнуты очарованием, хотя временами, подобно современной им поэзии, они опускаются до грубой эротики.

Неоспоримый прогресс живописи был обязан не только обогащению техники (например, появлению новых красок — синей, фиолетовой, пурпурной), но и углублению эмоциональности. Наиболее многочисленными стали идиллические сцены. Чаще всего изображались знаменитые мифологические пары, удобный предлог для нежных пасторалей: нимфа дает напиток жаждущему Сатиру; Афродита кокетничает с Аресом; Артемида нежно берет за подбородок Ипполита, удивленно смотрящего на нее; Дионис созерцает Ариадну, усыпленную Гипносом; Адонис умирает на руках Афродиты.

Пейзаж, служивший обязательным фоном для этих идиллий, иногда выступал и как самостоятельный жанр. Особенно были популярны сады, благоухающие свежестью «райские кущи» с редкими растениями, а также портовые пейзажи, кажется приглашающие в путешествие. Художники любили изображать животных-хищников, а также фантастических чудовищ. Нередко встречаются рыбы или дичь — естественное украшение столовых; вместе с нарисованными корзинами фруктов эти изображения являются первыми натюрмортами в греческом искусстве.

Наряду с подобными полотнами, призванными в основном радовать глаз, существовали и большие фрески со множеством персонажей, человеческая, а часто и религиозная идея которых апеллирует к разуму зрителя. «Свадьба в Альдобрандине», хранящаяся в Ватикане, изображает новобрачную вместе с матерью, служанками, ее подбадривает Афродита и Пейто («Убеждение»). Трудно вообразить себе что-либо более нежное, чем чувства, написанные на лицах, и более светлое, чем колорит картины.

Фрески «Виллы Мистерий» в Помпеях еще более замечательны. Эта композиция времени императора Августа, украшающая, по всей видимости, зал для посвящений, ставит много непростых вопросов: мы видим Диониса, опирающегося на Ариадну, играющего на сириноксе (род флейты) Сатира, Менаду в трансе, юную девушку, принимающую ритуальное бичевание, другую, в ужасе **пря-**

чушую лицо на груди у подруги, и мальчика из хора, читающего священную книгу... Ясен лишь общий смысл: таинства обещают посвященным спасение через любовь к богам. Это произведение заслуживает внимания как своей красотой и техническим совершенством, так и напряженностью религиозного чувства, которое его пронизывает.

Мозаики часто используют мотивы живописных полотен. После первых опытов в IV в. до н. э., когда мозаика делалась из необработанных камней, она очень быстро прогрессировала в выразительности благодаря использованию цветных, специально обточенных камней. Где произошло это изменение — в Александрии или на Сицилии? Об этом продолжают спорить, но ясно одно: бывшее второстепенным искусство выходит на первый план в украшении дворцов и домов.

Во время недавних раскопок дворца македонских царей в Пелле были обнаружены замечательные мозаики (около 300 г. до н. э.) Г изображающие Диониса верхом на леопарде и сцены охоты (вероятно, Кратер, сопровождающий Александра во время охоты на львов).

Великолепная «Битва при Арбеле» из музея в Неаполе копирует, очевидно, картину Филоксена Эретрийского (начало III до н. э.). Художник пытается экспериментировать с перспективой: передает небо, сложные повороты конных фигур... Иссушенное дерево символизирует пейзаж. Сложная, многофигурная композиция уравновешивается тем не менее взволнованным, полным отчаяния жестом Дария.

Мозаики Делоса ценны уже тем, что это подлинные произведения эллинистического искусства, а не их римские копии. Полы комнат богатых жилищ украшены, смотря по назначению комнаты, геометрическим орнаментом, натюрмортами, изображениями животных (чаще всего дельфинов) или мифологическими сценами. Самая знаменитая и удивительная из мозаик — «Дионис, потрясающий тирсом».

Второстепенные виды искусства и предметы роскоши Александрии

Цивилизация проявляла себя не только в крупных произведениях изобразительного искусства, но столь *те* ярко и в изделиях декоративно-прикладного искусства.

Эллинистический период в этой области выделяется совершенно особенным образом.

Керамическое производство находилось в упадке. Сосуды украшались чаще растительным орнаментом, реже — изображениями человеческих фигур. Рисунок делался иногда на светлом (как погребальные гидрии Александрии), иногда на темном, имитирующем металл фоне. Настоящей расписной посуде в повседневной жизни уже не отводилось столь почетное место, как это было в классическую эпоху. Наметилась конкуренция расписной керамики с посудой, украшенной рельефным орнаментом, редко встречавшимся ранее. Это производство быстро развилось в эллинистический период. Дешевые, «мегарские», как их раньше называли, чаши (сейчас известно, что их изготавливали во всем Восточном Средиземноморье) воспроизводят лучшие образцы торевтики. Они появились в Афинах около 250 г. до н. э. Сначала их украшали чисто растительным орнаментом, а затем (начиная с последней четверти века) и изображением фигур. «Мегарские» чаши в большом количестве производились в Афинах примерно до 100 г. до н. э. Уже начиная с III в. до н. э. число центров их производства увеличилось (Пергам, Коринф, Аргос), а с конца II в. до н. э. мастерские возникали даже в Италии, что способствовало появлению *terra sigillata* (рельефная краснолаковая керамика римского времени).

Металлические вазы пользовались, как никогда раньше, большой популярностью. И в Александрии, и в Пергаме торевты работали по золоту, серебру, бронзе. Большинство вещей из знаменитого клада Бертувиль-Берне (в Нормандии) относятся как раз к эллинистической, а не к римской эпохе. На самых лучших из них изображены печаль и смерть Ахилла и трагическая судьба Гектора, тело которого протащили вокруг крепостной стены, а затем повесили. Вазы с подобными патетическими и поучительными сценами были, по всей вероятности, сделаны в Пергаме.

С этими вазами можно сопоставить бронзовые парадные лежа с чеканными спинками, на которых часто изображались дионисийские сцены (мулы, увенчанные виноградными лозами, иногда сам Дионис). Независимо от происхождения их называют «ложами с Делоса» — по крупнейшему центру производства или «ложами Бозта» — по самому знаменитому мастеру, работавшему в Халкедоне.

Многочисленными стали монетные серии, так как каждый правитель желал иметь собственную монету, украшенную собственным изображением. Этот обычай, существовавший уже у некоторых сатрапов и представителей династий Персидской империи, распространился не только в больших и малых царствах эллинистического Востока, но и на Сицилии при Гиероне II, в самой Спарте при Клеомене и Набисе, в Бактрийском и индийских царствах. Эллинистические монеты ценны прежде всего как великолепная галерея портретов, среди которых выделяется толстый евнух Филетер или Тигран Армянский с классическим профилем и богато украшенной диадемой, или правители Понта — Митридат III и особенно Митридат VI Эвпатор, изображенный крайне реалистично. Оставшиеся независимыми полисы также продолжали чеканить свою монету. Монеты Афин все еще многочисленны, но гравировка их небрежна, композиция лишена продуманности.

Терракотовые статуэтки — самый нежный отзвук мира изящества и гармонии. Коропласты Александрии наделили их легким колоритом пастельных тонов. Самый известный центр их производства находился в царстве Атталидов в Мирине. Фигурки, которые там производили, возможно, не столь изысканны, как танагрские статуэтки IV в. до н. э., но разнообразие их неисчерпаемо.

Остается только упомянуть изящные предметы мелкой пластики — изделия из стекла, медальоны из бронзы или гипса, камеи, украшения из золота, горного хрусталя или порфира — словом, «александрийскую роскошь», так как, по всей видимости, именно столица царства Птолемея была центром изготовления этих маленьких шедевров, наделенных тонким вкусом, пышно украшенных и выполненных иногда с мягким, иногда с карикатурным реализмом. Раскопки в Беграме показали, что эти вещи ценились и вдали от средиземноморского мира. Их в изобилии находят даже в Центральном Афганистане.

Что бы там ни говорили, а греческое искусство в эпоху эллинизма отнюдь не возрождается, ибо оно не умирает вовсе. Оно постоянно возобновлялось, развиваясь самыми различными путями. Его характерная черта — выражение сущности человека с его горестями и радостями. Мало найдется чувств, которые бы оно не отразило от пылающей страсти до нежной идиллии. Почти нет сюжетов, к которым оно не обращалось бы: греки и варвары, старики и дети, идеальная красота и уродство.

И, несмотря на то что искусство это было предназначено прежде всего для элиты, часто свое вдохновение оно черпало в мире бедности. Нет стилей, которым бы оно не следовало: от пергамского романтизма до барокко некоторых александрийских рельефов. И всегда оно оставалось греческим, и ничто человеческое ему не было чуждо.

РЕЛИГИОЗНОЕ БРОЖЕНИЕ

Как и в IV в. до н. э., в период эллинизма традиционная религия не исчезла. Панафинейские процессии, как и прежде, поднимались к Акрополю, атлеты мерялись силами на олимпийском ристалище, прорицательницы в Дельфах выдавали туманные предсказания, участники мистерий наводняли притворы храмов Элевсина. Все эти святилища будут посещаться и в период, последующий за эллинистическим, до самого конца античности. Новые постройки добавятся к постройкам предшествующих эпох: в Дельфах — театр (III в. до н. э.), в Олимпии — новые спортивные сооружения (палестра, гимнасий), перестроят стадион. Но истинной веры уже не было, и общественные жертвоприношения стали поводом для пиршеств среди всеобщего ликования.

Скептицизм и религиозное рвение

Полисная религия, угасавшая с внутренним разложением полисов, распадавшаяся с их политическим крушением. Человек уже не мог удовлетворить свои религиозные устремления в рамках полиса, благочестие не могло выражаться в образцовом исполнении гражданского долга. Религия коллектива сменилась религией индивидуальной, что естественно в эпоху индивидуализма.

Этот глубокий кризис породил два противоположных отношения к миру. Многие впадали в скептицизм, который не только развился в некоторых философских школах, но и, судя по всему, получил распространение в народе. Действительно, как было афинянину не усомниться в Афинах после того, как Деметрий Полиоркет объявил себя братом богини и разместил свой гарем в Парфеноне? Евгемер (конец IV в. до н. э.) учил: боги — великие люди древности, обожествленные за оказанные челове-

честву услуги. Эта теория была благосклонно встречена и в самой Греции, и особенно в республиканском Риме.

Новый культ Тюхе (Фортуны) был скрытой формой скептицизма. В сущности, эта богиня представляет собой отрицание божественного провидения и олицетворение беспорядка и тщетности усилий человека, которые, как казалось отныне, направляли человеческие поступки среди хаоса случайных событий. Один из героев комедии Менандра упрекает в легковерии своего собеседника: «Не думаешь ли ты, что боги заняты тем, что карают или спасают по одному миллионы людей? Вот это занятие!»

Мы уже отмечали важность понятия судьбы в «Истории» Полибия, которое, кстати, плохо согласуется с попытками рационального объяснения событий. Любопытно отметить появление настоящей почитаемой богини, влияние которой было широко распространено. Fortuna из италийского святилища в Пренесте не избежала сильного эллинистического влияния. Даже метрополии имели свою Тюхе. Тюхе Антиохийская сохранилась такой, какой вышла из-под резца Евтихида, ученика Лисиппа: величественная и гибкая фигура, нога попирает усмиренный Оронт; голова увенчана короной в виде башен, выражение лица спокойно-серьезное, даже благожелательное, но непроницаемое.

Однако в целом религиозное рвение было значительно сильнее скептицизма. Его можно обнаружить и в некоторых философских системах, таких, как, например, стоицизм. Свидетельство этому — замечательный «Гимн Зевсу» Клеанта из Ассоса. Его хотелось бы процитировать полностью, но приведем здесь хотя бы последние строки: «Зевс, дающий нам все блага, бог черных туч и сверкающей молнии, спаси людей от пагубного невежества. О Отец, освободи от него их души, позволь им обрести мудрость, которой подчиняешься ты и благодаря которой ты правишь всем так мудро».

Рвение это еще сильнее проявлялось в массах, раздавленных социальным кризисом, превратностями бурной истории, оторванных от традиционных верований и не нашедших успокоения на вершинах мудрости. Жажда спасения становилась мучительной. Ее можно было насытить только эмоциональными (экстатическими) культами, которые обеспечивали верующему прямой и личный контакт с избранным божеством.

Самые близкие божества — цари

На первый взгляд царский культ, унаследованный от Александра, не соответствовал новым стремлениям и кажется ловкой махинацией правителей, которые были явно заинтересованы в провозглашении себя богами. Тем не менее в период крушения полисов все надежды, естественно, обратились к этим всемогущим владыкам, благосклонность которых столь высоко ценилась. Гимн, возносимый афинянами по наущению Стратокла в честь Деметрия Полиоркета (290 г. до н. э.), выражает, очевидно, чувства большинства: «Другие боги далеки, или у них нет ушей, или они не существуют, или не обращают никакого внимания на наши нужды; тебя, Деметрий, мы видим здесь во плоти, а не каменного или деревянного». Эта предрасположенность к почитанию властителя затем использовалась монархами, которые были счастливы найти в культе царя гарантию своего могущества и стабильности в государстве, а часто и средство духовного объединения разноплеменного населения своих владений.

Уже отмечалась сложность корней царского культа, в котором соединялись греческие и восточные элементы. В греческих полисах также распространилось подобное поклонение. Так, на Родосе с 305 г. до н. э. божественные почести воздавали Птолемею I. Но именно на Востоке теократические традиции государственности позволяли регулировать и придавать всеобщий характер изолированным, беспорядочным культам. Это требовало введения ряда новшеств, так как государственный культ сильно отличался от местного (городского).

Красноречив пример введения царского культа в Египте. Конечно, там существовала тысячелетняя традиция обожествления фараона, но было необходимо внушить эти верования грекам, представлявшим наиболее подвижную часть населения царства. Птолемею II удалось добиться этого. В Александрии Александра почитали и как бога, и как героя — основателя города. Птолемей II Филадельф присоединил к этому культу культ своего отца Птолемея I Сотера и даже его родителей под именами Сотеров («Спасителей»). Следующий шаг сделан Арсиной II, его сестрой-супругой. При жизни она выступала как Афродита, принимала в своем дворце Адониса и возводила его на свое ложе (см.: *Феокрит*. Сиракузянки). Калликрат почтил ее храмом, построенным неда-

леко от Александрии и посвященным Афродите Зефирите. После смерти муж обожествил ее, что вполне согласуется с его прозвищем — «Филадельф» («Любящий сестру»). Ее культ быстро распространился по городам и, в частности, в Арсиноитском номе (Фаюм), названном ее именем. Центр культа находился в Крокодилополисе, где в качестве спутника Арсиной почитался Адонис, для которого выращивали в «раю» цветы, столь любимые этим молодым богом плодородия. В то же время здравствовавший Птолемей II «присоединил» себя к умершей царице и создал культ богов Адельфов (братьев и сестер). Таким образом хитрый владыка сумел обойти все трудности и еще при жизни получил божеские почести. Его примеру последовали все преемники.

Эпитеты к именам владык характеризовали новое сознание: Сотер (Спаситель), Эвергет (Благодетель), Эпифан (Тот, который является как бог), Теос (Бог). Подданные настолько привыкли к этому странному смешению божественного и царского, что в конце эллинистического периода мы наблюдаем совершенно необычайную попытку Антония и Клеопатры создать обширнейшую теократическую империю. Когда Клеопатра отправилась к Антонию в Тарс, считалось, что это Афродита поехала пировать к Дионису. Триумвир официально принял титул «Новый Дионис» и въехал в Александрию, увенчанный плющом, с тирсом в руке и обутый в котурны, как настоящий Вакх. Накануне поражения даже слышали, как Антония покинул божественный тиас* как бы оставив ему только человеческие способности — ему, в ком бог пребывал в течение многих лет.

Небесные боги

Царский культ, даже если соответствовал народному сознанию, для которого было характерно обожествление сильных личностей, и отвечал политическим интересам властителей, все же не мог удовлетворить религиозные чувства. Необходимы были еще и небесные боги.

Традиционный пантеон

Те из богов, кто был наиболее популярен в IV в. до и. э., и позднее сохранили горячих приверженцев.

* Тиас — свита Диониса или какого-нибудь другого божества.

Взгляды больных обращались к Асклепию: во всех статуях и барельефах того времени проявлялась его благость, он сочувствовал страданиям и обеспечивал выздоровление. На территориях филиалов его святилища в Эпидавре (в частности, на Косе * и в Пергаме) возводятся пышные постройки, свидетельствующие об их богатстве. Эти святилища превращаются в настоящие медицинские школы, тем более что чудеса становились редкими, и теперь бог излечивал чаще благодаря лечению, назначенному врачевателями-жрецами. Таким образом произошла некоторая рационализация культа. Этот процесс получил логическое завершение в римском Эпидавре, ставшем бальнеологическим курортом настолько же, насколько и лечебным священным местом.

Дионис также усилил свое влияние на умы (о дионисийских актерах см. ниже). Делаясь синкретическим богом, он легко присоединялся к другим божествам: к «двум богиням» в Элевсине, к Аполлону в Дельфах и Эфесе, к Кибеле в Азии. Литература и искусство свидетельствуют о глубине дионисийского движения, которое продолжало свои завоевания в Этрурии и даже в Риме. Наградой верующему, полностью отдававшемуся божественному безумию, оставался экстаз, но все большее и большее влияние приобретала теория спасения через любовь. Конечно, не все верующие понимали глубину учения, и многие, очевидно, удовлетворялись доступностью мистицизма с его культом опьянения. Однако достаточно посмотреть на фрески виллы Итем, чтобы понять, что давали adeptам мистерии бога, очаровывавшие душу, как Дионис очаровывал Ариадну, застывшую у него на груди в несказанном блаженстве.

Триумф Востока

Боги Востока притягивали, возможно, экзотикой, а возможно, таинственностью, к которой Греция с 420 г. до н. э. была очень чувствительна. И это обеспечивало им триумф в эллинистическую эпоху, тем более легкий, что греки теперь находились в центрах их культов. Влия-

* Удивляет значительность построек, возведенных в эллинистическую эпоху на Косе в Асклепийоне: ионический храм, лесха (место собраний, что-то наподобие клуба), целая терраса, нависающая над святилищем с дорическим храмом.

ние Передней Азии осталось значительным, в то время как влияние Фракии ослабевало, а Египта усиливалось. Здесь мы намеренно оставляем в стороне буддизм и брахманизм, о которых еще будет случай поговорить (они оказали свое влияние на самую восточную часть греческой диаспоры).

Фригийская Кибела (называемая также Великой матерью или Матерью богов), давно эллинизированная, продолжала завоевывать все больше и больше приверженцев, в частности в Пергаме. Именно туда в дни бедствий римляне придут за «черным камнем», который они торжественно установят в Риме в одном из храмов на Палатинском холме (204 г. до н. э.). Популярность Кибелы достигла самой Александрии: в Каирском музее хранится любопытный документ, свидетельствующий о странном синкретизме, объединяющем древнюю азиатскую богиню Кибелу с критской богиней Реей, сопровождаемой воинственными духами-куретами, а также наделенную некоторыми элементами астрологии, так как в культе Кибелы играли роль и планеты. Новым в культе было то, что все чаще и чаще Аттис появлялся рядом со своей божественной возлюбленной, которой прислуживали евнухи, усердные подражатели бога, в безумии оскотившего себя. Преграды разума и пристойности, которые греческий дух веками ставил метроаттическому культу, пали, и Кибела выступила такой, какой она была во Фригии или на Крите, — разнузданной Великой матерью, предававшейся всем возможным неистовствам. То же можно сказать о сирийских божествах, в частности о Сирийской богине (*Dea Syria*), которую почитали непристойными мистериями, подчеркивавшими ее преимущественно природный характер.

Престиж Египта был еще выше. На греков производили большое впечатление колоссальность храмов и гробниц, духовность, в которой культы, ритуалы и верования образовывали органическое единство, послания бессмертности оптимистической религии. Местные культы еще существовали, о чем свидетельствует один из прекраснейших храмов птолемеевской эпохи — храм в Эдфу: на километрах надписей гиерограммат («священные писцы») собрали и систематизировали всю сумму священных знаний по географии, структуре звездного мира, истории, религиозной службе. Праздники сохранили свою торжественность, шла ли речь о повседневной службе или о таких больших торжествах, как коронация

фараона, победа или «благой союз» (гиерогамия — священный брак — Хора и Хатхор).

Количество храмовых служб впечатляет: регулярные повседневные службы (главная утренняя служба, открывающая наос и будящая бога, другие службы в полдень и вечером для его кормления) и торжественные службы (в начальные дни декад и в дни смены лунных фаз), к которым еще добавляются календарные праздники. Таким образом, надписи «каменной книги» храма Эдфу — это еще и настоящее расписание храмовых служб. В самих Фивах, не игравших теперь никакой политической роли, большие святилища правого берега продолжали свою деятельность и хорошо содержались, несмотря на то что Амон потерял популярность, которая перешла к другому солнечному богу — Монту-Ра, поддерживаемому денежными вкладами властителей.

Почти все египетские боги нашли приверженцев среди греков, которые отождествляли их со своими божествами *, причем иногда весьма странным образом: Хатхор, богиня-корова, становится Афродитой, а Эпет, богиня-гиппопотам, — Деметрой! Важную роль играли Амон **, Анубис и Хор. Но особенно трогала сердца людей Исида часто вместе со своим супругом Осирисом. Ей посвящали обширные и прекрасные святилища, такие, как Исиейон (Бехбет эль-Хаггар) или Филе. Культ ее умеренно мистичен; соединение с богиней достигалось не посредством грубых оргий, а через ежедневные беседы-литургии, а также путем поисков духовного совершенствования. Мы располагаем несколькими копиями (с I в. до н. э. по III в. н. э.) «Гимна Исиде», который восходит, конечно, к эллинистическому периоду и, по всей видимости, написан неким греком из Мемфиса, воспитанным в египетской религии: это нежная литания, едва-едва эллинизированный перевод какого-то местного религиозного текста. В нем верующий выражает свою признательность и преклонение перед той, которой человечество обязано столькими благодеяниями.

* Наиболее часты следующие отождествления: Амон - Зевс, Исида - Деметра, Осирис - Дионис, Хатхор - Афродита, Тот - Гермес, Имхотеп — Асклепий, Хонсу - Геракл. Некоторые из них отмечены уже Геродотом. Но могли быть и другие варианты, например Исида — Афродита.

** Заметим, однако, что в эллинистическую эпоху культ Амона в Египте больше не распространялся.

Даже гораздо более простые формы египетской религиозности, такие, как поклонение животным, имели большой успех у греков. Помимо культа Аписа в Мемфисе хорошо известно греко-римское святилище Тота в Гермуполе, приспособленное специально для выращивания священных животных — с источниками для ибисов, пальмовыми рощами для бабуинов и галереями для захоронения ибисов и бабуинов, должным образом мумифицированных. Многочисленными были и паломники, приходившие поклониться этим животным, которых рассматривали как «великие души богов на земле».

Влияние, оказываемое Египтом на Средиземноморье, очень велико, хотя оно было и не внове: с Геродота, если не с Гомера, греки знали, что Египет — это земля чудес, колыбель мудрости, родина самых древних богов. Из рассказов философов и историков, которые более или менее подпали под влияние египетских учений, они узнали, что Дионис — это Осирис, Деметра — Исида и его египетские святилища полны богов, полулюдей-полуживотных с головами ибиса, сокола, кошки или змеи. Несмотря на все это, проявления египетского культа в греческом мире кажутся очень скромными: небольшие египетские общины принесли в конце IV или начале III в. до н. э. в Пирей, на Делос, в Эрэтрию культ своей богини Исиды. Сначала этот культ, вероятно, отправлялся ограниченным кругом лиц в довольно скромных святилищах.

Тем более удивительным кажется его пышный расцвет во II—I вв. и в императорскую эпоху. Культ Исиды очень быстро распространился в греческой среде и принял официальный характер. В Афинах, на Евбее, в Беотии, на Делосе и Фере, в Фессалии и Македонии, так же как и в некоторых полисах Малой Азии (Смирне, Эфесе, Магнесии на Меандре, в Приене), во II в. до н. э., а иногда и раньше официально утвердился культ египетских богов. Исида — далеко не единственная богиня, которой поклонялись греки, несмотря на то что в некоторых местах она пользовалась наибольшей популярностью; Сарапис, именем которого в Греции часто называют святилища и праздники египетской религии, и бог с головой шакала Анубис, функции которого отождествляются с функциями Гермеса, вместе с Исидой образовали триаду, аналогичную божественным семьям египетских храмов. Бог-ребенок Гарпократ также появляется в греческих надписях-посвящениях, иногда, правда, в ипостаси подоста-Хора и даже в ипостаси Осириса, тождество кото-

рого с Сараписом, по всей видимости, здесь неизвестно. Самые значительные и удивительные остатки их культа сохранились, безусловно, на Делосе. На «террасе иноземных богов» на середине склона Кинфа поднимается величественный ансамбль египетских святилищ: Сарапейон С, Исейон, Анубейон, которые начиная с III в. до н. э. пристраивались, не подавляя их, к двум изначально маленьким храмам — Сарапейону А и Сарапейону В. Многочисленные посвятельные надписи и списки, сделанные около середины II в., демонстрируют набожность верующих, делосцев или иностранцев, приезжавших почти со всего Средиземноморья — от Южной Италии до Сирии. Египетские боги здесь, как и во всех посвященных им святилищах греческого мира, выступают как божества добрые, помогающие, спасающие. К ним взывали, потому что они могли помочь «спасти от большой опасности», особенно на море, или потому, что от них ожидали исцеления. Кроме того, в них видели оракулов, и их пророчества объясняли толкователи снов.

Обладали ли тогда египетские боги могуществом, которое в императорскую эпоху будет настойчиво приписывать им Апулей в «Метаморфозах», могуществом, которое заключалось в том, чтобы путем посвящения освобождать людей от уз Эймармене (Судьбы) и обеспечивать им счастливое бессмертие? Возможно, это так, тем более что в птолемеевском Египте Исида и Сарапис-Осирис явно имели потусторонний характер и оберегали умершего во время полного опасностей путешествия в потусторонний мир. Тем не менее обещание духовного спасения никогда не было ясно выражено в греческих текстах до новой эры, и существование в Греции в эллинистическую эпоху «египетских мистерий» может быть подвергнуто сомнению.

Механизм распространения и развития египетских культов в Восточном Средиземноморье со II в. до н. э. во многих случаях плохо поддается объяснению и интерпретируется по-разному: то как результат прямого вмешательства Птолемеев, поддерживавших распространение их национальной религии в эгейском мире с целью усилить там свое влияние; то как следствие пропагандистского пыла египетских жрецов; то как духовный порыв греков, соблазненных странными ритуалами нового культа, который, эллинизируясь, сохранит тем не менее на греческой почве что-то от своей оригинальности. Во всяком случае, следует признать, что местные боги переживали

в Египте птолемеевского периода пору обновления. Египетское жречество, особенно во II в. до н. э., вновь завоевывает влияние и ведет большую теологическую работу. Кроме того, с начала правления династии Птолемеев в Египте предпринимались попытки слияния египетских, греческих и переднеазиатских богов. Написанные по-гречески гимны Исидора из фаюмского святилища Мадинет-Мади воспевают Исиду как мировую богиню, почитавшуюся всеми народами мира под разными именами. Сила влияния, которым, по всей видимости, обладал в этот период культ Исиды и Сараписа, широко распространенный среди греков в Египте, рвение, которое проявляли ее последователи, — все это, видимо, объясняет ее экспансию и успех в греческом мире.

Пример распространения культа египетских богов на Делосе показывает нам множественность заимствований. Казалось бы, на священном острове, где, по преданию, Латона дала жизнь Аполлону и Артемиде, не должно быть места другим богам. Тем не менее на «террасе иноземных богов» располагались не только святилища Исиды, Сараписа и Анубиса, но и храмы богов, почитавшихся в Гиерополе (в Сирии): Адада и Атаргатис, называвшейся также Афродитой Священной. В их честь был построен театр, закрытый портиком, чтобы непосвященные не могли наблюдать разнузданные мистерии почитателей Сирийской богини. Необходимо также отметить, что римляне первыми привезли на Делос некоторые религиозные обычаи, в частности почитание богов Ларов.

Рождение и слияние богов

Греки не ограничивались почитанием местных мистических божеств и формировали странных эклектичных богов. В одном случае мы имеем дело с созданием — в полном смысле этого слова — типа смешанного божества. Птолемей I Сотер, желая дать своим греческим и египетским поданным бога, которого они все могли бы почитать, поручил эту задачу комиссии теологов, в которой значительную роль играл Маыефон. Созданное божество — Сарапис, наследник одновременно и Осириса-Аписа, египетского бога мертвых из Мемфиса, которому он обязан своим именем (другие исследователи с меньшей степенью вероятности полагают, что имя Сараписа произошло от эпитета Баала: Сар-апси — «царь бездны»),

и греческих богов — человеколюбивых, как Зевс или Асклепий, и мистических, как Дионис, которого уже Геродот отождествлял с Осирисом. Чтобы запечатлеть образ бога, Птолемей I около 285 г. до н. э. перенес в Александрию статую, выполненную Бриаксисом во второй половине IV в. до н. э. для храма Гадеса в Синопе. Отныне и на века Сарапис стал изображаться в образе мужчины средних лет с пышной шевелюрой и бородой, головой, украшенной модием (изображением меры зерна), с благожелательным и безмятежным выражением лица.

Культ, зародившийся в Мемфисе, распространился в Александрии, где Птолемей III строит обширное святилище на месте небольшого Сарапейона, возведенного основателем династии. А. Мариетт обнаружил в нем прекрасные статуи, образующие две группы: статую Диониса-ребенка и павлина с распущенным хвостом (они расположены вдоль прохода) и скульптуры греческих мудрецов, поэтов, философов, стоящие в экседре вокруг изображения Гомера. Датировка этого памятника спорна (возможно, время правления Птолемея Сотера или скорее Птолемея VI Филометора). Во всяком случае, следует отметить специфически греческий характер декора Сарапейона в древней египетской столице. Известен также Сарапейон в Канопе. Задуманный Птолемеем I Сотером синкретизм здесь ярко выражен. Резные украшения этого храма с дионисийскими мотивами — явно греческие. На плитах фундамента прославляются по-гречески — «царь Птолемей, сын богов-адельфов» и по-египетски — «царь Юга и Севера, избранник Амона, могущественная жизнь Ра, Птолемей, вечно живущий, возлюбленный Птахом».

Понемногу почитание Сараписа распространилось по всему Средиземноморью. Делос, в частности, располагает тремя Сарапейонами, два из которых — очень скромных размеров, что говорит о его популярности среди самых бедных слоев населения. Наиболее обширный на «террасе иноземных богов» храм Сараписа построен в подражание египетским святилищам с аллеей сфинксов и с многочисленными приделами. Там обнаружено большое число посвященных даров спасенных мореходов и исцеленных больных. Декрет причерноморского города Истрии предписывает консультацию с оракулом Аполлона, чтобы узнать, можно ли установить там культ Сараписа (III в. до н. э.). Странной оказалась судьба бога, рожденного волей первого из Птолемеев и проницательностью

его теологов, сумевших навязать его почитание сначала египтянам, а затем всему миру.

Другие слияния — более спонтанные. Зевс ассимилировался с местными богами, образовав целую серию «эпиклетов»: Лабрандайос (от Лабранда в Малой Азии), Долихенос (от Долихей в Сирии). Он легко сливался с великими мужскими богами семитского пантеона: Баалом в Финикии, Баал-Шаминам и Ададом в Сирии, Белом в Месопотамии. Зевс Гипсistos (Высочайший), почитаемый иногда только под именем Гипсиста, объединил греческие или азиатские свойства верховного бога с чертами явно древнееврейского происхождения: достаточного двойного смысла его эпитета, чтобы это слияние оказалось возможным. Накануне наступления эры христианства Зевс проявил тенденцию к превращению в единого бога под двойным влиянием: еврейского монотеизма и монотеизма, к которому обращается греческая мысль.

Еще более любопытен пример семитской пары богов — Афродиты и Адониса, давно воцарившейся в греческом пантеоне и проникшей в Египет путем слияния с Исидой и Осирисом. С начала III в. до н. э. в Александрии распространились посвящения Афродите-Исиде, и везде, где появлялась Афродита, возникал и ее возлюбленный Адонис, отождествленный с Осирисом — благожелательным богом потусторонней жизни и всего сверхъестественного. Феокрит в «Сиракузянках» показал, как народ Александрии толпится во дворце, чтобы увидеть своего молодого бога, «трижды возлюбленного Адониса», красота которого становилась еще лучезарнее от ожидания близкой смерти и перед которым все, особенно женщины, испытывали страстный трепет. Более скромный документ — книга счетов почитателя Адониса позволяет по косвенным данным восстановить адонии, празднуемые в деревне. После ритуального омовения и пострижения, заимствованного из культа Исиды, следовал день веселья и гиерогамии («священного брака»), отмечавшийся пышными пирами, затем день траура и воздержания, поминовения бога, а после этого день мистерий, во время которых представлялась священная пантомима воскрешения бога.

Подобный синкретизм проявлялся повсюду. «Гимн Исиде» отождествляет ее с Деметрой. Одна из посвященных надписей на Делосе сделана в честь Исиды Сотейры (Спасительницы)-Астарты-Афродиты, т. е. в честь богини-спасительницы греческой, семитской и египетской

одновременно. Смутное стремление к монотеизму объединяло в Исиде всех богинь-женщин Восточного Средиземноморья. Недалеко то время, когда Апулей в восхитительной молитве, содержащейся в одиннадцатой книге «Метаморфоз», представит ее как могущественную мировую богиню, почитаемую под самыми различными именами.

Герметизм и магия

В эллинистический период появились новые формы религиозного сознания. Самая значительная из них — герметизм, который получил свое имя от Гермеса — эллинистического аналога египетского Тота, благожелательного бога, писца подземного царства, изобретателя иероглифической письменности и распространителя всех священных наук: он измерил время, записал судьбу, мог произносить обращения к богам должным тоном. По убеждению теологов Гермуполя, он благодаря своему демиургическому голосу и дыханию является даже создателем мира. Эти умозрительные рассуждения о слове близки рассуждениям греков о Логосе и александрийских евреев о Софии (Мудрости). Гермес вполне заслужил свое прозвище Трисмегист («трижды величайший»).

Поскольку Тот избрал письменность, совершенно естественно, что самые древние книги приписывались Гермесу-Тоту. Согласно Клименту Александрийскому, к нему восходит священная литература Египта, он — автор 42 книг, из которых 36 — по философии и 6 — по астрономии и медицине. Существующие герметические трактаты относятся к римской эпохе, но они восходят, как показал А. Ж. Фестюжьер, к эпохе эллинизма. Специалисты не всегда сходятся во взглядах по вопросу о происхождении различных частей текстов: высказываются предположения о египетских, греческих и даже иранских истоках. В любом случае доля древних египетских представлений была велика. «Греки, — заявляет Асклепий в одной из своих книг, — славятся пустыми речами, годными лишь для произведения внешнего эффекта, — в этом вся греческая философия, словесный шум. Что до нас, египтян, то мы не пользуемся простыми словами, но звуками, полными действительности» (*Corpus hermeticum*, 16, 2).

В самом деле, герметическая мысль движется путем озарений, а не рассуждений. Это — могучее усилие в ис-

пользовании божественных сил, предназначенных для сохранения стабильности мира. Ум здесь неотделим от действия, так как только ритуалы могут сделать регулярными различные феномены: так, постоянное возвращение Луны обеспечивается принесением в жертву антилопы, недруга Луны. Предназначение царя — исполнение ритуалов, уравнивающих «Космос», он владеет миротворящим словом.

Могущество восточных жрецов было основано на том, что они владели главными знаниями: средствами осуществления контакта с богами и механизмом всеобщего взаимовлияния (симпатии). Гермес учит, что мир разделен на две части: нечистый подлунный мир и эфир, где вращаются звезды. Звезды-боги или только образы божества, дающего им начальное движение, оказывают влияние на мир людей. Этот мир состоит из четырех (или пяти) элементов: воды, земли, воздуха, огня (и эфира), которые взаимодействуют между собой и распределяют хорошие или дурные воздействия звезд. Для Трисмегиста философия — это изучение переплетения подобных взаимодействий и мистических связей, которые симпатия создает между богами и людьми. Таким образом, мир является органическим единством, подчиненным вечным законам, и он (мир) заслуживает названия «миропорядок» («Cosmos»). Это замкнутое поле управляется вечно вращающимся временем, символ круговращения — упорядоченное движение звезд по своим траекториям. Человек, созданный из материи и разума, является уменьшенным повторением «космоса» — «микрокосмом»: «Человека, мой дорогой Амон, знающие называют миром, так как он — часть мировой природы» (*Iatromathematica*, I, с. 387). В этом замкнутом мире человек чувствует себя защищенным, а посвященный — могущественным, так как, используя основополагающие законы, он может потребовать от богов еще большего знания.

Герметизм давал магическим действиям философскую основу. Посвященный мог достигнуть единения с богом, он также мог вызвать его. Вертикальные связи, объединявшие всех людей, животных, растения и минералы, которые находились под влиянием одной звезды, обеспечивали магу власть над окружающим миром, оправдывая таким образом магическую практику. Поэтому Гермес Трисмегист сделался покровителем оккультных наук. Маг и посвященный благодаря тайному знанию обладали частью его могущества. Маг мог угрожать богам и полу-

чать силой, если это необходимо, еще большее знание, т. е. еще большее могущество. Его Могущество, вытекавшее из его Знания, имело корни в Знании еще более обширном. Эта действенная взаимосвязь между Могуществом и Знанием — одна из основных оригинальных черт магического сознания.

Таким образом, египетский вклад в герметизм был значительным, и не менее очевидно, что идея египетского происхождения выражалась в греческих терминах. Так, в представлении о тройственности солнечного бога Атума, создателя двух богов, неразрывных с ним и составлявших Единое, прослеживаются древние местные верования, переложённые на язык философии.

Значительное развитие магии явилось результатом взаимодействия греческой и восточной традиций. Маги в Греции издавна пользовались правом гражданства, несмотря на запрет Платона, который в законах своего идеального государства предлагал тем, кто, «уверая, будто могут вызвать души умерших, или обещая склонить богов посредством жертвоприношений, молитв, заклинаний и колдовства, пытаются ради денег в корне развратить как отдельных лиц, так и целые семьи и государства, и оказавшимся виновными в чем-либо подобном» назначить наказание «в виде заключения в тюрьму, находящуюся посреди страны» («Законы», 909 б. Пер. А. Н. Егунова).

Кирка и Медея занимали скромное место, тогда как уже с V в. Геката, беспокойное божество призрачных видений, сделалась для широких масс царицей магии. С всклокоченными волосами, окруженная змеями, она безлунными ночами в сопровождении своих собак бродит при свете факелов по кладбищам. Это ее — «владычицу огня», «подземную жительницу», «черную (кожей)» — призывали на опущенных в могилы поминальных табличках. Вместе с ней призывали Гермеса Хтонического, который провозжал души в Аид, но опасный «психопомп» («сопровожающий души») мог привести их и к живущим. Его роль стала особенно значительной с тех пор, как он слился с Тотом, богом inferнального порядка, владевшего тайным магическим знанием. Маг мог заставить бога спуститься на землю, мог призывать его при помощи символов, истолковать его волю с помощью сновидений или каким-либо иным образом. Маг был также способен вызвать состояние экстаза, которое позволяло приблизиться к богу. Таким образом, в ту беспокойную

эпоху магия своей эффективной практикой давала ее adeptам поддержку.

В «Колдуньях» Феокрита мы можем наблюдать странную практику, цель которой — возвращение ветреного возлюбленного. В могилах встречается все больше и больше амулетов: «скарабеи завоевывают мир» (П. Пети). Магические папирусы показывают, что магия приводила к одержимости мага богом или бесом, поселявшимся в нем. Магия — уже не только ритуалы, формулы, заклинания, но и форма мистицизма.

Ярким свидетельством могущества, которое чувствовал в себе одержимый бесом маг, является такое заклинание: «Да принесет мне добро твое имя и твой дух! Войди в мой разум и в мои мысли на все время моей жизни и выполни для меня все желания моей души. Ты — это я, а я — это ты. То, что я приказываю, всегда должно происходить. Потому что я владею твоим именем как филактером (стражем) в моем сердце и ни одна плоть, действующая против меня, мной не овладеет, ни один разум не сможет мне сопротивляться благодаря твоему имени, которое я храню в сердце и которым заклинаю. Свяжи глаза тем, кто сопротивляется мне, — всем мужчинам и женщинам, а мне дай успех во всех начинаниях, так как я обрел могущество Авраама, Исаака и Иакова, а также великого бога, демона Иао»*.

Астрология и алхимия

Астрология, зародившаяся в Месопотамии, также переживала расцвет. Она была основана на вере в то, что сочетания небесных тел во всеобщей взаимосвязи (симпатии) оказывают определенное влияние на судьбы людей. Каждая планета особым образом воздействует, и это воздействие зависит прежде всего от ее названия (планета Венера порождает сладострастие, Меркурий — удачу в посреднических делах) или от ее внешнего вида (Сатурн, бледный и медлительный, — недоброжелательный старик; красный Марс, передвигающийся по небосводу скачками, проявляет себя как изменчивый и роковой). Кроме того, каждая планета связана с определенной частью тела, например органы чувств распределены между семью планетами. «Если в момент зачатия или рождения планета

* Иао, т. е. Яхве.

расположена неблагоприятно, это повлечет за собой заболевание соответствующего органа» (Jatromathematica, I, с. 388). В этом случае следует смягчить данный «изъясн» растениями, которые принадлежат к тому же ряду, что и неблагоприятно расположенные планеты. На этом принципе основывалась церемония сбора растений, сведения о которой мы находим в магических папирусах: «Я срываю тебя, растение, пятью пальцами руки, я уношу тебя с собой, чтобы ты показало свое могущество в деле, которое я хочу сделать» («Греческие магические папирусы», 4, 287).

Алхимия также уходит корнями в эллинистическую эпоху. Речения Гермеса и Агатодемона, основанные на псевдофилософской системе, дают рецепты превращения металлов, их изменения в неизменном мире. Этот процесс символизирует птица Феникс, умирающая, чтобы возродиться и утвердить вечность своим вечным обновлением. Герметизм воспринял персидские традиции, восходящие к Зороастру и Остану, и еврейские, восходящие к Моисею. Алхимия, основанная Болосом из Менда около 200 г. до н. э., была очень практичной. Ее цель — превратить обыкновенные металлы в золото и серебро путем окраски, лакировки, изготовления сплавов и т. п. Только Зосима (III в, н. э.) поставит перед алхимиками мистическую цель — поиск знаменитого философского камня, оживляющего все металлы.

Новые религиозные общины

Приверженцы новых богов собирались в культовые общины. Для полисных божеств рамками культа являлись, по существу, полисы, тогда как здесь мы имеем дело с частными объединениями, настоящими братствами, в которых верующие тесно общались, поскольку они сами выбрали почитание одного и того же бога.

Здесь сталкивались греки и варвары, полноправные граждане и иноземцы. Хотя рабы иногда объединялись отдельно (как кампеталиасты на Делосе), большинство братств принимало и свободных людей, и рабов. В них мужчины и женщины были равны, а дети даже допускались в хор в качестве певчих. Эти братства представляли собой первые ячейки социальной унификации. Классическому миру, в котором противопоставление грека варвару или гражданина рабу было абсолютным, где женщи-

ной пренебрегали, пришел на смену новый мир, в котором противоречия стирались и все люди чувствовали себя братьями, потому что любили одного и того же бога и одинаково ждали от него спасения.

Существовали различные виды братств. Оргеоны (кажется, о них говорят даже микенские таблички), имевшие многовековую традицию, почитали героев-покровителей, но они довольно быстро исчезли. Их заменили фиасы — группы, исповедовавшие культ бога-спасителя, создание которых восходит к концу V в. до н. э. Эраной — общества, объединенные паями, появились в III в. до н. э. Они организованы сложнее фиасов, но менее религиозны, чем они. Благодаря многочисленным надписям мы довольно хорошо знаем многие из этих сообществ, игравших все более и более значительную роль в повседневной жизни. Так, фиасы дионисийских технитов (артистов) — это группы актеров, которым власти часто поручали организацию представлений и процессий. Самыми знаменитыми были фиасы «артистов Истмийских и Немейских игр» в Коринфе и фиасы «артистов, находившихся под покровительством Диониса в Ионии и Геллеспонте», который развернул свою деятельность во всей Анатолии и которому Атталиды оказывали покровительство.

Но разница между различными религиозными общинами в данном случае неважна. Суть их одна и та же: участники являлись братьями, собиравшимися для молитв, литургий или пиршеств. Смерть не разделяла их, поскольку у каждого общества часто было свое кладбище. Люди были объединены, поскольку избрали одного бога. Союз сердец скреплялся участием в одних и тех же церемониях, посвящениях, часто в форме окропления водой или кровью, в одних и тех же постах, ритуалах, которые, как, например, «катабасис» («сошествие в землю»), символизировали надежду на загробную жизнь. Главное же в том, что члены сообществ одинаково рассчитывали на спасение. Как прекрасно сказал Р. П. Фестужьер, достаточно заменить имя бога в знаменитой фразе из «Послания к галатам» (3, 28), и у нас будет определение для всех религиозных обществ: «Нет ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужчины, ни женщины, но все едины во Христе».

Таким образом, тревожный дух эпохи лучшие развеивали занятиями философией, а простые души тешили себя надеждами, которые открывали им учения о спасении. Сложился тот самый тип религии, горячей и живой,

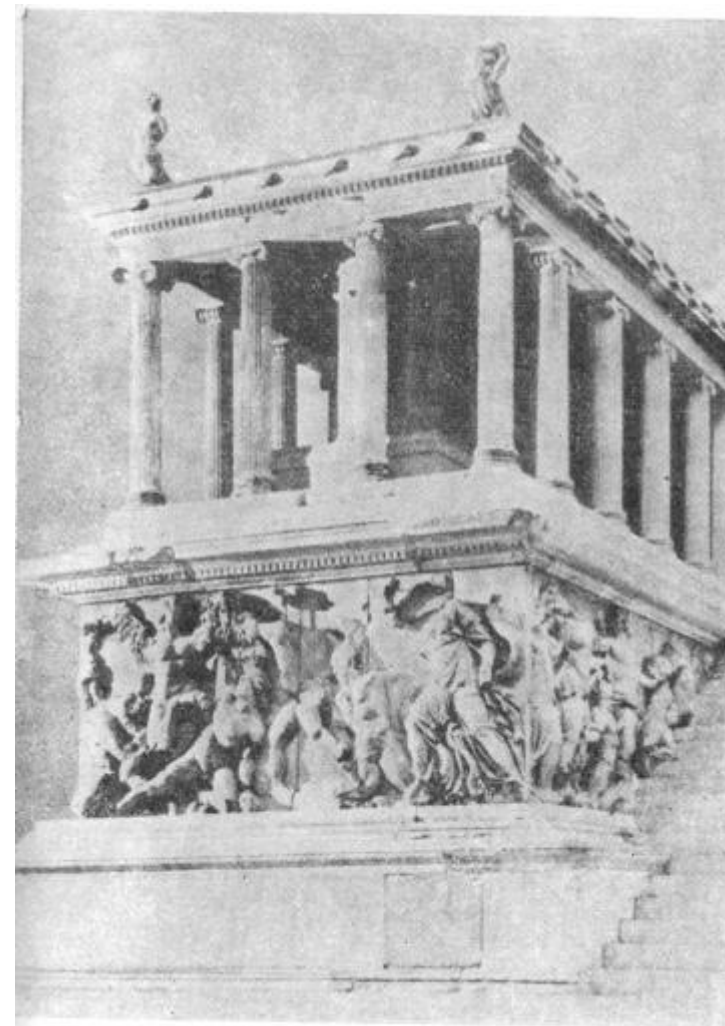

который будет заимствован Римом, и вклад Востока (наряду, конечно, с греческими элементами) не должен быть в данном случае преуменьшен.

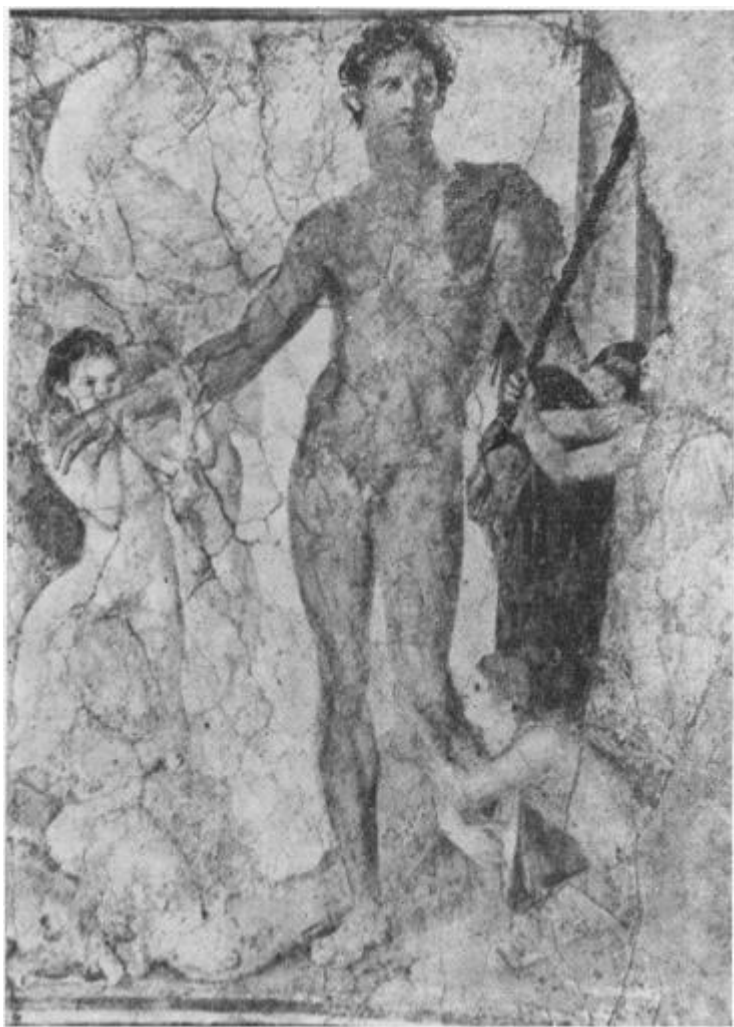
В этом же мире зарождалась и другая восточная мистическая религия — религия спасения, постепенно завоевавшая мир,— христианство. Психологически оно было подготовлено именно эллинистической религией, несмотря на то что его иудейские корни очевидны. Троица, возможность соединения божественной и человеческой природы, Богоматерь, культ святых — все эти догматы имеют прямые аналогии в религиозных представлениях, бытовавших в эллинистических царствах Востока, в то время как они глубоко чужды иудаизму. Весьма важно также и то, что христианство проповедует не страх перед богом, а любовь к богу, подобно мистическим религиям Египта и Азии.

В контакте Греции и Азии, который был следствием завоеваний Александра Великого, трудно измерить то, что дал Восток эллинистической цивилизации. Может быть, следует выразиться так: ничего для литературы и науки, немногим больше для искусства и философии, почти все — для религии.

Обобщая, можно сказать: все, что было смолото на мельнице языка, испытало незначительное восточное влияние, тогда как душевные порывы часто находили отклик в соблазнительных и таинственных верованиях и ритуалах Востока. Если египетский грек заболел, то сначала он обращался к греческому врачу, который использовал почти чисто греческую методику диагностики, лечения, фармакопею. Но если он терял надежду обрести таким образом здоровье, то он охотно поднимался в горы, к фиванским гробницам, чтобы испросить выздоровление у Аменхотепа, сына Хапу, «благого бога», как его называют граффити, почти все составленные по-гречески..

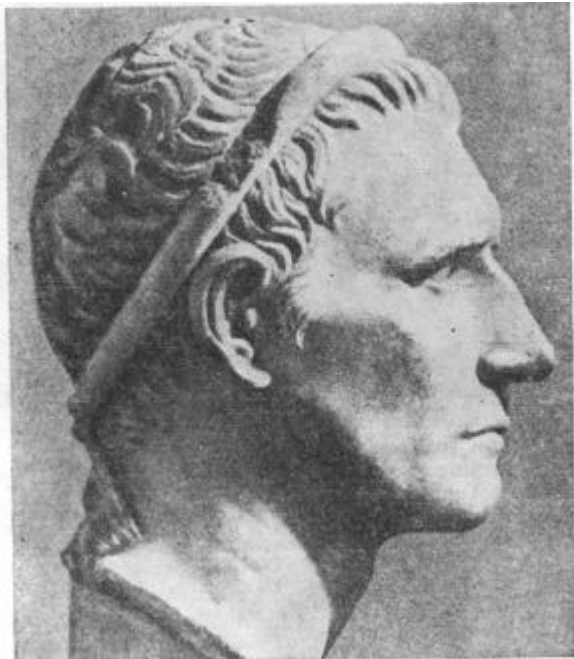
Большой алтарь в Пергаме. II в. до н. э.

Триумф Тезея.
Фрагмент живописи
из Базилики в Геркулануме. I в. н. э.

Геракл с сыном Телефом.
Фрагмент живописи
из Базилики в Геркулануме.
I в. н. э.

**Некрополь Мустафа-Паша в Александрии.
III—I вв. до н. э.**

**Скульптурный портрет Антиоха III.
Римская копия с греческого оригинала.
II в. до н. э.**

Богиня Аллат-Афина из Хатры. I—II вв.

Голова мужчины. Хатра. I—II вв.

Голова Асклепия с о-ва Мелос. III—II вв.

Деметрий Полиоркет.
Фрагмент рельефа на «Саркофаге Александра» из Сидона.
III в. до н. э.

Женская статуэтка из Вавилона. III—I вв.

Музыканты. Фрагмент мозаики Виллы Цицерона.
Помпеи. I в. н. э.

Голова философа из раскопок Ай-Ханухма.
III-II вв.

Остатки храма на о-ве Файлака. III-II вв.

Фрагмент живописи из синагоги в Дура-Европос.
II в. н. э.

Фрагмент живописи из храма Кухи-Ходжа.
Систан. I в. н. э.

Изображение Птолемея V на монете.
II в. до н. э.

Фрагмент живописи из храма бога Митры в Дура-Европос.
I-II вв.

Дворец царя Соломона.
Фрагмент живописи из синагоги в Дура-Европос.
II в. н. э.

Руины святилища коммагенских царей
в Нимруд-Даге. I в. н. э.

Рельеф с изображением богини Бендиды
и ее почитателей. Пирей. II—I вв.

Развалины храма бога Бела в Пальмире.
I—II вв.

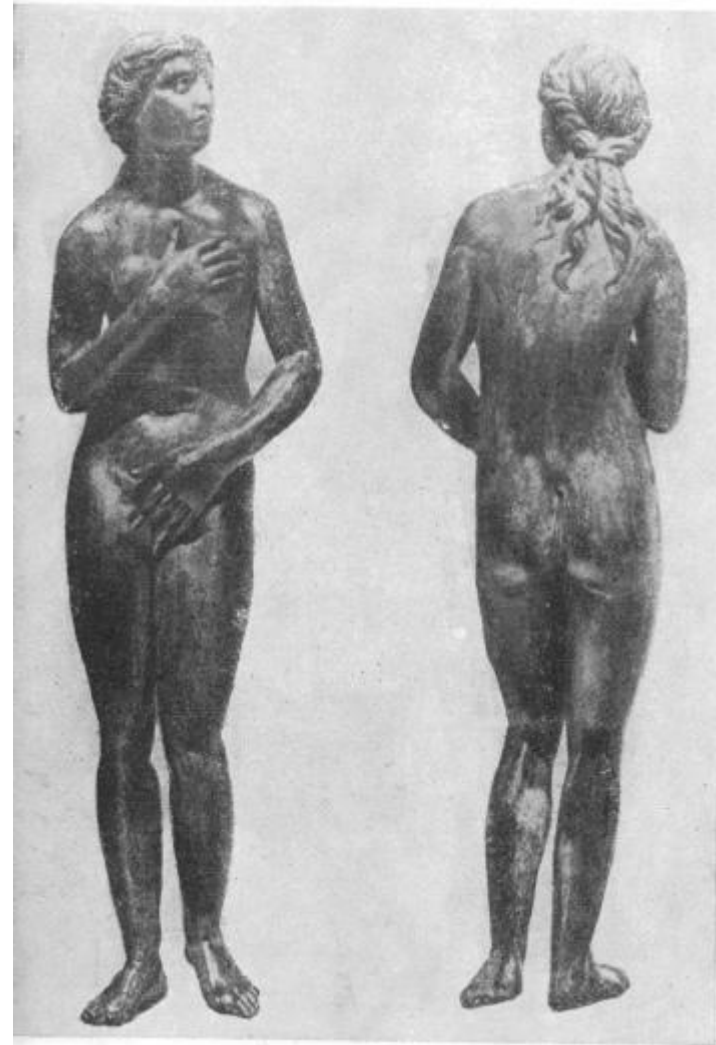
**Фрагмент мозаики
с изображением Дария III.
Помпеи. I в. н. э.**

Апулийская гидрия. III в. до н. э.

Статуя Геракла из Хатры. I в. н. э.

Храм Баалшамина в Пальмире. I в. н. э.

Голова бронзовой статуи Селевка I из Геркуланума. III—II вв.

Апулийский лекиф. Торенто. III в. до н. э.

Птолемей V в двойной египетской короне. Изображение на перстне. I в. до н. э.

Голова Сатира. Олимпия. III—II вв.

Афродита. Бронзовая скульптура из Сидона. III—II вв.

Галл, убивающий свою жену.
Римская копия с греческого оригинала.
III в. до н. э.

Глава 4

ВНЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

Наверное, самое характерное явление эллинистической эпохи — это расширение ойкумены, которое отчетливо прослеживается как на Западе, так и на Востоке и которое таким образом связано не только с завоеваниями Александра. Этот процесс затронул земли как древних цивилизаций, таких, как Карфаген или Индия, так и варварских стран — Скифии, Галлии, Иберии. Повсюду мир широко открывался эллинизму. С торговыми связями быстро распространялись греческое искусство, философская мысль, религия, образ жизни — все это поднимало различные цивилизации, как дрожжи поднимают тесто.

В целом можно выделить две различные модели в этом всеобщем изменении. В одних случаях — известная с архаической эпохи схема эллинизации путем внедрения колоний в варварские области. Так, без Массалии галльский, Лигурийский или иберийский Запад не был бы тем, чем стал. В других — это дальние торговые связи, с помощью которых осуществлялся контакт между мирами, практически не знавшими о существовании друг друга.

ЕВРОПА ВАРВАРОВ

На всей своей территории от Урала до Гибралтара, за исключением Средиземноморского побережья, Европа, в которой индоевропейцы вытеснили более древнее население, продолжала, несмотря на несомненный экономический прогресс, и в частности повсеместное распространение железа, вести патриархальный образ жизни. Почти повсюду древняя система колоний позволяла грекам сбывать свои ремесленные изделия, одновременно обеспечивая себя продовольствием или сырьем, и начиная с эпохи эллинизма понемногу утверждать свое влияние

хотя бы в тех районах, которые были близко расположены к Средиземному и Черному морям.

Греческие колонии Северного Причерноморья

Греческий мир прочно утвердился на Понте, несмотря на новые миграции иранских племен. Сарматы, пришедшие из области, расположенной между Доном и Уралом, и азиатских степей в III и II вв. вытеснили скифов на всем побережье Черного моря. Скифы концентрировались в Крыму около своей новой столицы — Неаполя Скифского, а также по нижнему течению Днепра и Буга.

По крайней мере один полис испытал на себе удар этой грандиозной волны. Имеется в виду Ольвия, которую осаждали несколько раз и вынуждали платить тяжелые подати. В III в. до н. э. ее завоевывали скифы, а в 50 г. до н. э. она была разрушена гетами. В Крыму в начале эллинистической эпохи сначала обстановка была менее тревожной. Во II в. на высоком правом берегу устья Дона обосновалась новая колония — Танаис. Все города застроились великолепными жилищами, гораздо более просторными, чем раньше. В эллинистическом доме Херсонеса мы находим баню, украшенную мозаикой, выполненной, очевидно, местным художником, изображающей двух юных обнаженных красавиц по обе стороны водоема, в который смотрится птица.

Древнее Боспорское * царство во времена эллинизма сохранило структуру классической эпохи, объединив греческие полисы и варварскую хору. (Таким образом, уже в классическую эпоху Боспор был как бы прообразом эллинистических царств.) Наивысший расцвет оно переживало в конце IV — начале III в., когда вывоз зерна достиг максимума. Во II в. до н. э. царство испытывало явный упадок, который можно объяснить конкуренцией египетского хлеба и давлением со стороны Крымского царства скифов. Новый подъем начался после того, как его в 107 г. до н. э. аннексировал понтийский царь Митридат VI Эвпатор, который создал обширное государство, охватывавшее южные и северные берега Понта

* Речь идет, конечно, о Боспоре Киммерийском (Керченский пролив) — царстве, созданном в 480 г. до н. э. вокруг столицы Пантикапея (совр. Керчь). Не следует путать с Боспором Фракийским (нынешний Босфор).

Евксинского (Черное море). Царь подавил восстание скифских рабов и увеличил свое могущество за счет присоединения богатого греческого полиса Херсонеса, а также завоевания крымских скифов. Но его гибель в 63 г. до н. э. стала поворотным пунктом, с которого начался неотвратимый упадок.

Повсюду усилилось социальное расслоение. В Херсонесе рядом с упомянутым выше великолепным домом располагались скромные жилища площадью 150 кв. м. В более изобильной Ольвии расслоение было еще глубже: площадь жилищ колеблется от 100 до 1500 кв. м. Надписи свидетельствуют о волнениях рабов, которые заключали союзы с врагами полиса, например с галатами.

Всеобщее благоденствие (недавние раскопки сельских поселений показали их большое богатство), несмотря на наличие в обществе верхов и низов, основывалось на вывозе хлеба, хотя конкуренция ему со стороны Египта все возрастала, и соленой рыбы. Нам известны большие сельские поместья этой эпохи, например поместье III в. в Херсонесе, окруженное с четырех сторон мощными стенами. Рыбная ловля была организована на промышленной основе. Мастерские керамики и черепицы, представлявшие собой настоящие заводы, продолжали производство продукции в больших масштабах. Интересным нововведением явилось быстрое развитие повсюду в окрестностях Пантикапея виноградарства, что на первый взгляд несвойственно столь северному краю. В Мирмекии обнаружено большое поместье, где прессы и цистерны для суслу во множестве окружают роскошно украшенный хозяйский дом. Несколько жилых домов со службами сгруппированы вокруг дворов, снабженных стоками. Найдены три прессы, цистерна для суслу, жернова и ступки для зерна. Винный погреб цементирован. Стены покрыты раскрашенной штукатуркой. Клейменная черепица изготовлена в Боспоре Киммерийском. Керамика и терракотовые фигурки чаще всего изображают Геракла. В Тиритаке найдены цистерны, вмещающие до 5 тысяч литров виноградного сока.

Торговля была по-прежнему оживленной, но ее направление изменилось. С упадком Афин она стала ориентироваться больше на Малую Азию, Родос и Александрию. В ее структуре, как и в структуре колониальной торговли прошлых веков, преобладал обмен местных, чаще всего продовольственных, товаров (хлеб, соленая

рыба, соль, мясо, шерсть, кожа, меха) на предметы роскоши и высококачественные вина. Тем не менее расширение экономических связей превратило Северное Причерноморье в перекресток дальних дорог, по которым к его портам стекались янтарь Балтики (кстати, мало ценимый в ту эпоху) и золото Алтая. Ниже мы увидим, что длинный путь из Китая через Монголию выходил к Ольвии. С другой стороны, через Великую русскую равнину усиливались связи с Севером. Находки в Ольвии костей и рогов северного оленя характеризуют широту торговых связей. В Александрии были найдены кости белого медведя. В мастерской резчика в Мемфисе найден гипсовый рельеф, изображающий женщину в длинной шубе, доящую олениху; рядом олень и две собаки — живописное, вполне в александрийском духе напоминание о жизни на Крайнем Севере.

Безусловно, эллинизм Причерноморья — бледная тень Средиземноморского эллинизма, и среди сынов Борисфена мы с трудом находим киника Биона или стоика Сфера, советника Клеомена. Иногда эллинизм Причерноморья даже подпадал под местное влияние, так как коренное население, обосновавшееся в греческих полисах, становилось все более и более многочисленным. В маленьком городе Китей надпись III в. упоминает храм, посвященный безымянному божеству, «богу-громовержцу».

Эллинизация скифов и сарматов

Среди глубоких преобразований скифского общества, происшедших благодаря длительным контактам с эллинизмом, наиболее значительное — образование городов. У скифов наметилась тенденция к переходу от кочевничества к оседлому образу жизни в поселениях. Во II в. до н. э. они построили новую столицу — Неаполь (близ Симферополя), греческую по названию и по структуре. Внутри укреплений, сооруженных согласно скифской традиции, найдены дорический портик эллинистического типа с исодомной кладкой, дома, украшенные фресками, скульптуры, греческие надписи. Недалеко от укрепления возвышался мавзолей большой аристократической семьи (II в. до н. э.) довольно грубой постройки. Захоронения на поверхности земли до этого времени были неизвестны в Скифии.

Утвердилась царская власть, что видно по монетам, которые чеканились с середины IV в. до н. э. в Каллатисе могущественным монархом Атеем. Усилившаяся аристократия окружала себя роскошными изделиями греческих мастеров и даже уносила их с собой в могилу. Она вела такой образ жизни и отличалась такой культурной утонченностью, которая была совершенно незнакомом широкому массам, что влекло за собой еще большее социальное расслоение — это прекрасно показано советскими учеными.

Эллинистическое влияние в Скифии было глубоким. Эллинизация проявилась в значительной степени в искусстве и в религиозном антропоморфизме у синдов и у меотов — киммерийских (т. е. фракийских) народов, которые жили в Крыму до вторжения туда скифов (греки называли нынешнее Азовское море Меотидой). Находки греческих изделий многочисленны: монеты (в основном из Пантикапея) и вазы, чаще всего винные амфоры с синопскими, а также фасосскими и родосскими клеймами.

Расцвет греко-скифского искусства начался с первых веков колонизации. Это декоративное искусство, предназначенное для убранства людей и лошадей украшениями из драгоценных металлов, чрезвычайно трудно определить. Иногда встречаются вещи в греческом стиле, выполненные, конечно, в мастерских торевтов колоний Северного Причерноморья (в частности, в Пантикапее), по сюжету часто заимствовались у скифских заказчиков. Раскопки курганов (захоронения в виде холма) Тамани (конец IV — начало III в.) дали нам золотые пластинки с изображением прекрасной головы Артемиды и грифонов (Пятибратний курган около Ростова-на-Дону), а также золотую диадему, на ленте которой по обе стороны от «узла Геракла» изображены вакханки и дельфины (курган у Карантина около Пантикапея). Той же эпохой датируются золотые предметы из Частных курганов (около Воронежа на Дону), находящихся в лесостепи: ручка от вазы в форме головы хищной птицы, бляшка от украшения с изображением борющихся грифонов.

Иногда, наоборот, сильно чувствуются местные мотивы, что заставляет думать скорее о скифском мастере, проникнутом традициями степи и испытавшем сильное греческое влияние. Скифское искусство переходит от животного и растительного орнамента к изображению чюдней. Рукоятки мечей из захоронений на берегах Днеп-

ра украшаются не птицами или грифонами, а изображением Великой богини, как в кургане Александрополя (начало III в. до н. э.). На многочисленных золотых бляшках, которые были положены в могилы, мы видим богиню, сидящую с зеркалом в руке перед человеком с ритонном (сосуды этого типа, видимо, служили для магического напитка типа нектара греков) или перед змееподобным предком скифов. На парадном оружии, в частности на колчанах, животные уступают место целым сценам из жизни Ахилла* с некоторыми любопытными местными чертами (воспитание героя, обучающегося стрельбе из лука, — вероятно, уступка местным обычаям). Можно думать, что эти изменения в искусстве идут параллельно с развитием в религии антропоморфизма.

Однако греко-скифское искусство все более и более увлекается изображением сцен из местной жизни: битв, выращивания лошадей, героев, стреляющих из лука, борющихся или пьющих из ритонов, наездников, преследующих зайца. Нужно остерегаться видеть в них только живописные рельефы, передающие местный колорит бурной жизни скифов, даже если греческие художники, создавшие первые трафареты, безусловно, работали в этом духе, столь характерном для эпохи эллинизма. У нас есть все основания думать, что для скифов они являются иллюстрациями к старинным сагам, воспевающим славу прошлого народа.

Сарматы по сравнению со скифами эллинизировались с некоторым запозданием. В волжских курганах, в частности в Новочеркасске (I в. до н. э.), находят предметы из драгоценных металлов, которые свидетельствуют о появлении греко-сарматского искусства, довольно близкого к греко-скифскому: браслеты и наконечники из золота с инкрустацией, серебряные кубки, внутри которых на фоне тонких узоров выделяется медальон, украшенный великолепными сценами, изображающими Нериду с морскими конями или сбор винограда.

Балкано-дунайский регион

Балкано-дунайский регион был населен на востоке фракийцами, на западе — иллирийцами, на севере — гето-даками. Его близость к Греции издавна облегчала тор-

* Миф об Ахилле — один из тех, действие которых было локализовано греками на Понте (пребывание героя на Белом острове). Ахилл почитался эпитетом Поитарх (Хозяин Понта).

говую и культурную экспансию греческого мира, еще более расширившуюся в эллинистическую эпоху, несмотря на потрясения, вызванные вторжениями кельтов. Следует при этом отметить различие между восточным и западным районами региона.

Иллирия была относительно мало затронута переменами. Греческие колонии побережья — Эпидамн и Аполлония, конечно, продолжали развиваться, но от внутренних районов их отделяли горные цепи. В них были сильны италийские и кельтские влияния, благодаря которым распространялся эллинизм, правда в уже переработанной форме. Предметы греческого происхождения встречаются редко, кроме, может быть, апулийских ваз.

Совсем иная ситуация сложилась в восточной части региона. Греческие колонии обоих фракийских побережий имели обширную зону влияния. Гебр, а также долины рек Аксия (Вардара) и Моравы давали возможность легко распространяться как образу жизни, так и предметам искусства эллинизма. Кроме того, фракийцы были цивилизованнее, чем иллирийцы и даже гето-даки, что делало их более способными к его усвоению. Влияние скифов, все еще значительное в их среде, также способствовало распространению этой культуры.

Именно во фракийских районах находят самые замечательные памятники греческого искусства. Как нигде много их в купольной гробнице Казанлык (Болгария) конца IV — начала III в. до н. э. Вестибюль и погребальная камера украшены фресками, сохранившими редкую свежесть. Главная изображает погребальное пиршество: покойный, очевидно вождь одрисов (одного из фракийских племен), увенчанный золотом, сидит за столом и держит за руку свою супругу, в то время как вокруг суетятся слуги, поднося фрукты и драгоценности, сдерживая горячающихся коней. Мы не сомневаемся в том, что это исполненное могучего реализма произведение обязано своим появлением греческим мастерам, скорее всего азиатским. Однако некоторые детали, в частности в конструкции купола, указывают на то, что они смогли приспособиться к местным традициям. Тем же временем (конец IV в. до н. э.) датируется клад в Панагюриште (недалеко от древнего Филиппополя, теперь на территории Болгарии), состоящий из 9 ваз чистого золота общим весом 6 кг. Драгоценный сервиз мог быть выполнен греками только для пышных пиршеств князя.

Греко-фракийское искусство этой эпохи еще более интересно. На левом берегу Тонзы (нынешняя Тундиса) Севт III в конце IV в. до н. э. строит новую столицу — Севтополь, укрепления которого охватывают площадь 5 гектаров. Царский дворец, окруженный своей стеной, — это просторное здание, 40 метров по фасаду, с большим залом, украшенным многоцветными инкрустациями. Дома, часто с террасами, поддерживаемыми деревянными колоннами, строились вокруг двора. План всего ансамбля — Гипподамовый, причем проточная вода подводилась к каждому жилищу. Здесь было найдено много ваз как местного производства, так и греческих. Среди последних особенно многочисленны винные амфоры с Фасоса. Город был разрушен примерно в конце III в. до н. э. Большие крепости даков, которые часто находят в Трансильвании, датируются более поздним периодом.

Прикладное искусство фракийцев и гето-даков также демонстрирует греческое влияние: металлические вазы, изделия из серебра, украшения, парадное оружие и керамическая посуда. Чеканившиеся повсюду монеты сначала имитируют статеры Филиппа и Александра, затем тетрадрахмы Фасоса.

И наконец, именно у греков фракийцы заимствуют антропоморфное изображение их главного божества — Героса, представленного в виде всадника. Хотя большая часть многочисленных известных изображений датируется римской эпохой, не вызывает сомнений, что генезис этого типа религии восходит к эллинистическому периоду. Религия также эллинизировалась, и можно констатировать некоторое любопытное сближение между Геросом и Аполлоном или Асклеием, между Бендис-охотницей и Артемидой или Гекатой.

Мир кельтов

С V в. до н. э. кельты завоевали почти весь Запад, и их беспокойный, динамичный характер побуждал к дальнейшим завоеваниям. В начале IV в. до н. э. они заняли долину По в Италии и создали там новую Галлию. Южная Галлия вновь приняла иммигрантов в IV и III вв. до н. э., Британские острова и Испания — в III в. до н. э. Часть обосновалась в долине Дуная вплоть до Иллирии, а также во Фракии. Дружины галатов, перед тем как устремиться в Малую Азию, где многие из них оседают в Галатии, в III в. до н. э. разо-

рили Грецию. С 250 г. до н. э. настала очередь белгов: они завоевали весь север Франции и часть Британии. В конце этой экспансии Кельтика включала в себя Германию до Эльбы (территория между Эльбой и Рейном после кельтов постепенно (III—I вв.) была завоевана германцами), всю Центральную Европу по обе стороны Дуная, Британские острова, Францию, Северную Италию, Испанию и Португалию. Кельтское влияние проникло в Скандинавию благодаря, в частности, ввозу произведений искусства. В независимой Европе не было народа могущественнее кельтов.

Начиная с гальштатской культуры железного века в кельтскую цивилизацию глубоко проник эллинизм благодаря связям, установленным с Грецией по Дунаю, с Италией — по альпийским перевалам, с Массалией — по долине Роны. Этот процесс продолжался и в следующий период железного века (латенской культуры), особенно в течение двух первых ее периодов (Ла-Тен I — 450-250 гг. и Ла-Тен II — 250-100 гг.), когда кельтский мир достиг апогея своего развития. Некоторый упадок наметился в период Ла-Тен III (I в. до н. э.). Пути проникновения греческого влияния остались прежними, но экспансия галлов к югу сделала контакты с греками более широкими и плодотворными. В остальном Западная Кельтика все более и более ориентировалась на Средиземное море. Долина Роны — «великий оловянный путь» вновь обрел значение, которое имел в архаический период, но потерял в классическую эпоху.

Об этих торговых связях свидетельствуют прежде всего вещи греческого происхождения, которых в кельтском мире было много. Жители Массалии в изобилии ввозили красные кораллы с Гиерских островов, и галлы часто использовали их в прикладном искусстве. Греческие монеты (в основном Массалии) находят в Галлии повсюду, за исключением территорий, расположенных к западу от линии, соединявшей Западную Нормандию с устьем Жиронды. Это не значит, что массалийская торговля проникала непосредственно во всю Галлию; монеты Массалии часто служили галлам средством обмена. Некоторые любопытные предания, показывающие широкое распространение эллинизма, по всей видимости, восходят к той эпохе. Так, Тацит приписывает Улиссею (Одиссею) основание Асцибургия (Этенбург в месте слияния Рура и Рейна), важном центре на янтарном и оловянном торговом пути.

Но ни одна область жизни не была затронута эллинизацией так, как искусство. Конечно, кельты редко изображали людей, и те немногочисленные круглые скульптуры, которые дошли до нас, практически не отмечены влиянием греческой цивилизации. Но декоративное искусство дает нам замечательные произведения: парадное оружие, украшения из золота и кораллов, эмали и изделия из бронзы, медные вазы, глиняную посуду. Здесь используются греческие мотивы украшений, в частности пальмовые и другие листья, ветви, которые малопомалу претерпевали изменения, обогащаясь своеобразным криволинейным рисунком, в результате чего спирали заменили пальмовые листья, а стилизованные ветви превратились в двойные спирали. Растительный орнамент постепенно трансформировался, следуя прихотливой фантазии, игравшей кривыми линиями, асимметрией; геометрическими абстракциями.

С расширением обмена развивалась денежная экономика, также заимствованная из Греции в Балкано-Дунайском регионе. Она широко распространилась по всей Кельтике от Венгрии до Великобритании. Начиная со II в. до н. э. (эта датировка появления галльских монет взята из работ Ж.-Б. Кольбера де Болье) в Галлии некоторые племена, такие, как арверны, имитировали статеры Филиппа и с этого времени располагали высокопробными золотыми монетами, которые наряду с массалийскими составляли основной фонд монетного обращения. К концу II в. до н. э. эта монополия была поколеблена распространением римских образцов и особенно появлением местных монет, отчеканенных из золота или серебра пограничными племенами. И только в течение I в. до н. э. чеканкой золотых (и особенно серебряных, а затем и бронзовых) монет начало заниматься большинство кельтских племен. Краткие греческие или латинские легенды знакомят нас с названиями племен, именами династов или магистратов, ответственных за выпуск монеты. Но с течением времени и с расширением территории, на которой чеканились подражания, их качество ухудшалось, так как смысл изображения на прототипе становился непонятным чеканщикам. Его элементы расчленялись: так, туловище и ноги коня изображались отдельно. Монеты приспособлялись к местным верованиям, что заметно по наличию многочисленных мифологических символов. Эти символы подчас странно деформированы, в частности в Арморике, где фантазмагорические узоры,

возможно, соответствуют кельтским мифам, которые мы находим в ирландском средневековом эпосе. Ни один из многочисленных варварских народов, копировавших эллинистические монеты, не сделал этого с такой степенью свободы, фантазии, пренебрежения к классическим канонам красоты, как кельты.

Действительно, необходимо строго провести границы воздействия эллинизма на кельтский мир. Соблазненные греческими шедеврами, галлы подражали им, но при этом очень вольно перерабатывали, приспособлявая к своим собственным вкусам, наследованным от абстрактного геометризма первобытной Европы. Но тем не менее их разум был достаточно гибок и чувствителен и к другим влияниям, часто шедшим издалека: стилизованным узорам скифов, геральдическим животным Ирана. Вклад этрусков также был не менее значителен. Именно под их влиянием цизальпийские, а затем и трансальпийские галлы начали строить крепости-оппидумы. Здесь нужно признать, что Этрурия по крайней мере в области искусства явилась передатчиком уже усвоенного греческого влияния.

Только в самых близких к Средиземному морю районах под непосредственным влиянием Массалии и ее колоний, в районах, где кельтизм, ослабленный контактами с предыдущим населением, лигурийцами или иберами, был менее чист, кельты глубоко проникнутся эллинизмом.

Эллинистическая Массалия

Массалия не потеряла своего могущества. Во время Второй Пунической войны она была в числе самых верных союзников Рима, с которым издавна поддерживала прекрасные отношения. Во II в. до н. э. Рим оплатил за эту поддержку Массалии, послав свои отряды для защиты города от кельто-лигурийцев и передав ей обширные территории вдоль побережья, отобранные у врага, тогда как раньше Массалия располагала лишь очень небольшими пригородами. Только после того как она неудачно выбрала союзника в конфликте Цезаря и Помпея в 49 г. до н. э., она была включена в состав Римского государства, потеряв свою независимость.

По своему государственному устройству Массалия — аристократическая республика с советом из 600 богатых граждан и двумя более узкими советами, состоящими из

15 и 3 членов. Примечательно отсутствие народного собрания. Но социальный кризис не произошел, так как знать не состояла из крупных землевладельцев. Нравы были строгими, как в античную эпоху, в городе существовала четкая военная организация, поскольку он все время был настороже из-за угрозы нападения варваров. Представления мимов запрещались, так же как и восточные культы; размер приданого не должен был превышать 100 золотых монет. Здесь сохранились старинные обычаи благодаря отчаянной приверженности греческому образу жизни, которому часто грозила опасность. В моде остались длинные, ниспадающие до полу ионические одеяния, что служило поводом для несправедливых обвинений нравов массалийцев. На самом деле в городе царила строгость, что удивительно для большого порта.

Основными культами остались культы Аполлона Дельфийского, Артемиды Эфесской, Афины. Однако обнаружены статуэтки Гекаты, а в соседнем гроте множество маленьких вазочек — очевидно, пожертвования горной Нимфе. Здесь любили сказки. Возможно, одна из них дошла до нас в лукиановском диалоге «Токсарид». В почете были драматические представления, поэтому здесь построили театр. Развивалась техника, в частности кораблестроение и строительство военных машин. Военачальники Цезаря будут жаловаться впоследствии на массалийские катапульты. Вплоть до римской эпохи здесь не потеряла своей известности медицинская школа. Однако искусство осталось слабым местом. Страбон с похвалой отзываясь только об укреплениях Массалии. Согласно сообщению Витрувия, дома в городе крыли саманом. По-святительские надписи грубы, а вазы неинтересны.

После застоя в V—IV вв. экономическая жизнь города вновь оживилась. В это время (конец IV в. до н. э.) происходит второе открытие долины Роны как международного оловянного торгового пути, который, начавшись на Касситеридах, по долинам Сены, Соны и Роны привел к Массалии. Его освоение во многом способствовало оживлению обмена в Средиземноморье.

Раскопки 1966—1968 гг. в квартале Бурс (Биржи) дали великолепные свидетельства расцвета Массалии в тот период. Была найдена часть городской стены, подходившей к бухте, которая продолжала Лакидон (Старый порт). В то время бухта гораздо глубже врезалась в берег. Были раскопаны прекрасная стена в два уровня (оба датируются началом III в. до н. э.): один — из бе-

лого, другой — из розового известняка, главные городские ворота с двумя большими башнями. Это открытие доказывает, что начиная с III в. до н. э. Кармский холм был окружен стенами, т. е. Массалия тянулась на восток гораздо дальше, чем думали ранее. Раскопана также набережная на глубоком свайном фундаменте. Она располагалась вдоль глубоководной бухты Лакидон. Многочисленны находки керамики, которые позволяют судить о развитии обмена. Это местные амфоры, кампанские вазы, иберийская посуда (в форме так называемой соломенной шляпы), родосские амфоры (на ручках семнадцати из них были клейма).

Монеты чеканились в большом количестве и после девальвации в IV в. до н. э. вновь стали стабильными, высокопробными. В Массалии чаще всего чеканились серебряные и бронзовые монеты с изображениями Аполлона, Артемиды и Афины, которые выдают мастерскую руку граверов из Сицилии. Все более оживились связи с Кампанией и Римом, но не прекращались они и с полисами греческой метрополии. В списках проксенов и феодороков* в Дельфах мы находим и массалийцев, а население Делоса голосовало за почетный декрет в честь массалийского гражданина Леона. Лампсак, родственник Массалии полис (он также был основан фокейцами), послал посольство в Массалию с целью испросить дипломатическую поддержку для получения помощи Рима против Антиоха III. Однако главное значение Массалии заключалось в том, что благодаря системе своих колоний она контролировала всю торговлю с Южной Галлией и прилегающими к Средиземному морю областями Иберии.

Кельто-лигурийцы Прованса

С незапамятных времен побережье от устья Роны до Арно населяли лигурийцы, воинственный первобытный, не относящийся к индоевропейской группе народ. (Некоторые исследователи склонны считать их протоиндоевропейцами.) В Провансе они ассимилировались с новой волной кельтских завоевателей (IV в. до н. э.), создав таким образом смешанную культуру. Сложилось мощное

* Проксен - гражданин, в обязанности которого входит прием приезжающих из других полисов послов и путешественников. Феодорок - гражданин, несущий расходы по приему священных послов - феооров.

кельто-лигурийское объединение салийцев с центрами в Арле и Антремоне (недалеко от Экс-ан-Прованса). Несмотря на то что их отношения с Массалией были часто натянутыми, торговые связи устанавливались быстро, тем более что кельты были более восприимчивы к греческому влиянию, чем лигурийцы. Массалия же, как отмечалось, представляла собой хорошо укрепленный, превосходный аванпост, расположенный в Сен-Блезе, его смогли разрушить лишь военачальники Цезаря. Массалийские купцы были надежно защищены. Чаще всего их принимали хорошо, в соответствии с соглашениями, заключенными с племенами внутренних областей. Бронзовая рука (начала I в. до н. э.), найденная в Провансе, — символ дружеских связей с Велавнами, племенем в Приморских Альпах.

Эмпории (торговые колонии) провансальского берега* служили перевалочным пунктом для массалийской торговли в суровой стране, где была необходима хорошая защита. Кроме того, в конце III в. до н. э. массалийцы обосновались в Гланоне (Сен-Реми-де-Прованс) у сращения торговых путей, пересекавших небольшую горную цепь близ городища, расположенного около священного источника. Здесь образовался красивый эллинистический полис, ставший центром не только торговли, но и отдыха. Апогей его развития приходится на II в. до н. э. (Гланон I археологов). Вокруг перистилия стояли дома, в плане своем напоминающие делосские жилища. Выстроены они с большой тщательностью, на греческий манер. (Их трудно изучать, так как впоследствии они неоднократно перестраивались.) Вероятно, к этой же эпохе относится первый уровень «дома Козерога», дома с колоннами, прекрасного здания в делосском стиле. Постройка сделана из больших каменных блоков длиной до 1,45 метра (без связующего раствора.) Этой же эпохой датируются храм, обширный и богато украшенный бассейн (нимфей), возведенный у чудотворного источника, около которого было найдено посвящение Аполлону-целителю, мраморный рельеф строгого стиля, изображающий танцующую богиню — олицетворение времени года (Мюнхенский музей), серебряные монеты,чеканенные от имени жителей Гла-

* Массалийскими колониями были Тавроент (Санари?), Ольбия (Гиерские острова), Антиполис (Антиб), Никая (Ницца). Из них только Ольбия благодаря недавним раскопкам достаточно хорошо изучена.

нона. Захоронения эллинизированных галлов отмечены стелами с галльско-греческими надписями.

Во II в. до н. э. после захвата страны Марием началась романизация города. В греко-римский период (Гланон II — 100—40 гг.) дома строились из бутового камня неодинакового размера, атриум заменил перистиль, появилась мозаика. (Реконструкция «дома Козерога», «дом Суллы», в котором мы видим первые образцы мозаики в Галлии.) Примерно в 40 г. до н. э., уже после взятия римлянами Массалии (Гланон III), начали возводить постройки из бутового камня одинакового размера с применением связующего раствора. Отныне он стал римским городом, застроенным при Августе прекрасными зданиями.

Подобная практика основания колоний внутри страны, кажется, была единственной в своем роде. Только торговля может объяснить быструю эллинизацию кельто-лигурийцев. Внедрялось (хотя и не очень широко) выращивание оливковых деревьев и виноградной лозы. Галльские крепости на греческий манер укрепились стенами с регулярной кладкой, что не имело ничего общего с укреплениями остальной Галлии. Вместе со вкусом к вину распространился культ Диониса. Кельты начали писать на своем языке с помощью греческого алфавита. В Провансе найдено около 40 довольно загадочных галло-греческих надписей, в том числе знаменитые посвящения Матерям (галльские богини плодородия) из Гланона.

Сложилось и кельто-греческое искусство, известное в основном по открытиям в Антремоне и Рокпертиозе. Темы изображений кельтские, но техника явно заимствована у греков. Конечно, эта скульптура осталась достаточно варварской, и, что удивительно, зародившись в III—II вв., она часто напоминает скульптуру греческой архаики, как если бы начинающие скульпторы оказались перед одними и теми же проблемами и для разрешения их прибегли бы к одним и тем же условностям. Но если сравнить эти кельто-греческие произведения с чисто кельтской скульптурой, например со стилизованной головой, найденной в Мсецке Зебровице (Чехословакия), или с изображением божества с ведром из Эфиная (Верхняя Марна), то мы увидим явный прогресс под влиянием Средиземноморья.

Греческое влияние особенно заметно в центре области салийцев Антремоне, разрушенном римлянами в 122 г. до н. э. На плато треугольной формы, перегороженном крепостной стеной, развивался, обширный полис, разделен-

ийей стеной на верхний и нижний город. В верхнем находились дома знати и святилище, в нижнем — жилища и мастерские, в которых обрабатывали металл, глину, выделывали кожу. План города — эллинистический с характерно расположенными кварталами и широкими улицами. Дома, однако, возведены из камня посредством сухой кладки или из необожженного кирпича на каменном фундаменте, крыты ветвями и производят жалкое впечатление по сравнению с домами Гланона. Все греческие предметы, во множестве найденные здесь («мегарские» чаши, родосские амфоры), привезены из Массалии. Многочисленные монеты — также в основном массалийские (в одном кладе их около полутора тысяч), но здесь же обнаружены и три аллоброгские монеты, а также несколько римских денариев республиканского времени. Мощеная дорога ведет к «святилищу духов», расположенному в верхней части города. Именно там были сделаны удивительные открытия: колонны с вырезанными в форме человеческого черепа ячейками, которые перемежаются с рисунками отрубленных голов, статуями знатных галлов в военных костюмах, изображенных сидящими или верхом. Их левая рука покоится на маске в виде отрубленной головы, в правой — железная молния, глаза полуоткрыты — это настоящие портретные изображения суровых лиц. Здесь почитали умерших великих вождей, героизированных в образе Тараниса, бога-громовержца, которого римляне отождествляли с Юпитером. Что же касается отрубленных голов, то они не обязательно были головами врагов, так как мы знаем, что галлы бальзамировали головы усопших царей и бережно хранили их. Посидоний, посетивший Галлию в начале I в. до н. э., с ужасом рассказывает об этом. Культ героев, ставших духами-хранителями, которых нужно было хранить в крепости, культ отрезанных голов — все это относится к самым глубоким верованиям кельтского мира, запечатленным в Антремоие, но выражены они в пластических формах, заимствованных у греков. Могильные мотивы местного происхождения — это острое ощущение смерти, ужасной, но и желанной одновременно, так как она открывала путь к обожествлению; по технике же исполнения они греческие.

Древние тонко чувствовали широкое движение эллинизации, которое за три века охватило всю Южную Галлию. Цезарь в «Записках о галльской войне» (I; 1, 3) заявил, что в провинции Нарбонн есть «культура» и

«гуманизм», отсутствовавшие в «лохматой» (нецивилизованной) Галлии. Согласно Страбону (IV, 1, 5), «массалийцы превратили свой город в большую школу для варваров и сделали галлов такими грекофилами, что даже деловые бумаги они составляли по-гречески». Юстин, переложивший «Историю» Помпея Трога на латинский язык, выразился еще определеннее, несмотря на то что некоторая риторическая напыщенность портит отрывок: «Под влиянием фokeйцев галлы смягчились и вышли из варварства и научились вести менее суровый образ жизни, возделывать землю и окружать города укреплениями, жить скорее под властью законов, чем оружия. Прогресс был столь блестящ, что казалось, будто не Греция переселилась в Галлию, а Галлия оказалась в Греции» (Just. XLIII, 4).

Иберы и кельты Лангедока-Русильона

Эти оценки справедливы также для области между Роной и Пиренеями, в которой влияние Массалии было не меньшим, но этнический состав был иным. Кельтская народность волькиев наложилась здесь на иберов, народ неиндоевропейского происхождения*, довольно близкий лигурийцам. Здесь сформировалась смешанная цивилизация, в которой кельтская аристократия повелевала коренным населением, связанным со старыми традициями. На озерной равнине Лангедока-Русильона население было довольно многочисленным. Люди жили в крепостях, расположенных у подножия холмов, часто у выходов долин, через которые перевозили руду к морю. Медь доставляли из Корбьера и Черной горы по рекам Эро и Орб, олово — с далеких Касситерид длинной дорогой через реки Од, Орб или Эро. Густо был заселен и район, соседствовавший с Пиренеями, куда выходил сухопутный путь, по которому привозились продукты разработки богатых кантабрийских шахт.

Массалийцы всегда вели торговлю между рекой Эро и Пиренеями в районе, который интересовал их зерновыми ресурсами и прежде всего запасами руды. В устье Эро они основали в VI в. до н. э. свою единственную в Галлии к западу от Роны колонию Агате (Агд). Раскопки на

* Видимо, баскский язык тесно, хотя и не прямо, связан с языком, на котором говорили иберы.

холме, где и сейчас находится верхний город, открыли небольшой греческий городок со множеством черепков массалийской и кампанской керамики и тремя греческими надписями — надгробной, посвятельной и в виде частного письма. Но с IV в. до н. э. область между реками Роной и Эро постепенно завоевывали кельты. Таким образом, между Роной и Пиренеями греческая торговля нашла широкое поле деятельности и оставила там бесчисленные следы в крепости, на вазах и на монетах.

Эти отношения объясняют заимствования в культуре местного населения. Совершенствовалась архитектура: более тщательно возводились укрепления; простейшие, состоявшие из одной комнаты дома стали подпирались колонной; появилась капитель, которой неумело старались придать ионический или дорический ордер. Развивалась кельто-греческая скульптура, очень сходная с провансальской; самые характерные образцы ее — воин из Грезана и балка над дверью из Нажа (Гарда), которая украшена орнаментом из перемежающихся рисунков лошадей и отрубленных голов.

Местные монеты появляются к концу II и в I в. Это серебряные монеты волькиев, иберийские бронзовые монеты неронсенов (Нарбонн), бронзовые галло-греческие монеты лонгосталетов из Битерца и города Безье, вождь которого «украсил» себя греческим титулом «басилевс». Иберы и кельты быстро привыкли писать на своем языке греческими буквами, что особенно удивительно для иберов, имевших свой собственный алфавит. Известка одна иберийско-греческая надпись на свинцовой пластинке из Эльна (Восточные Пиренеи) и около 20 галло-греческих надписей. Последние, найденные в основном в районе Нима, были сделаны на типично галльских памятниках — капители или стволе вотивной колонны (капитель Монтаньяка в Эро) и на высоких погребальных стелах, увенчанных пирамидой (памятник Эсцингорейкса в Ниме).

Очевидно, менялись и религиозные представления. Страбон утверждает, что «сами ритуалы жертвоприношений эллинизируются» («География», 4, 1). При погребении кости складывали в кратер. Кубки разбивали на погребальном костре и клали в могилы. Этот ритуал похорон греческого происхождения, он вверял умершего богу подземного мира Дионису, чтобы обеспечить покойному вечное спасение. Таким образом, торговля вином и чашами способствовала также заимствованию дионисийских

верований. На крепости Ларок около Фабрега в домах были открыты очаги-алтари для домашнего культа с вазами, у которых дно еще до обжига было продырявлено. Этот обычай, видимо, не местного происхождения, а завезенный. Некоторые местные божества получали греческие имена. Культ Геракла был издавна распространен вдоль пути, носившего его имя, нам известна Нимфа Пиренеев, между делом соблазненная героем, и Афродита Пиренайя.

Но лучшее свидетельство мы получили из Ансеруна, крепости между Нарбонном и Безье, где были проведены обширные раскопки. Около 250 г. до н. э. там находился довольно обширный город, построенный в шашечном порядке. Большие, хорошо выстроенные дома сменили хижинки и домишки. Отстроенный после разрушения кимврами около 100 г. до н. э., он просуществовал до правления Тиберия, эпохи, когда его жители окончательно покинули гористую местность и ушли на равнину. Массалийские торговцы поставляли туда товары из Средиземноморья, в частности вино (были найдены амфоры с родосскими клеймами). Монеты многочисленны, более четверти из них — массалийской чеканки; часть монет — чеканки галльских городов этой области или волькиев, часть — из испанских колоний, есть также республиканские денарии. На больших пифосах в качестве символа изображены хлебные колосья, виноградные гроздья, ионические колонны.

Таким образом, от Альп до Пиренеев Южная Галлия действительно была «греческой Галлией», как отмечал Юстин. Причина этого не в политическом влиянии Массалии, а скорее в широком распространении вкусов и стиля новой жизни, чему способствовала торговля. Какое разительное отличие от внутренней, «чистой» Кельтики, где культура оставалась более примитивной, более галльской, несмотря на то что и здесь можно проследить греческое влияние! Начиная с 125 г. до н. э. Рим, который должен был осуществлять связь со своими испанскими провинциями, оккупировал страну под благовидным предлогом защиты своих массалийских союзников от ударов варваров. Вокруг Нарбонна скоро была создана Трансальпийская провинция, которая при Августе будет называться Нарбоннской. Завоевание изменяет соотношение сил, несмотря на то что до 49 г. до н. э. Массалия оставалась независимой и, кроме того, Рим отдал ей большие территории. Но оппидумы Прованса, оказавшие сопро-

тивление, были разрушены до основания, и даже в Лангедоке, где они предпочли покориться, торговля переориентировалась на Италию, о чем свидетельствует изобилие римских монет.

Итак, Массалия хиреет еще до своего политического краха. Рим приходит на смену фокейскому полису, который в римскую эпоху становится приятным убежищем для изгнанников и университетским городом, ревностно относящимся к греческой культуре, сохраненной на протяжении стольких веков. На смену торговому и духовному владычеству приходят военная оккупация и экономическая эксплуатация. Но печать, наложенная Массалией на юг Франции, не исчезает. Если в Нарбонне мы видим несравненную цивилизацию, то это потому, что с эпохи ранней архаики она подвергалась влиянию греческой культуры.

Иберы и кельты в Испании

Иберы удержались на Средиземноморском побережье Испании и в области Тартесса, тогда как кельты занимали всю Месету, смешавшись с коренным населением в верхнем течении Эбро (вокруг города Нуманция) и образовав народ кельтиберов. Они давно испытывали греческое влияние, как и их кельтизированные собратья в Лангедоке-Русильоне.

Главная массалийская колония в этом районе — Эмпорий — бурно развивалась. Он был расположен на богатых хлебом землях области Ампурдана между устьями рек Флувии и Тера, которые обеспечивали связь с внутренними районами страны. Его монеты находят на всем пространстве от Роны до Гибралтарского пролива, особенно их много в Каталонии и приморском Лангедоке. Новый город (Неаполис), расположившийся на континенте (вероятно, с конца VI в. до н. э.), напротив острова Палайополис, разросся настолько, что вокруг него построили еще одну линию укреплений (III в. до н. э.). Большая часть его памятников датируется эллинистической эпохой: агора, окруженная портиком, рядом с большой общественной цистерной, храм Асклепия и Гигиен, где найдена прекрасная культовая скульптура в стиле Фидия. Дома были довольно скромными, из трех-четырех комнат, иногда украшенных мозаикой; один из ее сюжетов посвящен Доброму духу. Рядом находилось иберийское поселение Индика.

Торговые отношения с местным населением основывались на обмене руды и хлеба на вино, оливковое масло, керамику, произведения искусства. И это влекло за собой быструю эллинизацию коренного населения, особенно заметную в иберийском искусстве. В тщательно построенных зданиях использовали греческие колонны. Настоящие храмы с антами построены в Серро-де-лос-Сантосе и Льяно-де-ла-Консолясьоне. С IV и особенно в III в. до н. э. достигла расцвета и скульптура; интересные произведения продолжали появляться вплоть до образования Империи. В святилищах найдено множество оригинальных скульптурных изображений животных (львов, быков, сфинксов) и людей. Только в Серро-де-лос-Сантосе обнаружен впечатляющий ансамбль из двухсот фигур молящихся и задрапированных женщин.

Самая замечательная скульптура — «Дама из Вульчи» — может быть, согласно определению Т. Рейнака, «испанкой по моде и одеянию... финикиянкой по украшениям, гречанкой по общему стилю». Это произведение заслуженно пользуется высокой репутацией. Неизвестно, что нас больше восхищает: горестное и одновременно жесткое, высокомерное и величественное выражение лица или обилие декора — сложная прическа, увенчанная митрой, плоская лента, с которой по обе стороны головы свисают массивные кольца с умбой в центре, богатое трехрядное ожерелье. Эта таинственная женщина — царица или жрица — имеет ярко выраженный местный тип лица, украшения ее напоминают некоторые изделия карфагенских мастеров, но техника исполнения самой скульптуры, безусловно, греческая, в частности лепка лица, драпировка платья, облегающего тело, крупные складки плаща. Маловероятно, что скульптор, способный создать столь выразительный портрет, мог брать уроки где-либо, кроме греческой мастерской. Время создания этого шедевра из Вульчи, видимо, значительно более позднее, чем думали раньше, когда пытались проводить параллели с аттическим искусством V в. до н. э. Его можно датировать лишь началом эллинистической эпохи (по мнению некоторых ученых, серединой IV в. до н. э.), так же как и большие статуи из Серро-де-лос-Сантоса.

Искусство мелкой пластики испытало не меньшее греческое влияние, о чем свидетельствуют бронзовые изделия из святилищ Деспенаперрос и Кастелляр-де-Сатиестебан, обильно украшенные на восточный манер. Терракотовые фигурки, в частности из Ибисы (Балеарские остро-

ва) говорят об одновременном пуническом и греческом влиянии.

Но монументальная живопись и керамика вдохновлялась, конечно, только греческими образцами. В IV в. до н. э. геометрический орнамент на вазах сменяется богатым декором из фигур животных и людей. На вазах из Сан-Мигель-де-Лирии с несколько варварской выразительностью представлены сцены охоты и рыбной ловли, ритуальные церемонии. Нужно признать ограниченность этой эллинизации, степень которой быстро уменьшалась по мере продвижения по Месете. Она не препятствовала проникновению других влияний, в частности карфагенского (о карфагенском владычестве в Испании III в. до н. э. см. ниже), но вызванные ею изменения были не менее глубокими, чем в Южной Галлии. Особенно характерным для обеих областей представляется то впечатление, которое произвела скульптура (одно из высочайших достижений греческой цивилизации) на местное население. Оно было столь глубоко, что иберийцы подражали ей в передаче собственных идей. И когда римляне отвоевывали Испанию у пунийцев (образование обеих римских провинций в Испании датируется 197 г. до н. э.), они открыли благодаря влиянию Греции не совсем варварскую страну.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Центральное Средиземноморье в начале эллинистического периода было поделено между двумя аристократическими республиками — Карфагеном и Римом, бывшими вначале союзниками, но вскоре ставшими соперниками. Греческая цивилизация оказала еще более сильное влияние на них, чем на варварские народы Европы.

Преобразования в Карфагене

Древняя финикийская колония уже не стремилась к изолированности, как в предыдущие эпохи. Но открытость усугубляла серьезные социальные конфликты. Народ, стремившийся отеснить от власти аристократию, требовал осуществить свои права после поражения Карфагена в Первой Пунической войне и восстания наемников. Большая семья Баркидов использовала это недоволь-

ство и устремилась в Испанию. Их действия весьма напоминают военные операции Александра и диадохов. Гамилькар (высадился в Испании в 237 г. до н. э.), его зять Гасдрубал и сын Гамилькара Ганнибал поочередно установили там свое влияние. Государство, которое они создали в Испании, опиралось на наемную армию и имело много черт эллинистической монархии. Баркиды проводили политику ассимиляции, женились на иберийских принцессах, возводили столицу — Новый Карфаген (Картахену), чеканили монеты, на которых изображали себя царями, увенчанными диадемой.

После почти двухвекового перерыва Карфаген вновь начал торговать с греческим миром. Особенно тесные отношения были установлены с птолемеевским Египтом, Родосом и Кампанией. Карфаген стал чеканить монеты с 350 г. до н. э. (и даже на подвластной Карфагену части Сицилии — с начала IV в. до н. э., для оплаты услуг наемников), их финикийский эталон был тот же, что у Птолемея. Карфагенские купцы ездили в Афины и на Делос. Фивы в Карфагене имели одного проксена. Плавт, вдохновясь греческой комедией, описал высадку пунийского купца в Калидоне, где у него был торговый партнер. Торговля основывалась на обмене греческих товаров на продовольственные продукты из Магриба и минералы, вывезенные из Тропической Африки (золото с россыпью Гамбии) или с Британских островов (олово). Эллинистические вещи многочисленны и в самом Карфагене, и в некрополях мыса Бон (керамика, бронзовые изделия, слоновая кость). Там найдена прекрасная александрийская ваза с изображением мужской головы на крышке и лягушки (египетского символа воскрешения) внизу.

Искусство также менялось. Конечно, не монументальное: тип храма остался финикийским, и только позже на скульптурные украшения начали влиять греческие образцы. Но религиозная и погребальная скульптура эллинизировалась. Стелы тофетов (святилища, в которых приносили в жертву детей) повторяют формы маленьких храмов с фронтоном, акротерием, антаблементом, ионическими колоннами. Появились греческие религиозные символы и элементы декора (Гермес, Сатир, кратер, растительный орнамент). Саркофаги, найденные в некрополе в Сент-Монике, имеют крышки, украшенные статуями божеств. Лучшая из них изображает Танит, отождествленную с Исидой, одетую в костюм, имитирующий перья птицы. Мастера короластики копировали сицилийскую

терракоту, а литейщики — итальянские бронзовые ойнохои (кувшины для вина). Эти влияния можно частично объяснить тем, что в Карфагене обосновывались греческие мастера, самым известным из которых был Боэт.

В души людей проникала греческая религия. В договоре, заключенном Ганнибалом и Филиппом V после битвы при Каннах, боги, упомянутые в клятве карфагенян, носят греческие имена, как если бы пунийцы хотели показать близость обоих пантеонов. Греческих богов, названных в клятве, трудно идентифицировать с пуническими божествами. Тем не менее можно предложить следующие параллели: Зевс — Баал-Хаммоу; Гера — Танит; Геракл — Мелькарт; Арес — Адад. Почитание Деметры и Коры было торжественно введено в 396 г. до н. э. во исполнение святотатства, совершенного Гамилькаром во время осады Сиракуз. Им был посвящен храм на холме Бордж-Джедид, в Карфагене их культ на греческий манер отправляли греческие женщины. Во время раскопок обнаружено множество сосудов для жертвенных возлияний (цернов), а в могилах — статуэтки богинь, одна из которых несет другую. С IV в. до н. э. ханаанейский бог-дитя Шадрапа отождествлялся с Дионисом. На погребальных стелах тофета мы видим кроме дряхлого Гермеса дионисийские знаки: кратер, плющ, виноград, итифаллический Сатир. В захоронениях найдены изображения виноградных гроздьев и фаллических символов.

В Карфагене появилась новая эсхатология, отвечавшая тем же тревогам, что и в эллинистическом мире. Распространение заимствованной у греков кремации свидетельствует о существовании веры в переселяющуюся душу, которую освобождал огонь. На надгробиях можно видеть рисунки, символизирующие такую душу (например, Сфинкс на мавзолее нумидийского правителя в Дугге — II в. до н. э.). Для обретения вечного спасения обращались к Деметре и Дионису, поскольку древние верования в темную пещеру Шеол уже не удовлетворяли людей.

Конечно, все эти новшества не имели глубокого характера. Пуническое искусство продолжало лениво фабриковать традиционные безделушки. Главными богами оставались Баал-Хаммон и Танит, разве что ужасные ритуалы в тофетах смягчились в результате замены в ритуале жертвоприношений детей животными. Даже будучи широко открытым в сторону Средиземноморья, т. е. грече-

ского мира, Карфаген не изменил своему семитскому прошлому.

В империи Карфагена

Греческое влияние, видимо, понемногу распространилось по обширной империи, которую создал Карфаген.

Мы уже отмечали феномен Испании, где сосуществовали пунические и греческие колонии. Корсика и Сардиния, где преобладал элемент местной культуры (лигурийской для Корсики, иберийской для Сардинии), должны были принять гегемонию Карфагена, под которой они оставались до аннексии их Римом в 238 г. до н. э. Но греческое влияние чувствовалось и там. Недавние раскопки на Корсике показали, что Алалия была частично греческой. Ольбия на Сардинии, где найдено несколько греческих надписей, была связана торговлей с Массалией.

Магриб, вначале частично контролируемый пунийцами, находился под влиянием карфагенских традиций * и после падения метрополии, но и туда, в свою очередь, проник эллинизм. С IV в. до н. э. на севере Марокко и в алжиро-тунисском Телле появились царства мавров и нумидийцев. Затем их цари переняли восточный авлический обычай, установили царский культ, начали чеканить монеты, содействовали градостроительству. Они, как показало изучение монет, скопировали испанское государство Баркидов. Таким образом, вторичное греческое влияние превратило их в эллинистических князьков. Самый значительный из них — Масинисса, нумидийский царь, столица которого находилась в Цирте (Константин), обеспечивал зерном Афины и Делос, а один из его сыновей был победителем в Афинах на Панафинейских играх. Его преемник Миципса привлекал к своему двору образованных греков.

Недавние раскопки в Марокко открыли несколько городов, которые при сохранении пунических традиций (в частности, прежними были простейшие жилища) испытывали греческое влияние. Тамуда, в 15 километрах от

* Население Магриба, если не считать пунического меньшинства, — ливийское. Ливийцы (предки берберов) относятся к хамитской языковой семье. Они занимали обширнейшую территорию от оазиса Сива до Атлантики, от суданской саванны до Средиземного моря и делились на несколько народов (нумидийцы, мавры, гетулы и др.),

моря, в провинции Тетуан, построена по Гипподамову плану, в шашечном порядке, с агорой. В Ликсе — древнефиникийской торговой колонии — находились два эллинистических храма, посвященные, очевидно, Гераклу-Мелькарту. Они были построены из обтесанных камней, как и укрепления, возведенные около 100 г. до н. э. В Сале, в широком устье Бу-Регрега, сохранилось здание, выполненное эллинистической кладкой. Во внутренних районах, в Волубилисе, также окруженном тщательно построенными укреплениями, есть три храма доримского времени, один из них пунического, два других греческого типа. На монетах Тинги (Танжер) мы видим изображение головы Деметры. В Ликсе была найдена статуя Адада, изображенного в виде Океана. Дискутируется вопрос, были ли прекрасные бронзовые греческие изделия Волубилиса и Ликса ввезены торговцами в начале эллинистической эпохи или собраны позже Юбой II. Во всяком случае, проникновение эллинизма повсюду, несмотря на сопротивление пуническо-мавританской цивилизации, не вызывает сомнений. Оно могло быть результатом сознательной деятельности мавританских царей, эллинизированных гораздо ранее Юбы II.

Греческий Рим

Эллинизация Рима началась очень давно. Две основные даты этого процесса следующие: 343 г. до н. э. — подписание договора с Капуей, который ориентировал интересы Рима в сторону глубоко эллинизированного района, и 272 г. — взятие Тарента, завершившее завоевание Великой Греции. Отныне политические и военные контакты с эллинистическим миром, постепенное завоевание восточной части Средиземноморья, приток с Востока рабов ускорили процесс эллинизации. Напрасно некоторые государственные деятели пытались остановить его. Катон Старший ввел законы против роскоши, в 186 г. до н. э. сенат принял суровые меры против вакханалий, но ему не удалось изгнать Вакха и победить мистицизм. Эллинизм был непобедим, потому что социальные условия в Риме подверглись глубоким изменениям. Граждане полиса делились на аристократию и плебс, одинаково жадных до развлечений. Народ проявлял интерес к предсказаниям радикальных перемен некоторых политических мыслителей Греции.

Всемогущество царей Востока задевало самые благородные умы. Первым полководцем, который поставил жажду власти выше сохранения республиканских интересов, был, безусловно, Сципион Африканский Старший. После того как победа при Заме вознесла его к зениту славы, он буквально задушил государство своей высокомерной гордостью. Как эллинистический царь, он проводил семейную политику, поручив своему брату Луцию ведение войны в Сирии, чтобы тот обучился военному искусству. Этот «сверхчеловек» не довольствовался почестями, воздававшимися ему людьми, и Энний обещал ему счастливую вечность³. Обвиненный в коррупции, Сципион с пренебрежением отказался оправдать себя и гордо удалился в изгнание.

Сулла пошел дальше: он попытался основать в Риме монархию. Однако, неспособный твердо взять власть о свои руки, он предпочел удалиться в Кампанию, нежели довольствоваться ограниченной властью (согласно гипотезе Ж. Каркопино). Цезарь мечтал о диадеме базилиевса, а Антоний, покоренный Востоком и восточной женщиной, — о создании теократического царства.

Следуя греческому примеру, расширяются торговые связи. С 326 г. до н. э. Рим начал чеканить в Кампании свои первые серебряные монеты — «римско-кампанские дидрахмы». Довольно быстро он приобщился к денежной экономике. С 289 г. до н. э. Рим поменял греческий эталон на систему, основанную на римском фунте, а с 269 г. перенес мастерские в город. В 179 г. в Остии был построен большой порт эллинистического типа. Отныне крупных торговцев и банкиров Италии от своих восточных конкурентов отличала лишь еще большая алчность.

Самые заметные изменения произошли в жилище и в повседневной жизни. Традиционный дом с атриумом дополнился расположенным сзади перистилем. Полы покрылись мозаикой, а стены — живописью, прекрасные образцы которых донесли до нас Помпеи и Геркуланум. Старую деревянную мебель заменили столы из мрамора и кровати из бронзы. Богачи почувствовали вкус к пышной одежде и пиршествам, на которых одни изысканные блюда сменялись другими. Рим становился, все краше благодаря не только новым зданиям, но и ввозу награбленных шедевров со всего Востока.

Все это очень пагубно влияло на умонастроения римлян. Старое патриархальное общество рушилось. Власть отцов семейств оспаривалась, Женитьба на деньгах и раз-

воды становились все более частыми. Лихорадочная погода за удовольствиями пришла на смену суровому быту прошлого.

Кружок Сципионов

Эллинизм стал похож на «ящик Пандоры». Новая утонченность появилась в некоторых аристократических кружках «поколения 160-х годов» (П. Гримал), в частности в кружке Сципионов. Уже Сципион Африканский Старший, скомпрометировавший себя тем, что каждый день брился и прогуливался в греческом костюме, был другом Энния. Сципион Эмилиан, у которого были греческие учителя и который обладал библиотекой паря Персея, привезенной Эмилием Павлом, окружил себя близкими друзьями-учеными, греками (Полибий, Лелий, прозванный Мудрым, Теренций, Панэтий Родосский...). Некоторые из них оказали на него сильное влияние, например Панэтий, предложивший рациональную и вместе с тем человеческую дисциплину среднего стоицизма, и Полибий, который, как писал П. Педеш, несколько обуздал его воображение и чувственность и принудил, не без ущерба для блестящей личности, ставить метод и размышление над горячностью и страстью.

Кружок бурлил смелой мыслью. Осуждали народное правительство как худшее из возможных и оправдывали приход к власти просвещенных аристократов. Религиозный скептицизм развивался потому, что религия служила великолепным инструментом в руках ловких политиков. Стоицизм обладал большой притягательной силой. Действительно, члены кружка Сципионов презирали вульгарные, портившие нравы проявления эллинизма. Цензорство Эмилиана напоминало цензорство Катона. Сципион заявил народу, что «хочет быть ему полезен, как полезен строгий ошейник собаке», и выразил свое крайнее недовольство во время посещения школы танцев. Члены кружка проповедовали и практиковали простоту и чистоту жизни. В честь похорон Сципиона Квинт Элий Туберон дал столь умеренный обед, что в народе начались пересуды. Короче говоря, наиболее осмотрительные аристократы с удовольствием приобщались к очищенным формам эллинизма и пренебрегали грубыми его проявлениями.

Пробуждение литературы и искусства

Художественная литература, находившаяся до этого в зачаточном состоянии, по-настоящему рождалась во второй половине III в. до н. э. Сначала появились театр и эпическая поэзия. Трагедия и комедия заменили примитивные драматические формы, местные или перешедшие от этрусков или осков, и заимствовали греческие сюжеты. Особенно явно это проявилось в «комедии греческих нравов» — паллиате (от слова «паллиум» — греческий плащ). Эпическая поэзия вдохновлялась грандиозной борьбой Рима против Карфагена, но художественные приемы, которые в ней использовались, были греческими. Старый латинский сатурнийский стих быстро уступил место греческим размерам, столь разнообразным и выразительным. Одновременно развивалась и история, но первые анналисты Квинт Фабий Пиктор и Люций Цинций Алимонт писали только по-гречески.

В создании искусства и литературы значительную роль играли эллинизированные районы Италии, особенно Южной. Наиболее выдающиеся представители культуры испытали на себе сильное греческое влияние: Ливий Андроник, тарентийский раб, отпущенный впоследствии на свободу, перевел «Одиссею» Гомера и создал трагедии на сюжеты из троянского цикла (он особенно дорог Риму, так как здесь издавна был распространен миф о приезде Энея в Лацию) и комедии; Андроник основал школу поэтов по образцу «ассоциаций» в Греции; Гней Невий, римский гражданин кампанского происхождения, в «Пунийской войне» воспел борьбу Рима с Карфагеном и сочинил еще ряд пьес; Тит Макк Плавт из Умбрии первый из римских писателей сосредоточился на одном жанре — на комедии; мессанец Квинт Энний, получивший право гражданства, нарисовал в «Анналах» широкую картину возвышения Рима от Энея до Второй Пунической войны и в своих психологических трагедиях переложил Еврипида.

Следующее поколение испытало не меньшее влияние Греции. Самый известный трагик Луций Акций также подражал Еврипиду, а комедиографы контаминировали интриги различных греческих комедий. Лучший из них, Теренций, глубоко воспринявший все наиболее человеческое, что несла греческая культура, прежде был африканским рабом. Можно ли привести более яркий пример единства средиземноморского мира, чем образ этого бер-

бера, переводившего на латинский греческие пьесы? В это же время Катон Старший в «Началах», стараясь избежать подражания первым анналистам, по-латыни повествует о римских завоеваниях.

Тит Лукреций в I в. до н. э. прекрасно выразил в стихах философию Эпикура. Цицерон с несравненной легкостью манипулировал исократовским стилем изложения; не меньше зависели от греческого красноречия и его соперники, как, например, Гортензий, стремившийся расцветить свою речь в азиатическом стиле, или горячий сторонник атицизма Брут, который составил свод древних правил риторики. Саллюстий использовал Фукидида как пример для подражания; Катулл подражал Александрийцам и в своей интимной лирике, и в мифологической галантной «Свадьбе Пелея и Фетиды».

Поэты августовской эпохи с радостью поддаются греческому влиянию. Гораций заимствует метрику Алкея и Сапфо и восклицает: «Грекам Муза дала гений и складные речи, грекам, жадным только до славы» («Наука поэтам», стк. 324); Вергилий, подобно Александрийским поэтам, последовательно создает буколики, дидактическую поэму и эпопею. Эллинистическое влияние еще более очевидно в пламенных и чисто условных «*Carmina*» элегиков, и Проперций имеет полное право называть себя «римским Каллимахом».

Вся римская литература республиканского периода и времени Августа отличается от современной ей эллинистической литературы только языком, на котором она написана. Это не означает, что у нее нет своих особенностей — они есть, подобно тому как они были в литературе Коса, Александрии или Афин. Самый типичный пример — Вергилий. Тема его буколик и георгик традиционна для Александрийских поэтов, но разрабатывается она по-новому — с точки зрения проповедуемого Августом возврата к земле. «Энеида» (по замыслу схожая с «Илиадой» и «Одиссеей») проникнута римским патриотизмом и преданностью императору и его роду.

Эллинизация искусства прослеживается уже с начала V в. до н. э.; так, храм Авентинской триады украшался греческими мастерами — Дамофилом и Горгасом. Но Рим долго еще оставался скромным городом. В эпоху Пирра, как сообщает Плиний Старший (16, 32), крыши домов делались из дранки. Однако понемногу он украшался и принимал все более и более величественный облик. Чаше стали применять мрамор. На Форуме возвели базилики:

базилику Порция (184 г. до н. э.), базилику Эмилия (179 г. до н. э.) и базилику Семпрония (169 г. до н. э.). В Рим приехали греческие архитекторы. Так, Гермодор из Саламина на Кипре, привезенный Квинтом Цецилием Метеллом Македонским, возвел для него на Марсовом поле в центре широкого портика храмы Юпитера Статора и Юноны (146 г. до н. э.), потом для Децима Юния Брута, консула 138 г. до н. э., он строит храм Марса — это первые в Риме мраморные храмы. И действительно, постепенно на смену кирпичному этрусско-италийскому храму, часто построенному на высоком подиуме, приходит мраморный греческий храм — периптер. Существовала тенденция замены этрусского ордера греческими ордерами. Святилища в Ларго Аргентине хорошо показали эту эволюцию: храм С конца IV в. до н. э. — этрусско-италийский, так же как и храм А III в. до н. э., но к этому последнему в I в. добавили коринфский перистасис; круглый храм В начала II в. до н. э. построен в греческом стиле. Из трех храмов, примыкающих к *Forum olitorium* («Рынок зеленщиков») II—I вв., один — дорический периптер, другой — ионический периптер, третий окружен колоннами только с трех сторон. В I в. до н. э. Помпей строит на Марсовом поле храм Венеры Виктрикс, первый в Риме каменный театр, портики, разбивает сады. Вне Рима отметим хотя бы величественные святилища Фортуны Примигении на акрополе Пренесте, который представляет собой (возможно, со II в. до н. э. и, во всяком случае, со времен Суллы) гармоничный ансамбль (выполненный по образцу Пергама) террас и портиков, расположенных один над другим и достигающих кульминации в гемицикле и толосе.

Не меньше эллинизировалась и скульптура. Культ изображений предков и прославление героев способствовали быстрому развитию портрета, который еще более усиливал веризм эллинистического портрета. Одновременно появились барельефы на исторические темы. После битвы при Пидне Эмилий Павел возвел в Дельфах колонну, украшенную батальными сценами, прославлявшими его победу. Именно греческий художник превознес победоносного римского полководца, победившего греков. В самом Риме первым подобным барельефом, видимо, был так называемый алтарь Гнея Домиция Агенобарба (около 40 г. до н. э.). Великие классические произведения все чаще и чаще копировались неапатическими скульпторами. Самым знаменитым из них был Паситель,

получивший в Риме право гражданства в 89 г. до н. э. Он разрабатывал чисто национальные темы и ставил себе в заслугу формальное возвращение к урокам прошлого.

Живопись появилась около 300 г. до н. э. вместе с Фабием Пиктором, который, несмотря на свое аристократическое происхождение, изобразил в храме на Квиринале эпизоды второй самнитской войны. Древнейший из сохранившихся до наших дней памятников — это фреска на Эсквiline с изображением батальных сцен.

Истоки римско-кампанской живописи следует искать в эллинистическом декоре; она отнюдь не восходит к итало-этрусской традиции. В Помпеях периода «первого стиля» (примерно до 90 г. до н. э.), испытавшего сильное восточное влияние, карнизы и пилястры украшались неfigurативными узорами. В период «второго стиля» (90—30 гг.) были популярны сцены с иллюзорными эффектами, открывавшие простор воображению.

Философские спекуляции и мистицизм

Самый конкретно мыслящий из народов входил во вкус философии. В 155 г. до н. э. Афины отправили в Рим в качестве послов схолархов своих самых знаменитых школ — Ликея, Академии, Стои. Карнеад произвел скандал двумя своими противоречившими одна другой лекциями на одну и ту же тему. Наиболее ярким очагом философской мысли был кружок Сципионов, и не случайно Цицерон избрал его местом действия своих философских диалогов. Вскоре философы начали стекаться в Рим, и, несмотря на то что их часто высмеивали, они оказали положительное влияние на римскую культуру.

Мы уже рассматривали влияние Академии, эпикурейства и стоицизма на Рим и вопрос о том, насколько развитие этих школ находилось в русле их эволюции в эллинистическом мире. Однако существовало еще одно древнее философское учение, которое высоко ценил Аристотель и которое на протяжении последующих веков сохранило многочисленных сторонников среди выдающихся личностей, — это учение Пифагора (о влиянии пифагореизма на ессеев см. выше). Оно пустило корни преимущественно на Западе (сам учитель обосновался в Кротоне). Пифагореизм возродился в Риме в I в. до н. э. и пережил эпоху расцвета, известную под названием неопифагореизма.

Пифагореизм имел древние корни в Риме, где ему следовал Аппий Клавдий (цензор 312 г. до н. э.). Он прочно укоренился там, распространяемый эмигрантами и рабами из Великой Греции. Энний и Катон Старший исповедовали пифагореизм. Утверждали даже (несмотря на несовпадение во времени), что римский царь Нума Помпилий брал уроки у Пифагора. В течение долгого времени пифагореизм пребывал в забвении, из которого возродился в I в. до н. э. Он привлекал многие души, отталкиваемые более рациональными учениями, присущим ему мистицизмом, обещанием бессмертия, строгой моралью и ортодоксальностью. В мире, раздираемом ненавистью и гражданскими войнами, пифагорейские братства являли собой пример дружбы и согласия. Самое известное братство объединялось вокруг Павла Нигидия Фигула, мага и проповедника, стремившегося привлечь народ к своей вере. У него в доме происходили настоящие мистерии, во время которых комментировались священные речи, приписываемые Учителю, и орфические сочинения. Он дарил своим сторонникам прозрение во всех областях знания: астрономии, физике, филологии, естественной истории, морали и теологии. Будучи, как и Пифагор, пророком, Нигидий Фигул мог якобы вступать в контакт с божеством и узнавать будущее. Авл Геллий («Аттические ночи», 19, 14) говорит об этом мистагоге, чудотворце и мыслителе как об одной из двух интеллектуальных опор своего века наряду со своим учеником великим Варроном, который просил похоронить его по пифагорейскому ритуалу. Нигидий Фигул — друг Цицерона, как и Диодота, стойка с уклоном в пифагореизм, которому он оказывал гостеприимство. Отец и сын Секстин открыли пифагорейскую школу, оказавшую значительное влияние на общество.

Таким образом, речь идет о настоящей страсти к философии в смутную эпоху, когда люди желали найти основы бытия и морали. Различные философские школы не только горячо спорили между собой об этих основах и об идеальном правителе, но и влияли одна на другую, заимствовали идеи; это относится, в частности, к платонизму, стоицизму и пифагореизму. Ничто не свидетельствует о подобной философской эклектике лучше, чем личность Цицерона. Блестящий оратор с изменчивыми привычками, он охватил все системы: эпикуреизм Лукреция, первым издателем которого он был, стоицизм (всякий раз, когда касался морали), пифагореизм (в великопепном

«Сне Сципиона»*), Академию (в своих последних диалогах).

Под греческим влиянием появится новое право, менее формальное и более человеческое. Арбитраж стал пространной процедурой в суде. Магистраты принимают во внимание дотоле неизвестный принцип *bona fides* (по чистой совести).

Древнеримская религия с присущим одухотворением всего сущего и странными ритуалами не исчезла, но в то же время происходила ее эллинизация, начавшаяся в эпоху архаики. Издавна великие боги римского пантеона отождествлялись с греческими богами. Аполлон, типичный греческий бог, единственный, кто сохранил свое имя, в Риме поощряет принятие греческих ритуалов и церемоний и способствует развитию открытой и «братской» религии — полной противоположности проникнутой холодным ритуализмом римской традиционной религии. Поклонение Аполлону способствовало сначала возрождению пифагореизма, затем, во времена Суллы, возобновлению почитания Сивиллы. Церера приняла мистическое и трагическое обличье Деметры, матери Персефоны, и почиталась на греческий манер в священном обряде, посвященном Церере, во время которого римские матроны соблюдали пост и половое воздержание в течение девяти дней. Венера, прежде почитавшаяся как дух женской плодovitости и хозяйка огородов, становится царственной богиней любви.

Но традиционные греческие боги уже не удовлетворяли ни римлян, ни самих греков. И на Рим обрушился восточный мистицизм, влияние которого было особенно сильным во время жестокого кризиса Второй Пунической войны. В 293 г. до н. э. Асклепий был водворен на один из островов Тибра в образе змеи и под именем Эскулапа⁴. После Канн начали ездить за советом в Дельфы, а в 212 г. до н. э. Аполлону посвятили новые игры. Поскольку эти меры оказались неэффективными, в 204 г. до н. э. из Пергама привезли Великую мать Пессинунта, которую в виде черного камня водрузили на Палатине. Вакхические мистерии соблазняли тех, кто плохо отличал мистицизм от натуралистических культов. В 186 г. до н. э. сенат был вынужден принять суровые меры про-

* В произведении «О республике» (кн. VI) Сципион Эмилиан видит во сне своего предка Сципиона Африканского, который предсказывает будущее его рода. Центральная идея - бессмертие в гармонии небесных сфер - явно пифагорейская.

тив скандальных оргий-вакханалий. Последовали ужасные кары: 7 тысяч человек арестовали и большую часть из них обезглавили.

Великие честолюбцы Рима, подобно эллинистическим басилевсам, домогались помощи богов. Сципион Африканский Старший любил подниматься на Капитолий, рядом с которым располагался его дом, чтобы побеседовать с Юпитером, за чьего сына он себя выдавал. Сулла Феликс («Счастливец»), находившийся под покровительством Фортуны, был горячим поклонником Венеры. Помпей просил помощи у Венеры Генетрикс, но напрасно. Его победитель Цезарь находился в лучшем положении, чтобы требовать покровительства Венеры, так как через своего предка Энея он сам был потомком богини. Помпей Младший объявил себя сыном Нептуна.

Конечно, за всеми этими проявлениями эллинизации сохранился древнеримский фон с конкретным и прагматическим мировосприятием, недоверием к умозрительным построениям и поискам лучшей жизни: кто-то тонко заметил, что в латинском языке названия овощей — латинские, а цветов — греческие. Но волне эллинизма невозможно было сопротивляться, так как нужды и стремления были одинаковыми в Италии и в восточной части Средиземного моря. С III в. до н. э. Рим стал эллинистическим полисом. Лучшие из его граждан не забыли долгов. Цицерон напомнил своему брату, что тот повелевает греками, «народом, который не удовлетворяется своей цивилизованностью, а заявляет, что является колыбелью цивилизации» («Письма брату». I, 1, 27). Вергилий провозгласил в «Энеиде»:

Смогут другие (т. е. греки.- П. Л.) создать
изваянья живые из бронзы
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движения неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды...

(VI, 848 и сл. Пер. С. Ошерова)

Плиний Младший наставляет своего друга Максима, посланного править в Ахайю: «Подумай, что тебя посылают в провинцию Ахайю, эту настоящую, подлинную Грецию, где, как мы верим, впервые появилось образование, науки и само земледелие...» (Письма. VIII, 24. Пер. А. И. Доватура.)

В подчиненной Италии

В Центральной и Южной Италии, в эпоху эллинизма подчиненной Риму, греческое влияние осталось сильным, особенно в двух областях, куда оно проникало еще в архаическую эпоху.

В Этрурии (Центральная Италия) искусство испытывало последний подъем и повсюду демонстрировало эллинистическое влияние — как в скульптуре, которая породила произведения такого уровня, как «Минерва» из Ареццо или «Аррингаторе» («Оратора») из Флоренции, так и в видах искусства, относящихся к погребальному ритуалу. Памятники подобного характера очень разнообразны: урны, украшенные барельефами, с крышкой, часто со скульптурным реалистическим портретом; подземелья, расписанные большими фресками (гробница Франсуа или гробница Тифона, которую можно датировать I в. до н. э.). Терракотовые статуи («Аполлон сидящий» из Фалери, фронтоны «Дионис и Ариадна» и фриз с изображением галлов из Чивита-Альбы) свидетельствуют о великолепном владении греческой техникой и зачастую о явной приверженности патетическому барокко Пергама.

На смену исчезнувшей в начале III в. до н. э. керамики греческих колонистов юга Италии в Кампании появилась керамика, заполнявшая в течение более двух веков рынки Запада. Она производилась в основном в Кале и Теане Сидичине и имитировала растительный эллинистический орнамент (белый на черном фоне) или чаши с рельефом — дешевый заменитель металлических ваз. Монументальное искусство также эллинизировалось, в частности фрески оскских подземелий в Пестуме или похожие на архаические идолы святилища Фондо Патурелли в Капуе. Велик интерес к спектаклям: возникновение театра в Помпеях восходит к началу II в. до н. э.

Северная Италия, подпавшая под власть римлян только в конце III — начале II в., продолжала поддаваться очарованию эллинизма. В этой области с запада на восток различают три зоны расселения: лигурийцы на своих больших кораблях о пятью рядами гребцов торговали по всему Западному Средиземноморью и покупали кампанские вазы, бронзовые изделия этрусков и стеклянные изделия пунийцев; галлы торговали с этрусками, у которых приобретали зеркала, драгоценности, подсвеч-

ники, греческие или этрусские вазы; вены очень рано подпали под влияние греческой колонии Адрия.

ВНУТРЕННИЕ РАЙОНЫ АФРИКИ

Даже пустыни Африки и Аравии не были непреодолимым препятствием для распространения эллинизма, но он оставил там не столь глубокие следы.

Греческие ученые, купцы и солдаты в Нубии

Связи между Египтом и внутренними районами Африки через среднюю часть долины Нила существовали издревле. Гомер упоминает битвы пигмеев с журавлями, Геродот описывает путешествие до Мероэ 5. Но впоследствии из-за крайнего ослабления Египта связи были прерваны. И только когда Птолемеи вновь установили сильную власть, они получили мощный толчок к развитию.

Возобновлению связей способствовала любознательность. Проблема разлива Нила продолжала волновать умы. В IV в. до н. э. наибольшее распространение получили две гипотезы. Согласно Эфору, который следствию принимал за причину, разлив происходил из-за накопившейся в расселинах воды, откуда она выделялась летом, подобно тому как испарина выступает из пор на коже. По мнению других, возможно в том числе Евдокса Книдского, источник Нила находится в умеренно южной зоне, где летние дожди (как в северной зоне — зимние) вызывали речной паводок. Ученые эллинистической эпохи вслед за Аристотелем, который, очевидно, просил Александра провести необходимые исследования, допускали, что причиной наводнений являлись летние дожди в Эфиопии — объяснение верное, хотя и не исчерпывающее.

Картографы также требовали проведения глубоких исследований. Эратосфен, используя «Плавание в Эфиопию» Филона (начало правления Птолемея Филадельфа), вычислил широту Мероэ и принял параллель этого города за самую южную координату своей карты мира. Ему было известно, что русло Нила между вторым и шестым порогами изгибается в форме лежащей буквы N, ему были также известны Атбара, Голубой Нил (Астапус гре-

ков), большой «остров» между Голубым и Белым Нилом.

Этот прогресс стал возможным также благодаря возобновлению экономических связей, которым, очевидно, способствовали военные операции. Нил отнюдь не представлял собой удобный водный путь, так как перегорожен порогами и пролегает по враждебной человеку пустыне. Торговля шла по караванным тропам: на западе путь, начинаясь у реки, далее проходил через довольно редкую цепь оазисов (так называемый сорокадневный путь); на востоке он пересекал излучину Нила в Кераме, а также в Мероэ. Его функционирование предполагает наличие в Египте сильной власти, которая была бы в состоянии обеспечить охрану пустынного отрезка дороги между вторым и шестым порогами. Птолемей Филадельф по следам экспедиций Псамметиха II и Камбиза послал туда свою экспедицию, которая, кроме всего прочего, провела глубокие научные исследования. Но Плиний Старший утверждает, что все города, расположенные ниже по течению от Мероэ, погибли. Это явилось подтверждением того, что в эпоху позднего эллинизма по этой необитаемой земле кроме нескольких посольств и исследовательских экспедиций изредка проходили только кочевники, направлявшиеся к крайним египетским постам для продажи, вернее, обмена своих товаров.

Птолемеи крепко держали в руках только Додекаскоин (исключая то время, когда происходило восстание Гармакса, подавленное Птолемеем Эпифаном), область длиной 12 сцен, лежащую к югу от Асуана с маленькими пограничными постами. Из них можно отметить Филе, религиозный центр, в котором находился храм Исиды (его строительство было начато фараоном Нектанбом и продолжено при Птолемеях. На его рельефах изображена Исида, принимающая Додекаскоин из рук Птолемея Филометора, получавший пожертвования от Птолемея), Аюалу, где вокруг храма местного бога Мандулиса происходил торговый обмен с кочевниками-блемиями, Пселхис, самый южный пограничный пост, расположенный в небольшом оазисе и контролировавший проход в Вади-Алаки, где добывали золото. Пселхис был крупным торговым центром — там найдены как греческие и демотические остраки, так и мероитские граффити. Из-за невозможности по-настоящему использовать торговые пути, проходившие по Нилу или по пустыне, Птолемеи предприняли разведку Красного моря, по которому плавали уже во времена фараонов. Птолемей Филадельф

основал на побережье Красного моря ряд форпостов: Миос-Гормос, Филотеру, Беренику и Птолемаиду, которые использовались и для организации охоты на диких животных. Одновременно были основаны пристани на так называемых «змеиных» и «топазовых» островах. Товары привозили по отмеченной колодцами тропе между Мероэ и расположенной на побережье Птолемаидой, находившихся примерно на одной широте, переправляли морским путем до Береники или Миос-Гормоса, откуда они вновь попадали в долину Нила (в Коптос), либо по двенадцатидневной, либо по шестидневной тропе, отмеченной колодцами или цистернами. Птолемей Филадельф также заканчивает строительство (или расчистку?) канала фараона Нехо, своего рода прообраз Суэцкого канала, соединявший Суэцкий залив не со Средиземным морем, а с Нилом. Несмотря на все эти усилия, торговые перевозки по этому пути остались незначительными из-за трудностей навигации по Красному морю, где постоянно дул северный ветер, затруднявший обратный путь, и где западное побережье — настоящая каменистая пустыня, заселенная дикими кочевниками — троглодитами и ихтиофагами. Тем не менее в позднеэллинистическую эпоху мореплаватели набирались смелости и выходили за Бабель-Мандебский пролив и даже достигали побережья Сомали (древней страны Пунт).

Как своего рода вызов географии основная торговля между Африкой и средиземноморским миром осуществлялась через Аравию. Товары доставлялись по пустыне к морю, пересекали его на барках, сделанных из кож животных, путешествовали караванными путями вдоль западного побережья Аравии и часто через Петру достигали Газы.

Птолемеи заботились об обеспечении торговых путей для вывоза богатств Африки, так как спрос на них постоянно возрастал. Слоны представляли собой военный потенциал, тем более важный для Птолемея, что их соперники Селевкиды легко получали этих животных из Индии. В военной тактике эллинистической эпохи слоны играли роль танков современной армии. Их доставляли морским путем на специально приспособленных для этого судах. Отлов и перевозка слонов стоили очень дорого. Охотники получали содержание такое же, как и писцы высшего ранга. Первостепенное значение имела и торговля золотом Верхнего Нила и рек Эфиопии, а также топазами, изумрудами, древесиной эбенового дерева, слоновой

костью, страусовыми перьями и яйцами, экзотическими животными или их шкурами, черными рабами и железной рудой.

Эллинизм в Мероитском царстве

Неудивительно, что греческая цивилизация проникла достаточно глубоко в Африку; то же самое и по тем же причинам происходило ранее с цивилизацией фараонского Египта.

В среднем течении Нила (страна Куш времени фараонов, совр. Судан) очень давно, около 800 г. до н. э., образовалось мощное централизованное теократическое царство, которое греки называли Эфиопией («страной обожженных лиц») *. Ее населяли люди «с черной кожей, сплюснутым носом, курчавыми волосами» (Диодор, III, 8), которые принадлежали к кушитской ветви обширной хамитской языковой группы. Цари Мероитского царства поддерживали тесные контакты со средиземноморским миром. Тот же Диодор (III, 6) сообщает, что один из них — Эргамен, современник Птолемея Филадельфа, был «учеником греческой школы и образованным в философии». Уверенный в своих принципах, он уничтожает всех жрецов, чтобы выйти из-под их тирании.

Столица Мероитского царства — Мероэ — была очень большим городом, ее руины простираются на 3 километра. Она находилась в зоне благоприятного климата. Летом подъем солнца в зенит сопровождался дождями, что способствовало бурному росту колючей растительности и давало возможность заниматься скотоводством. Наличие лесов и железной руды благоприятствовало развитию плавильного дела. Во время раскопок обнаружены отвалы шлака, относящиеся к эллинистической эпохе. Технология черной металлургии, достигшая здесь довольно высокого развития, возможно, была заимствована в Египте Птолемеями. Роль Мероэ в торговле (в основном меновой) можно объяснить тем, что этот город был настоящим перекрестком сухопутных и речных путей: долины Белого и Голубого Нила и Атбары, сеть путей, которые вели в Центральную Африку через Кордофан и Дарфур

* Таким образом, в античную эпоху Эфиопией называли совсем иную страну, чем сегодня. Современные исследователи именуют это государство Мероэ (или Мероитское) по названию столицы.

к Абиссинскому (Эфиопскому) нагорью и побережью Сомали, к Египту через Керму, к Красному морю.

Хотя мероитская цивилизация, безусловно, была самостоятельной (Мероитское царство имело свою собственную письменность), она испытала значительное эллинистическое влияние. Бани царского дворца в Мероэ построены в чисто эллинистическом стиле, в захоронениях царей или придворных в изобилии встречаются изделия греческого производства (бронзовые лампы и треножники, геммы, инталии).

Более широкое греческое влияние оценить трудно из-за отсутствия систематических раскопок. В сердце Эфиопии недалеко от Макале недавно найдены четыре небольших металлических кубка, привезенных из эллинистического Египта. Но неизвестно, достигли ли они этого места путем, проходившим из Мероэ в Аксум, где обнаружена посвященная стела с изображением Хора на крокодилах, или были привезены в Тио на Красном море, где найдены александрийские амфоры, и затем пересекли пустыню.

Железо и золото Черной Африки

Греческое влияние, сильное на территории расселения кушитов, проникло и за ее пределы, достигнув Черной Африки. На берегах Луалабы (Катанга) найдена медная статуэтка мумии Осириса, сделанная в позднеэллинистическую эпоху, хотя и не исключено, что она была привезена сюда значительно позже арабскими купцами. Во всяком случае, кажется бесспорным тот факт (хотя существуют и другие мнения), что распространение техники выплавки железа в зоне саванн, которые были уже населены африканцами суданской языковой семьи, шло в основном из Мероэ; об этом же свидетельствуют и местные предания. А поскольку в Мероэ техника выплавки железа пришла из птолемеевского Египта, то можно сказать, что Африканский континент косвенно обязан эллинизму появлением этой техники, перевернувшей повседневную жизнь и повлекшей за собой улучшение обработки земли и усиление социального расслоения.

Ученые рассматривали возможность проникновения в зону саванн техники обработки железа из Северной Африки и Киренаики. Однако это предположение трудно принять. В Центральной Сахаре, расположенной между

Киренаикой и Черной Африкой, железа практически нет. В то же время на торговом пути из Мероэ в Гао (в частности, на плато Эннеди и вдоль озера Чад) зафиксированы многочисленные следы древней черной металлургии.

Во всяком случае, очевидно, что в Сахаре, в эпоху эллинизма не такой безжизненной, как теперь, существовал большой торговый путь, по которому проходили караваны, сопровождавшиеся легкими повозками; их изображения найдены в наскальных рисунках. Он начинался в Гао на излучине Нигера, проходил вдоль Адраара ифоров, пересекал плато Тассилин-Ахаггар и через оазис Гат достигал побережья Киренаики. Кочевые скотоводы Сахары — белокожие ливийцы (только восточная часть Тибести и Эннеди была населена чернокожими), те самые «эфиопские троглодиты», которых описал еще Геродот, несомненно, играли большую роль в торговле, благодаря которой в Средиземноморский бассейн попадали предметы роскоши из внутренних областей Африки, пользовавшиеся спросом у греков.

К югу от суданской саванны простиралась зона лесов — страна золота, главного сокровища, которое путешествовало по Судану и доходило до Средиземного моря через Мероэ или по сахарским тропам. Население лесов также приобщалось к выплавке железа, научившись этому у своих северных соседей, но довольно поздно (возможно, в начале нашей эры?).

АРАВИЙСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК. ЭЛЛИНИЗМ В АРАВИИ

Аравия, населенная семитскими племенами, раскинулась между царствами Селевкидов и Птолемеев. Крайне неблагоприятный климат защитил ее как от персов, так и от войск Александра. Она осталась независимой и благодаря двум обстоятельствам играла значительную роль в экономической жизни эллинистического мира.

С одной стороны, земли южной ее части («Счастливой Аравии») относительно плодородны и отсюда в изобилии поступали ароматические вещества и специи, в частности ладан, мирра и корица. Около 300 г. до н. э. здесь сформировались четыре небольших семитских царства: Минейское, Сабейское, Каттабанское и Хадрамаутское. Они существовали в основном за счет торговли ароматическими смолами, которые эллинистический мир потреблял в значительном количестве как в литургической практике, так и в парфюмерии и кулинарии.

С другой стороны, Аравия была как бы связующим звеном между Африкой, Азией и Средиземноморьем. Омываемая Красным морем и Персидским заливом, она морскими путями получала товары с Африканского континента и из Индии. Кочевники, населявшие ее северные районы, в частности жившие вдоль Персидского залива геррены и набатейцы Петры, занимались прежде всего караванной торговлей. Они свозили в Петру богатства Востока, Запада и самой Аравии — ароматические смолы, диких животных (львов, тигров, леопардов, страусов).

Великолепное местоположение Петры, неприступной крепости посреди котловины, окруженной горами, было описано Диодором (II, 48): «Огромная скала является естественной крепостью: туда можно подняться только по узкой тропе, на которой несколько человек едва могут разойтись, не задев друг друга оружием; там есть также большое озеро асфальта, из продажи которого они извлекают немалые доходы». Затем набатейцы (Петра была столицей Набатейского царства) отправляли скапливавшиеся там сокровища в Газу — центр перераспределения товаров (по документам Зенона, именно в Газу направлялись зависевшие от Аполлония торговцы за драгоценными восточными товарами), а также в сирийские порты и в Александрию, до которой можно было добраться по морю и по трудной дороге к Пелусию, продолженной, очевидно, во времена персидского владычества через пересеченную лагунами и дюнами, лишенную питьевой воды местность. Начиная со II в. до н. э. греческая керамика и монеты (монеты Селевкидов встречаются чаще, чем монеты Птолемеев) демонстрируют интенсивность торговых связей со средиземноморским миром.

Экономическим значением Аравии объясняется тот интерес, который она вызывала к себе как у самых предприимчивых царей (около 312 г. до н. э. Селевк нападает на Петру; Птолемей Филадельф ведет в «Счастливой Аравии» войну такую же неудачную, какую вел и Август), так и у ученых. Феофраст использовал в своей «Истории растений» сведения, привезенные Анаксикратом из плавания вокруг Аравийского полуострова, предпринятого по приказу Александра. Эратосфен описал четыре южных арабских племени. Агатархид Книдский рассказал, излишне подчеркнув местный колорит, о легендарной стране, пропитанной сладким ароматом благовоний.

Тем не менее эллинизм — скорее сирийского, чем египетского толка, — в северные племена, горячо привязанные к своим традициям, проникал очень медленно. В Петре он появился только вместе с Аретой III Филэллином («Любящий эллинов») (87—62), который начал проводить политику завоеваний в Сирии и чеканить монеты по типу селевкидских (монеты чеканил уже Арета II, но они были без надписей). Дома в этот период строили более тщательно, начинали обжигать вазы и украшать их цветочным орнаментом по типу греческой керамики Палестины и Сирии. Но только во II в. н. э. здесь будут возводить великолепные гробницы в греко-римском стиле с классическими фасадами, которые составляют славу Петры. В южноаравийские царства эллинизм проник вряд ли намного раньше I в. н. э. Там он особенно ярко проявился в скульптуре, особенно в восхитительной статуе из Тимны, которую называют «Леди Бар'ат», выполненной не без парфянского влияния.

Только слабостью эллинистического мира, порожденной соперничеством монархий, можно объяснить его зависимость от поставок наиболее ценившихся предметов роскоши из варварской Аравии, эксплуатировавшей утонченные вкусы греков. «Во все времена, — пишет Страбон (16, 4), — эти области были известны как очень богатые, так как они меняли на золото и серебро благовония и драгоценнейшие из камней. При этом за своими пределами они не тратили ничего из того, что получали».

ПАРФИЯ. ЭЛЛИНИЗИРОВАННОЕ ЦАРСТВО

Выше говорилось о том, как складывалась и расширялась территория Парфянского царства, которое представляло собой монархию феодального типа⁷, очень похожую на государство Ахеменидов (Митридат I даже ввел в употребление титул «Великий царь»), в котором теоретически абсолютная власть правителей на самом деле ограничивалась независимостью сатрапов и вассальных царьков и ослаблялась придворными интригами и полигамией. Главная сила парфян заключалась в мощной армии, по своему составу похожей отчасти на иранское (лучники, легкая кавалерия, катафрактары, облаченные, как и их лошади, в железные латы), отчасти на греческое (гоплиты). Цари жили в роскошных дворцах в столице, пере-

носившейся из города в город (Гекатомпил, Экбатаны и Ктесифон).

Парфянские цари были богаты, поскольку извлекали значительную прибыль из торговли, шедшей транзитом через Иран по единственному сухопутному пути, соединявшему Средиземное море с Индией и Китаем (в 106 г. до н. э. Митридат II принял первое китайское посольство. С этого времени контакты между обоими дворами стали регулярными). Они поддерживали его в должном состоянии, увеличили число колодцев и караван-сараяв на тропках, пересекавших пустыни, с тем чтобы повысить и без того значительные проходные пошлины. Торговый обмен обогащал не только монархов, но и богатых торговцев, которыми были потомки греческих колонистов и знатные парфяне. Между ними нередко имели место смешанные браки: надписи демонстрируют любопытную смесь греческих и иранских имен внутри одних и тех же семей.

Власти очень ловко приспособились к присущей Парфянскому царству многонациональности. Составлявшие большинство населения иранцы были маздеистами. Они внимательно относились к грекам, которых после похода Александра появилось довольно много. В Селевкии-на-Тигре не было гарнизона, она оставалась одним из важнейших торговых центров Внутренней Азии.

К тому же Аршакиды оказались весьма восприимчивы к очарованию эллинизма. Они чеканили монеты, на которых их имена и титулы были написаны по-гречески. Митридат I, самый большой враг греков, объявил себя «филэллином». Парфянские цари окружали себя греческими художниками и артистами. Ород II слушал «Вакханок» Еврипида, когда ему принесли отрубленную голову и руку несчастного Красса. Эта благосклонность к грекам имела очень большое значение, поскольку позволяла Ирану и Месопотамии, политически отрезанным от греческого мира, в духовной сфере оставаться форпостами эллинизма.

Синкретизм парфянского искусства

Синкретический характер Парфянского царства в наибольшей степени проявился в искусстве. В Иране найдены многочисленные греческие скульптуры прекрасного качества, выполненные в основном до периода расширения Парфии к югу, в Лаодикее и в Шами распораны великолепные бронзовые статуи — изображения богов или

царей *. В крупной греческой колонии Сузах (Селевкии-на-Эвлае) обнаружена голова Афродиты.

Ввоз подобных произведений способствовал эллинизации местного искусства. Конечно, имели место и пережитки ахеменидской традиции, но в целом ахеменидское искусство находилось в полном упадке (маленький храм III в. до н. э. в Персеполе, храм огня III — II вв. в Нурабаде). Появилось также смешанное греко-иранское искусство: план храмов в Кенгаваре и Хурхе — греческий, их колонны увенчаны капителями, неловко имитирующими греческие ордеры. В Нимруддаге царь Коммагены (небольшое государство на правом берегу Евфрата, служившее барьером между Парфией и державой Селевкидов, а затем Римской империей) Антиох I (69—34) расставил на террасе вокруг собственной статуи изображения синкретических богов, которые были перечислены по-гречески в надписи: Зевс-Ахура, Гелиос-Митра, Геракл-Веретрагна. Эти колоссальные изваяния выполнены в восточной манере, но в их пластических формах чувствуется эллинский дух.

Кроме того, зарождалось и парфянское искусство. В Нисе советские археологи вскрыли укрепленный царский дворец III—II вв. Его метопы демонстрируют смешение парфянских (луки и колчаны со стрелами) и западных (палицы Геракла) мотивов. Внутри дворца найдены эллинистические статуэтки из мрамора и позолоченного серебра, 40 ритонов из слоновой кости с ручками в виде иранских грифонов и с рельефами, на которых были изображены сцены из греческой мифологии. Во всяком случае, только в I в. н. э. проявились достоинства собственно парфянского искусства, особенно в скульптуре, объединявшей, иногда с трогательной неловкостью, традиции степных предков парфян и греческие.

БАКТРИЙСКОЕ ЦАРСТВО, ИНДИЯ И КИТАЙ

Поход Александра в Индию открыл перед греческой экспансией неограниченные перспективы на Востоке. Конечно, завоеватель из-за гибели своих ветеранов не смог

* В Лаодикее, в 100 км к югу от Экбатаны, найдены изготовленные в Сирии и Египте статуэтки, изображающие Зевса, Афины, Аполлона, Деметру, а также стела, на которой высечен декрет Антиоха III. В Шами, на пути, соединяющем Персидский вал и область Исфahan, найдены большие статуи Зевса, Диониса, Антиоха IV и его жены. Эти статуи, как и декрет из Лаодикей, свидетельствуют о распространении в Иране царского культа.

проникнуть в бассейн Ганга, и от восточных сатрапий его наследников Селевкидов отделилось огромное царство, но раз установившиеся связи не прерывались. С начала III в. до н. э. об этом свидетельствует история величайшего индийского императора эллинистической эпохи — Ашоки. Греческие царьки продолжают царствовать на огромных территориях, входящих ныне в среднеазиатские республики СССР, Афганистан, Пакистан и даже частью в Индию. К тому же стали более интенсивными торговые и культурные связи между Индией и средиземноморским миром.

АШОКА И ГРЕКИ

Одним из наиболее ярких примеров новых отношений является деятельность Ашоки (273—236) — самого могущественного властителя из династии Маурьев. Эта династия, основанная в 313 г. до н. э. Чандрагуптой (Сандракоттом греков), изгнавшим стратегов Александра, распространяла свою власть на территорию от Арахосии до Бенгалии и от Афганистана до Майсора. Ашока хорошо известен благодаря надписям, которые очень часто встречаются по всей Империи. Этот великолепный эпиграфический комплекс, буддийский по своей религиозной направленности, является одновременно и исповедью и клятвой: новообращенный владыка принял «дхарму» (благой порядок, закон), предписывавшую основные добродетели. Настоящая пропаганда заключалась в «даре дхармы» — милосердном подарке, вдохновленном любовью к человечеству, требовавшей тяжелых и постоянных усилий.

«Надписи Ашоки» выражают идеал царской власти, который можно сблизить с идеалом эллинистического властителя. Титулатуры похожи, часто встречающаяся формула: «друг богов, царь с дружеским лицом» — напоминает формулу Птолемея и Селевкидов. Ашока заявляет о своей любви к людям, как и эллинистические монархи, объявлявшие себя филантропами (друзьями человечества). Сущность «доброй власти» в обоих случаях заключалась в справедливости, которая внушала властелину мысль о необходимости самому рассматривать все споры. Одно и то же понимание утверждалось в обоих мирах, отныне неотделимых друг от друга.

Осталось главное различие: греческий царь был ведом только разумом, Ашока — верой, которую он не переставал распространять, пропагандируя Закон. Подобные устремления были чужды эллинистическим властителям. В то же время Ашоку вдохновляли неземные идеалы. «Достичь неба — что может быть важнее!» — восклицает он. Однако временами его мучили угрызения совести, например после завоевания Калинги, за которым последовала резня. Это чувство трудно представить себе у властителей Средиземноморья той эпохи.

В «Надписях Ашоки» содержатся также сведения о дипломатических отношениях с эллинистическими царями*—Антиохом II, Птолемеем II, Магасом Киренским и Александром (Эпирским?). Они свидетельствуют о некотором знании западного мира, называемого «йона» (ионийским) — слово, обозначающее и иранцев и эллинов. Ашок знал, что там нет брахманов. Он отмечал распространение буддизма среди греков — речь, конечно, идет о колонистах на восточных окраинах эллинистического мира.

Довольно загадочное указание на посольства Ашоки теперь может быть разгадано благодаря открытию в 1958 и 1964 гг. двух греческих надписей в Афганистане около Кандагара, на месте Александрии Арахосинской. Первая из них — двуязычная, на греческом и арамейском языках. Она свидетельствует о пылком прозелитизме царя, озабоченного распространением веры до самых границ Империи, среди греков и иранцев — среди последних арамейский был языком культурного общения. «Царь,— сказано, в частности, в первой надписи,— воздерживается от употребления животной пищи, так же как и другие люди, и все охотники и рыбаки царя перестали грешить. И все те, кто был невожатан, перестали быть невожатанными по мере своих возможностей. И стали они послушны отцу, и матери, и старым людям в противоположность тому, что было раньше». Оба текста несколько отличаются друг от друга, заметны усилия сделать открытие доступным для каждого народа, чтобы дхарма была более понятной. Так, греки в формуле, призывающей к

* Селевк I заключил союз с Чандрагуптой и отправил к нему своего посла Мегафена, который привез из Индии колоритный рассказ (от него осталось несколько фрагментов). Плиний Старший (6, 58) говорит о посольстве, отправленном Птолемеем Филадельфом к некоему индийскому властителю, очевидно к отцу Ашоки-Биндусаре.

воздержанию от употребления в пищу мяса животных, выражающей основной принцип буддизма, могли узнать предписания пифагореизма. Этим текстом открывается новая захватывающая страница в истории воздействия восточных культов на греков диаспоры.

Вторая надпись была вырезана на стене здания, а не на скале, как первая. Этот фрагмент перевода двенадцатого эдикта Ашоки о сектах проповедует милосердие и скромность в отношениях с другими религиозными течениями. Но и здесь есть некоторая замена смысла: индийское слово, обозначающее секты (в смысле религиозных группировок), передано на греческом языке словом «диатриба» (философская школа). Греческие философы Арахосии адаптировали послание Ашоки для греческой аудитории, перевели его и, очевидно, объяснили, когда участвовали в посольствах к средиземноморским монархам, посланных их царем. «Обе греческие надписи Кандагара,— отмечал Л. Робер,— проливают свет на эти знаменитые посольства. Теперь их нельзя рассматривать только как из ряда вон выходящую деталь, а также напрасную и экзотическую демонстрацию экзотического монарха. Эти надписи — связь между Индией и философами дворов Пеллы, Кирены и др., это посредничество, способ рассказывать, спорить, понимать». Целый интеллектуальный мир открывается перед нами в этой далекой колонии, подчиненной Ашоке. Целый мир со своими философами и камнерезами (верными проводниками эллинизма—цивилизации надписей на камнях) и, конечно, со своими художниками, музыкантами, артистами.

Греко-бактрийские и греко-индийские царства

События большей важности, происходившие во время правления Ашоки, будоражили самые восточные сатрапии империи Селевкидов — Бактриану и Согдиану. Территория Бактрианы представляла собой равнину, раскинувшуюся между Гиндукушем и Оксом (совр. Амударья), ее столица — Бактры, а между Оксом и Яксартом (совр. Сырдарья), на берегах которого Александр основал Александрию Эсхату (совр. Ленинабад), расположена Согдиана с прекрасным оазисом Марканда (Самарканд). Земли обеих областей отличались удивительным плодородием, правда при условии искусственного орошения. Кроме

того, Бактры являлся одним из крупных узлов торговых путей в Азии. Пути, идущие из Индии и Китая, сливались здесь и вели дальше через Внутреннюю Азию к Средиземноморскому побережью.

Эти области были слишком удалены от Антиохии, чтобы долго оставаться в ленной зависимости от Селевкидов. Около 250 г. до н. э. управлявший ими сатрап объявил себя независимым и вступил даже в союз с Парфией против своего бывшего суверена. Он принял имя Диодота I и присвоил себе царский титул, открыв список 39 царей, известных нам в основном по монетам, а также по нескольким западным, индийским и китайским источникам. Они будут править в греко-бактрийских, затем греко-индийских царствах в течение двух веков. История их крайне темна. Монархи, изображения которых всегда украшали их монеты, принадлежали к нескольким родам, составившим нечто вроде греческой военной аристократии. Границы их государств весьма сомнительны. Часто несколько властителей правили одновременно — либо в случае раскола между соперниками в борьбе за царский престол, либо когда наместники участвовали в управлении завоеванными областями, слишком удаленными от центра.

В первый период Бактрийское царство располагалось вокруг изначального ядра. При Евтидеме I, захватившем власть после убийства Диодота II, и при его сыне Деметрии I оно охватывало уже кроме Бактрианы и Согдианы Арахосию (вокруг Кандагара) и Дрангиану на юге, Арию и Маргиану на западе, часть Ферганы на востоке. Евтидем I был вынужден бороться против попытки Антиоха II отвоевать области, входившие ранее в состав державы Селевкидов, но затем Антиох мудро заключил с ним мир.

Новое расширение территории Бактрии произошло благодаря отважным правителям, осмелившимся проникнуть за один из самых непреодолимых в мире горных хребтов — Гиндукуш, в сторону Индии, где после крушения владычества Маурьев, последовавшего за смертью Ашоки, царила смута. Их первоначальная цель заключалась в том, чтобы завоевать долину Кабула, правого притока Инда, естественный путь для всех вторжений: именно здесь локализовали Капишу (верхняя часть долины реки вокруг Капиши) и Гандхару (нижняя часть долины вокруг Пешавара, которая являлась частью Пенджаба о важным центром Таксилы).

Антимах Теос и его сын Деметрий II проводили здесь удачные кампании, и монеты свидетельствуют о расширении доселе Иранского царства в сторону Индии. Антимах чеканит квадратные монеты по индийскому образцу. При Деметрии II, шлем которого был украшен изображением скальпа слона, появились монеты с двуязычными легендами, греческая надпись переводится на пракрит *. Около 190 г. до н. э. Евкратид I совершил переворот и, убив Деметрия II, захватил власть. Затем он занял долину Кабула. Этого было достаточно, чтобы объявить себя Мегасом («Великим»), но по возвращении из военного похода он был убит собственным сыном. Годы, следующие за смертью Евкратида, чрезвычайно смутные. Очевидно, именно в это время произошел окончательный раскол между царствами по обе стороны Гиндукуша — Греко-Бактрийским и Греко-Индийским. В 155 г. до н. э. грек, выходец из Александрии Кавказской (совр. Беграм), возможно простой крестьянин по происхождению, Менандр (по-индийски Милинда) начал свое славное царствование, продлившееся до 130 г. до н. э. Властитель Капиши и Гандхары, он силой распространил свою власть на Пенджаб до русла Рави, если не дальше. В союзе с индийскими правителями он совершил победоносный поход до Паталипутры (Патны). Менандр правил большим царством, простиравшимся от Кабула до Рави (по меньшей мере) и от Удианы до Арахосии, и действительно заслужил титулы, которые присвоил себе и которые мы видим на монетах: *басилевс* *басилеон* («царь царей») по-гречески и *махараджа* («великий царь») на пракрите. Он умер во время военной кампании, очевидно при попытке завоевать Бактриану.

Велик был интерес Менандра к буддизму. Около Пешавара найдены реликварий с его именем и монеты с буддийским символом — Колесом закона (Дхармачакра). Текст на пали «Милинда-паньха» («Вопросы Милинды») изображает его ведущим тонкие философские диалоги с буддистом. «Удивительна личность этого грека,— пишет Р. Груссе,—сообразительного и красноречивого, настолько хорошо приспособившегося к колониальной среде, что он должен был снискать у буддистов репутацию неопита, полного почтения к религии, почти святого». Неизвестно, стал ли он в действительности буддистом; некоторые по-

* **Пракриты и пали** - диалекты среднеиндийского языка, происшедшие от санскрита, который с эллинистического времени остается лишь языком религии и литературы.

лагают, что изменение эпитета на монетах, которое произошло в конце его царствования, отмечает момент перехода в буддизм. Действительно, вместо «Сотер» («Спаситель») теперь употреблялось «Дикайос» («Справедливый»), переводимый как «Дхармика» в индийской легенде (возможно истолкование: «Тот, чей идеал — дхарма»).

Правление Менандра — апогей восточного эллинизма. Раздоры между династиями и царями ослабили его. Позже обширные передвижения народов в центральноазиатских степях буквально затопили греческие государства. За Яксартом беспокойным вихрем кочевали варвары — саки (скифы Азии), ираноязычные народы. Дальше, в оазисах бассейна Тарима, обосновались оседлые народы — юэчжи (в китайских текстах), или тохары (в Латинских).

Примерно в середине II в. до н. э. хун-ху (вероятно, предки гуннов) значительно потеснили юэчжи, а они, в свою очередь, обрушились на саков и неудержимым потоком последовали за ними по направлению к Афганистану и Индии.

Со 130 г. до н. э. варвары овладели Согдианой, покочив с этой «Элладой Узбекистана». Около 100 г. до н. э. они завоевали Бактриану, и греки к северу от Гиндукуша смогли удержаться только в небольших районах Бадахшана.

Греко-индийские царства просуществовали дольше, но единство уступило место раздробленности (выделились пять государств) и политической нестабильности. Власть переходила из рук в руки. Среди властителей можно выделить разве что энергичную фигуру Антиалкида. Греческие государства исчезают: около 75 г. до н. э. в Панджабе, около 70 г. до н. э. в Гандхаре и около 50 г. до н. э. в верхней части долины Кабула — последнем оплоте эллинизма.

Евразийская цивилизация

Самое удивительное то, что греко-бактрийские, а затем греко-индийские царства смогли продержаться два века. Это было возможно только благодаря активным и ловким «кондотьерам» — профили их энергичных, с хитрецой лиц мы видим на монетах. Некоторые из них осмелились проникнуть со своими отрядами гораздо дальше Александра, до самой долины Ганга. Титулованные царями, подобно Селевкидам или Птолемям, они

пользовались теми же эпитетами, что и средиземноморские монархи, причем даже раньше их (Антимах Теос, Платон Эпифан). Бактрийские и греко-индийские цари управляли своими государствами на греческий манер с помощью стратегов, стоявших во главе сатрапий и имевших в своем распоряжении меридархов (командующих отрядами). Политика градостроительства проводилась, по всей видимости, последовательно; известна по меньшей мере одна Деметриада Арахосийская, основанная Деметрием, и один Дионисополь в Гандхаре.

Невозможно составить себе представление о числе греков, обосновавшихся в этих землях. Некоторые из них были отдаленными потомками эллинов, приехавших сюда очень давно, но большинство должно было происходить от колонистов, закрепленных здесь Александром или первыми Селевкидами. Доля местного населения оставалась значительна и в сфере управления, и в сфере торговли. Многие, по-видимому, получили право гражданства в греческих городах — посвятельные надписи, сделанные в гротах недалеко от Бомбея, донесли до нас имена индийцев, называвших себя «яванами» (греками).

Количественная диспропорция между греческими колонистами и местным населением, притягательность древней, блестящей цивилизации объясняют тот факт, что греки здесь гораздо более, чем в других местах, подпадали местному влиянию. Смешанные браки, очевидно, были многочисленными; у бактрийского властителя Антимаха Теоса — типично евразийское лицо. В греко-индийских царствах сильным было воздействие местных культов. Греческие цари явно покровительствовали очень распространенному здесь буддизму. Даже если исключить притягательность столь человеческого учения всеобщего сочувствия, естественно, что иноземцы прежде всего обращались к этой доступной всем религии, а не к традиционному брахманизму, варновая система которого по существу своему малопонятна неариям. Другие правители широко следовали примеру таких царей, как Менандр. Найдено около десятка надписей на пракрите, переданных местным алфавитом (характерно, что в этой сфере практически отсутствуют греческие надписи). Это буддийские посвящения, сделанные греками (один из них, меридарх Теодор, жертвует ящичек для мощей). Надписи являлись копиями индийских ритуальных формул.

Но и традиционный брахманизм оказал на греков определенное влияние. Некоторые из индийских текстов даже допускают принадлежность греческого меньшинства ко второй варне — варне кшатриев (воинов). В Видише найдена колонна, воздвигнутая около 100 г. до н. э. послом Антиалкида в честь бога Васудевы, воплощения Вишну. На ней высечена следующая любопытная надпись: «Столп с изображением Гаруды, Васудевы, бога богов, был воздвигнут Гелиодором Бхагаватой, сыном Диона, живущим в Таксиле и пришедшим в качестве посла от великого царя Антиалкида к царю Косипутре...» Не менее странно видеть на монетах Антиалкида — Зевса на слоне — рисунок, повторяющийся во множестве вариантов. Верховный греческий бог изображен с символом, заимствованным из индийской мифологии, так как слон — это «вахана» Индры (животное, перевозящее Индру), который также, по представлениям индийцев, бог богов.

Своим богатством греко-бактрийские и греко-индийские царства были обязаны как плодородию земли, так и оживленной торговле. По их территории проходил важный торговый путь, который вел из Бактры через перевалы Гиндукуша к Беграму, Таксиле, затем в независимые государства Индии, в Матхуру, откуда одна дорога вела к Паталипутре на Ганге, другая — к Баригазе на побережье Индийского океана. Вдоль него располагались города, огромные караван-сарай, как, например, в Бактре. На нем находились перекрестки торговых путей, ведущих из Индии через Пешавар к Средиземноморью, и дорог, шедших из Китая через Туркестанский оазис или через Монголию, удивительное описание которых оставил китайский посол Чжан Цянь. В результате недавних (с 1964 г.) раскопок в Афганистане на слиянии Амударьи и Кокши открыт еще один греческий полис, название которого пока неизвестно (современное название — Ай-Ханум). Городище Ай-Ханум делится на акрополь и сильно укрепленный нижний город, застроенный в шашечном порядке вдоль главной оси длиной 1,6 километра. Уже раскопаны один квартал жилых домов и один квартал общественных зданий. Найдены две греческие надписи: посвященные — Гермесу и Гераклу — богам гимназия, а также дельфийские изречения, скопированные философом Клеанфом из Сол. Керамика (мегарские чаши, амфоры) была импортирована из стран Средиземноморья. По другую сторону Гиндукуша

известны два значительных поселения, разбитые на кварталы по Гипподамовой схеме. Это Беграм (древний город Капиши) около Кабула с укреплениями, построенными из двух рядов кирпичей на каменном фундаменте, и Таксила, где стена длиной 1,2 километра окружает акрополь и нижний город.

Повсюду в изобилии обращались монеты греческих властителей, причем ареал их распространения охватывал территории, далеко выходящие за сферу их политического влияния (так, тетрадрахма Агафокла Бактрийского была найдена в Польше на территории Познаньского воеводства). Только трое из них — Евтидем I, Евкратид и Менандр — чеканили золотые монеты (подчас чрезвычайно тяжелые), серебряных же и медных монет было очень много. Чисто греческие легенды в Бактрии сменились двуязычными в греко-индийских царствах, так же они стали более многочисленными и пышными. Легенды — прекрасное свидетельство религиозного синкретизма. На монетах изображаются греческие божества (десять греческих богов: Зевс, Геракл, Аполлон, Дионис — особенно часто благодаря своему индийскому походу, Диоскуры, Посейдон, Афина, Артемида, Нике, Тюхе), буддийские символы (Колесо закона, ступа), местные божества-покровители, ассимилированные с греческими (например, в Капиши местный бог-громовержец идентифицирован с Зевсом и Индрой, в Гандхаре Шива — с Дионисом, а Парвати — с Артемидой-охотницей. Как и в Египте, некоторые идентификации неадекватны).

Впрочем, главным своим богатством эти царства обязаны своему выгоднейшему положению на великих торговых путях, соединявших Индию и даже Монголию и Китай со Средиземноморьем.

ТОРГОВЛЯ МЕЖДУ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИМ МИРОМ И ИНДИЕЙ

Часть Индо-Гангской равнины приоткрылась грекам благодаря отважным предприятиям царей. Но на протяжении всего эллинистического периода развешивались и другие предприятия — предприятия купцов, которые везли к Средиземному морю предметы роскоши из Индии или Афганистана (слоновую кость, драгоценные камни, жемчуг, благовония, пряности, муслин, древесину), животных, в основном слонов, но нередко и попугаев,

собак, крупный рогатый скот, кости которых были найдены в Александрии, и, видимо, даже куртизанок.

Можно выделить три главных торговых пути из Средиземноморья в Индию, о которых известно, что они существовали с эллинистической эпохи и немалое значение имели в римскую эпоху. Самый простой из них — морской путь. Он предполагал использование муссонов, позволявших быстро и регулярно плавать в обоих направлениях. Муссон, кстати, стал известен довольно поздно благодаря некому Гиппалу; по мнению одних, это произошло около 80 г. до н. э., согласно точке зрения других — около 40 г. н. э. Но задолго до Гиппала, с одной стороны, арабские, с другой — индийские и сингальские мореходы обратили внимание на муссоны, и большая часть торговли находилась в их руках. Товары чаще всего выгружались в Персидском заливе: либо в Геррах, либо в устье Тигра, в Александрии Хараксе, которая впоследствии называлась Антиохией. В первом случае их отправляли караванами к Петре, откуда они достигали Газы и портов Сирии или Александрии. Во втором случае суда с товарами поднимались до Селевкии-на-Тигре и откуда попадали на второй торговый путь (см. ниже).

Более перспективный вариант морского торгового пути начал использоваться в позднеэллинистическую эпоху. Страбон сообщает, что ежегодно 120 кораблей отправлялись из гавани Миос Гормос на Красном море в Индию. Он добавляет, что александрийские купцы лишь незадолго до него стали совершать подобные путешествия, тогда как во времена Птолемея мало кто осмеливался на подобное предприятие. Этот торговый путь, на всем своем протяжении от берегов Египта до Индии проходивший по морю, давал возможность избегать поборов жителей Герры и Набатеи. Его использование предполагает, поскольку речь идет о большом флоте и регулярном сообщении, что тогда уже были знакомы с муссонными ветрами; отсюда и дата, которую мы предлагаем для этого «изобретения» греков: первая половина I в. до н. э. Но Страбон утверждает, что этот путь был пройден раньше, по крайней мере единичными мореходами.

Другой путь, полностью сухопутный, начинался в долине Инда или в портах, расположенных к югу от его дельты, и проходил по перевалам Пешавара, пересекал государство греко-бактрийских монархов, затем Парфию (в пору ее независимости) и царство Селевкидов через

Александрию Маргиану (Мерв), порты Каспийского моря, Раги (совр. Рей), Экбатаны, Селевкию-на-Тигре. Там он сливался с путем, идущим из Александрии Харакс и Дура-Европос. Затем разветвлялся: одна ветка уходила через Дамаск или Пальмиру к финикийским портам, другая — к Антиохии и через горы Тавра к Эфесу. Более северный вариант позволял непосредственно достичь побережья Анатолии через Нисибис, Эдессу и Сарды.

Дополнительные указания Страбона и Плиния Старшего позволяют реконструировать с достаточной вероятностью третий путь, совпадающий с предыдущим, до Бактрии. Затем он проходил по Оксу, навигация по которому была довольно интенсивной, потом по Каспийскому морю (правда, Страбон утверждает, что навигация по нему невозможна), поднимался по Киросу (Куре) и спускался по Фасису до Понта, откуда легко было попасть в Средиземное море. Остаются и невыясненные участки этого пути, например от Аральского до Каспийского моря. Некоторые без всяких на то оснований утверждают, что в те времена Оке впадал не в Арал, а в Каспий. Возможно, для навигации использовался Охос (Теджен), название которого древние часто путали с Оксом.

На каждом из этих путей большую роль играли посредники, и не надо думать, что греческие купцы сопровождали свои товары из конца в конец столь длинного маршрута. Морские пути находились в основном в руках арабских или индийских мореходов, сменявших караванщиков Аравии. Великий сухопутный путь также предполагал серию передач товаров из рук в руки. Постепенное ослабление державы Селевкидов делало сухопутные пути все более и более труднопроходимыми. Уже во II в. до н. э. им приходилось пересекать независимую Парфию, а с 100 г. до н. э. даже княжества саков, возникшие на развалинах Греко-Бактрийского царства.

В этой торговле баланс складывался явно не в пользу эллинистического мира, который покупал гораздо больше, чем продавал, что частично объясняет все возрастающую утечку драгоценных металлов на Восток. Все равно предметы роскоши шли на Восток по тем же дорогам, что показали столь обильные находки в Беграме.

С первых веков нашей эры Беграм становится летней резиденцией кушанских царей, одним из которых был

великий Канишка. В развалинах царского дворца, разрушенного во время взятия города Шапуром I в 241 г. н. э., был найден замечательный клад, накапливавшийся в течение долгого времени. Он состоит из эллинистических монет, иранских вещей, индийских изделий из слоновой кости, лаковых изделий из Китая — странная встреча всего самого прекрасного, что было создано четырьмя цивилизациями. Большинство изделий греческих ремесленников, очень разнообразных по материалу (бронза, цветное стекло, хрусталь, порфир и даже гипс), было из Египта, но некоторые из них, возможно, изготовлены в Сирии Селевкидов. Изображения на предметах самые разнообразные: Александрийский маяк, вид на порт, Гомер, Софокл, музы... Многочисленны религиозные сюжеты: похищение Ганимеда и Европы, Тюхе, Сарапис-Геракл, несущий одновременно модий и палицу, толстошекий Эрот с бабочкой, символизирующей Душу, Дионис, присутствующий при ритуальной варке свиньи, Вакх-дитя. Нельзя не задуматься об удивительной притягательности греческого искусства и о том воздействии, которое оно оказывало на индийских царей, а также над тем долгим путем, которые эти ценнейшие изделия проделали до Беграма. А Беграм был лишь этапом на том пути, по которому медленно, веками будет продвигаться по направлению к Китаю греческое влияние.

ГРЕКО-БУДДИЙСКОЕ И ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ИСКУССТВО

1. Находки в Беграме, к которым следует добавить открытие ионийских документов и загадочных александрийских многогранников в Таксиле, показывают, что задолго до того, как римские торговцы начали ввозить в индийский мир множество греко-римских товаров, туда проникли высококачественные изделия из Средиземноморья. Этим объясняется глубокое влияние греческого искусства на современное ему буддийское искусство. Вернее, следует говорить о западном влиянии, так как изделия греческих ремесленников часто сопровождалось иранскими, точнее, месопотамскими безделушками.

Основное нововведение, характеризующее искусство эпохи Маурьев,— это использование камня, чаще всего песчаника, вместо дерева. Некоторые хотели бы видеть в

этом подражание греко-иранскому искусству. Памятники Ашоки выдают, очевидно, персидское влияние: большой гипостильный зал дворца Паталипутры напоминает тронный зал Дария в Персеполе, а великолепные колонны с капителями в форме колокола, увенчанные изображениями животных из удивительно гладко полированного камня, которые встречаются по всей территории державы Маурьев, явно связаны с искусством Ахеменидов. Но техника свидетельствует о греческом влиянии, настолько смягчающем сухость ахеменидских образцов, что некоторые исследователи считают возможным приезд селевкидских художников ко двору Паталипутры.

При династии Шунгов (176—64) греческое влияние усилилось именно тогда, когда окончательно сложилась иконография прошлых воплощений Будды. Главное произведение эпохи — большая ступа в Санчи (ступа — это сооружение в виде полусферы, окруженное балюстрадой с четырьмя портиками, или «торанами», ориентированными по странам света). Основная идея ансамбля (буддийская) выражает специфически индийское пристрастие к животной и растительной жизни,— что-то вроде язычества, одушевленного верой в единство всего сущего, но некоторые смелые пропорции можно объяснить только знакомством с греческой техникой. Греческие мотивы еще более очевидны в укреплении Бодх-Гая, построенном примерно в то же время; здесь есть явно заимствованные мотивы: вздыбленная квадрига Сурьи (бога Солнца), медальон с кентавром.

В искусстве Шунгов, распространенном в основном в Центральной Индии, категорически запрещались рельефные и особенно скульптурные изображения Будды; использовались только его символы. Эллинизм в это время остается приглушенным и скромным. Его апогей приходится на следующий период — кушанский. Центром греческого влияния стала Гандхара, и с наибольшей силой оно проявилось в скульптуре, изображавшей самого великого Сострадающего. Появляется Будда с юношескими чертами Аполлона, с греческим носом, четко очерченным ртом. Только тяжелые веки и некоторая одутловатость лица выдают восточный тип. Сохраняются все его отличительные черты: прическа с пучком, пятнышко мудрости между глаз, удлиненные мочки ушей. Его монашеский плащ — это настоящий гиматий с концентрически расположенными складками. Зевс служит прообразом духа молнии, менады — нагинь; некоторые про-

изведения изображают Афины и троянского коня с Кассандрой.

В искусстве Гандхары быстро выделились школы: в Матхуре и в Амаравати. Самые прекрасные образцы этого искусства — рельефы и статуи из голубого сланца Гандхары и фигурки, сделанные из материала, имитирующего мрамор Хадды (Афганистан) и Таксилы (датируются римской эпохой — II—V вв.). Их рождение следует связывать с просвещенным покровительством, которое оказывал буддизму величайший властитель кушан — Канишка, с несравненным богатством его державы, с развитием буддизма Махаяны. Но, как представляется, хотя это спорно, зарождение искусства Гандхары относится к гораздо более раннему периоду, примерно к 100 г. до н. э. Именно в греко-индийских царствах греческое влияние, шедшее из Александрии и Сирии, могло проявиться с достаточной силой, чтобы преодолеть укоренившуюся в Индии традицию не изображать людей.

Таким образом, боги и герои греческой религии формировали буддийскую иконографию, как позже это произойдет с христианством. Парадоксально, но влияние греческой традиции будет сильнее на Востоке, чем на Западе. В течение почти тысячи лет Будда-Аполлон постепенно завоеует Индию, Центральную Азию, Индокитай, Китай, Корею, Японию, понемногу эволюционизируя и изменяясь. Трудно привести другой пример столь неожиданного отзвука эллинизма. Так с распространением буддизма медленно путешествовал прекраснейший из греческих богов, так далеко расходились волны от упавшего в воду камешка.

2. Недавние раскопки позволяют выявить феномен, схожий с возникновением греко-индийского искусства, — зарождение греко-бактрийского искусства. В Халчаёне, в руинах города, расположенного на берегах одного из притоков Амударьи, были найдены скульптуры, явно навеянные эллинистическими образцами, претерпевшими глубокие изменения в соответствии с иранскими вкусами. V Афины — бактрийский шлем и платье с узкими рукавами. Ее лицо выражает не мужественную безмятежность, свойственную дочери Зевса, а женственную нежность, и черты лица настолько индивидуализированы, что, вероятно, обладают портретным сходством с одной из сакских цариц. Нику изображают различными способами, но в несомненно местном религиозном и политическом контексте. На одном из барельефов она парит над

бюстом Митры, на терракотовом медальоне возлагает корону на царя, сидящего на зооморфном троне, в остроколючей шапке, рядом с ним стоит визирь.

Необходимо отметить, что все эти замечательные произведения датируются периодом, следующим за гибелью Греко-Бактрийского царства, гибелью, которая не смогла препятствовать проникновению эллинизма по крайней мере в придворное искусство, так как терракотовые статуэтки самого разного типа — местные по стилю.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ

Отношения Индии с Западом не ограничивались обменом предметами роскоши и уроками греческого искусства. Устанавливалось лучшее понимание между обоими мирами. Конечно, подобные контакты были не вновь. Некоторые восточные элементы пифагорейства, возможно, заимствованы из Индии. Во всяком случае, «великий год», равный 10 800 годам, в течение которого, по Гераклиту, звезды возвращаются на свои места, кажется, действительно индийского происхождения. Аристоксен из Тарента, ученик Аристотеля, рассказывает о посещении Сократа индийским мудрецом, который учил его, что познать человеческий мир невозможно, не зная божественного, — история эта, правдива она или нет, вполне вероятна.

История науки (астрономии и медицины особенно) также может дать примеры подобного влияния Востока на Запад. В «Гиппократовом корпусе» встречаются индийские методы лечения. В трактате «О ветрах» описывается нарушение циркуляции «ветра в организме», что соответствует воззрениям брахманов. Платон в диалоге «Тимей» объясняет равновесие организма взаимодействием трех основных субстанций: воздуха, флегмы и желчи, а это классическое учение индийской философии.

Благодаря обмену посольствами и торговым связям в эллинистические государства Средиземноморья увеличился приток информации о далеком Востоке. (Александрийский фарс, сохранившийся на папирусе, рассказывает об одиссее греческих моряков, потерпевших кораблекрушение на Малабарском берегу. Их принимает царь этой страны, и, пируя вместе с ним, они забывают о своих несчастьях.) В греческом мире восхищались примерной жизнью и мудростью гимнософистов. Знаменитая бе-

седа Киней с его учителем Пирром о тщете человеческих желаний любопытным образом напоминает диалог между царем Коравио с Буддой Раттхпалой.

Конечно, не всегда можно говорить о факторе влияния. Например, он исключается в случае появления настоящей софистики в Индии и Китае одновременно с Грецией. Или в случае с китайцем Гуй Цзу, который на сто лет позднее Зенона Элейского доказывал, что палка, укорачиваемая ежедневно наполовину, бесконечна,— ведь он не мог знать об опытах своего предшественника. Но между двумя регионами высокими цивилизаций, которые были связаны столькими нитями, устанавливалось трудноопределимое взаимопроникновение (осмос).

Мы видим сходство в понимании царской власти, и нам представляется, что апатия и атараксия недалеки от нирваны. Уже Мегасфен отметил подобное сближение нравов и идей. Он был послом Селевка Никатора в Паталипутре и оставил описание своего путешествия, которое было, по всей видимости, одним из основных источников об Индии периода эллинизма.

Конечно, оставалось еще много возможностей для расширения контактов. Страбон сожалел о скудости информации об Индии. Только римская эпоха благодаря интенсификации торговли придала интеллектуальным контактам настоящий размах. Тогда Индия стала приобщаться к греческой астрологии и медицине и, возможно, начала копировать театр. В то же время допустимо и обратное влияние — на греческий роман, на гностицизм и философию Плотина. Муссон сблизил два мира, которые на протяжении веков уже знали друг друга.

ГРЕКИ, АЗИАТСКИЕ СТЕПИ И КИТАЙ

Трудно представить себе, что в эллинистическое время существовали еще более дальние связи — со степью, населенной иранцами, саками и сарматами, а восточнее — гуннами, с Китаем. Тем не менее их нельзя отрицать, хотя они и были единичными, и лишь немногочисленные археологические находки проливают на них свет.

В этих связях ведущую роль играла Бактрия. Пути огромной протяженности, на которых путешественник должен был преодолевать трудные перевалы и испытывать муки жажды в пустыне, издавна соединяли ее с

китайским миром. Два из них заслуживают особого внимания.

Первый часто называют «великим шелковым путем», и проходил он по долинам Памира, достигал Кашгара и огибал с севера (по Аксу и Турфану) или с юга (по Хотану и Дуньхуану) пустынный бассейн Тарима; остаток пути до Китая был не столь труден. Он приводил к Чанъаню (совр. Сиань), столице империи ранних Хань. Очевидно, слово «Чанъань» означало *sera metropolis* — столицу серов у римских географов. Второй путь поднимается на север к Самарканду, откуда можно попасть на северный отрезок первого пути у Аксу или идти дальше к северо-востоку, чтобы через Монголию достичь Хуанхэ.

Китайским текстам хорошо известны Та-Юань (Фергана), часть которой была завоевана бактрийскими царями, и Да-Хья (Бактрия). В них содержатся точные сведения о завоевании Бактрийского царства племенами юэцжи. Император У-ди посылает в Бактрию разведывательную экспедицию под командованием Чжан Цяня (около 138—125), его рассказ использован и частично воспроизведен около 100 г. до н. э. великим историком Сыма Цянем, который сообщает о многочисленных укрепленных городах в Фергане — они могли быть построены только греками. Рассказ ценен не только деталями, которые видел сам автор (например, в Бактрах — сычуаньские ткани и трости из бамбука). Он также слышал о двух странах, расположенных дальше к западу: Нган-си (Персия) и Тяо-че (вся остальная Азия до Западного, т. е. Средиземного, моря). О Тяо-че, т. е., по всей видимости, об эллинистических или эллинизированных государствах, он знал, что там сеяли рис, правили мелкие владыки, а люди там — ловкие фокусники!

Тот же источник повествует о трудностях ферганских купцов, желавших наладить прямые контакты с Китаем. Первые такие контакты произошли, судя по всему, только в 106 г. до н. э., когда в Парфию через Бактрию прибыл первый китайский караван. Но обмен через посредников осуществлялся и раньше. В одном направлении шли жеребцы для китайских конных заводов, в обратном — шелковые изделия, меха, обогащенная железная руда, драгоценные металлы. Доказательством могут служить медно-никелевые монеты, которые бактрийские цари Евтидем III, Панталион и Агафокл начали чеканить в начале II в. до н. э. и которые в то время можно

было делать только из естественных сплавов, содержащих никель из-за высокой точки плавления последнего. Если бы было точно установлено, что подобные руды есть только в Юньани (что недавно было подвергнуто сомнению, так как полагают, что месторождения подобных руд были и в Иране), мы имели бы неопровержимое доказательство существования китайско-бактрийской торговли с начала II в. до н. э. Однако слово «шелк» было хорошо известно в Средиземноморье еще до нашей эры. (Несмотря на конкуренцию бомбицина (косского шелка), китайский шелк высоко ценился в Средиземноморье в позднеэллинистическую эпоху. Римляне оценили его по достоинству при Цезаре.) Большое значение имеют находки предметов из стран Средиземноморья, служащих как бы вехами на торговых путях, например боспорских монет IV в. до н. э., найденных в долине реки Или, впадающей в озеро Балхаш. Шерстяные ткани Анатолии, драгоценности со стилизованным животным орнаментом, изготовленные степными мастерами,— все это лежит рядом в знаменитых «ледяных могилах» сарматских вождей на севере Алтая, в долине Пазырыка (Пазырыкские курганы).

Греческие ткани конца II в. до н. э. (из Сирии, Бактрии или Боспора Киммерийского), китайские изделия из нефрита и войлочные ковры, степные бронзовые изделия находят в курганном могильнике гуннов Ноин-Ула в горах Ноин-Ула в Северной Монголии. Александрийская стеклянная ваза с головой Афины (II в. до н. э.) была обнаружена в Хунани, т. е. в среднем течении Янцзы.

Мы говорили об эстетическом влиянии эллинистического искусства на Южную Сибирь (через северный торговый путь в Бактры доставлялось сибирское золото) и на китайское искусство эпохи Хань. В текстах Хотана (Восточный Туркестан) III в. н. э. есть греческие слова, обозначающие драхму, военный лагерь и др., и никто еще не предположил, что они восходят ко времени Греко-Бактрийского царства. Китайское слово, обозначающее «виноград» («ну тхао»), может быть транскрипцией греческого слова «ботрюс» (виноградная гроздь). виноград, возможно, попал в Китай вследствие китайско-бактрийских контактов.

Но Бактрия была не единственным центром, через который осуществлялись связи между Китаем и эллинистическим миром. Сухопутные и морские пути соединяли

Китай и Индию. Греко-индийские царства, очевидно, ввозили золото из Юньани. В эллинистической Таксиле найдены китайские изделия из нефрита, раковина из Японского моря, а также явно греческая статуэтка, изображающая гориллу,— единственное свидетельство возможного контакта с Индокитайским полуостровом. Даже после завоевания Бактрии кочевниками, т. е. после прекращения сухопутной торговли между Индией и Средиземноморьем, продолжали существовать морские связи, благодаря которым можно было перевозить китайские изделия, в частности шелк. И наконец, вполне вероятно, что северный путь из Китая через Монголию, огибавший далеко с севера Центральную Азию, не обязательно вел к Самарканду и Бактрам — его ответвление выводило прямо к Ольвии на Черном море.

Но все это блекнет в сравнении с историческим фактом прямого контакта — посольством 166 г. до н. э. Марка Аврелия к китайскому императору.

От Бу-Регрега до Ганга, от Эльбы до Голубого Нила эллинизм был единственной силой, способной хоть в какой-то мере объединить блиставший разнообразием мир. Но в образе мысли и жизни греков не все одинаково подавалось освоению, его степень зависела от удаления, этнического характера, но в основном от уровня цивилизации. Если Рим полностью изменился в результате контактов с эллинистическими царствами, если кельты, иберы, нубийцы благодаря греческой культуре поднялись в своем развитии, то индийцы обязаны эллинизму только новым пониманием красоты.

Эллинизм проник повсюду благодаря своему необъяснимому очарованию. Он завоевывал не только покоренные народы, но и римлян, политически победивших греков, и свободных от их опеки парфян или скифов. Знаменитые слова Горация о побежденной Греции, победившей своих диких победителей («Послания», 2, 1, 156), относятся не только к римлянам эпохи Республики, но и ко многим другим народам.

Поддаться чарам эллинизма (для любого народа) никогда не значило отказаться от самого себя. Напротив, это означало обрести средства для более полного и верного самовыражения, стать причастным к более человеческой жизни.

Отсюда и значение искусства, распространявшего в высшей степени гармоничные формы. Искусство — это тот язык, в котором форма и содержание едины,

это тот синтаксис, который таит в себе самое сложное выражение видимости и сущности. Для лучших эллинизма — это освобождение, доступ к безмятежным храмам, освобождение от суеверий и ритуализма. Для всех это было откровение, острое осознание своих скрытых возможностей, средство углубить самые сокровенные верования. И суровые лица героев Энтремона, и разочарованную улыбку Будды из Гандхары можно одинаково считать детищами Греции.

КОММЕНТАРИИ

Введение

¹ В древней Греции все знатные (особенно царские) роды претендовали на происхождение от богов или полубожественных героев. Не были исключением и Эакиды - царский род племени молоссов. Они считали основателем своего рода Неоптолема (или Пирра - «белокурого»), сына наиболее выдающегося из греческих героев, сражавшихся под Троей, - Ахилла. Согласно греческим мифам, после гибели Ахилла Неоптолем прибыл под Трою, поскольку было предсказано, что без его участия Троя не будет взята. После взятия Трои он получил в качестве своей доли добычи Андромаху, вдову самого прославленного из троянских героев - Гектора. От Андромахи Неоптолем-Пирр имел нескольких детей, в том числе и Молосса.

² Геракл - наиболее известный из греческих героев, считавшийся сыном верховного божества олимпийского пантеона - Зевса и смертной женщины.

³ Убийство Александром Клиты за вольнолюбивые слова произвело на современников огромное впечатление и чаще, чем какой-либо другой поступок македонского царя, приводилось в качестве примера его жестокости и неблагодарности. Помимо самого факта убийства были важны еще два сопутствовавших обстоятельства. Во-первых, Клит спас жизнь Александру во время битвы при Гранике. Арриан, наиболее надежный из авторов, рассказывающих о деятельности Александра, следующим образом описывает этот эпизод: «Спифридат уже замахнулся сзади на Александра мечом, но Клит, сын Дриопида, опередил его и отсек ему руку до самого плеча вместе с мечом» (*Arr.* I, 15, 17). Во-вторых, Клит был связан с Александром особыми узами. Его мать (по другой версии, сестра) была кормилицей Александра.

⁴ Политическая ситуация в Элладе с середины IV в. до н. э. определялась стремлением Македонии, во главе которой стоял царь Филипп II, отец Александра, поставить под свой контроль многочисленные греческие государства. Наиболее активным противником Македонии выступали Афины, где антимакедонскую группировку возглавил выдающийся политический деятель и оратор Демосфен. В 338 г. до н. э. в битве при Херонее Македония разгромила войска своих противников. После этого в Коринфе состоялся всеэллинский конгресс, провозгласивший «вечный мир» между греками. Был создан всегреческий Коринфский союз, политическим главой и военачальником которого стал македонский царь. Союз должен был начать войну против Персии под официальным лозунгом «отмщения персам» за те поругания, которые они нанесли Элладе в годы греко-персидских войн.

Однако в Греции еще были сильны антимакедонские настроения, и смерть Филиппа дала толчок надеждам на освобождение от македонского контроля. В Афинах вновь поднялись противники Македонии, и вождем по-прежнему выступил Демосфен.

⁵ Согласно географическим представлениям греков, весь обитаемый мир (ойкумена) был разделен на три части: Европу, Азию, Ливию (Африку). Поскольку большая часть известной грекам Азии находилась в это время под властью персидского царства Ахеменидов, греки часто использовали термин «Азия» для обозначения Персидской державы. Многие греческие авторы рассматривали всю мировую историю сквозь призму «исторического противостояния» Европы и Азии, начавшегося еще со времен Троянской войны, а может быть, и ранее.

⁶ Греция в IV в. до н. э. переживала период острого социального и политического кризиса. Многие из представителей интеллигентной элиты Эллады того времени (Платон, Аристотель, Исократ и др.) активно искали пути выхода из этого кризиса. Платон, например, предлагал реформировать греческий полис, сделав его устойчивой, лишенной внутренних противоречий социальной системой. Однако наибольшей популярностью пользовались другие решения. При всех внешних различиях их объединяла единая основная мысль. Суть ее лучше всего сформулировал выдающийся афинский оратор и политический деятель Исократ: «Перенесем богатства Азии в Европу, а бедствия Эллады - в Азию». Многие греческие писатели развивали эту идею - идею завоевательного похода в Азию против Персидского царства Ахеменидов, об ограблении его, захвате, по крайней мере Малой Азии, переселении туда обедневших греков и закабалении ими местного населения.

Грекам уже на рубеже V и IV вв. до н. э. стало ясно, что Персидская держава, некогда грозный противник Эллады, угрожавший ей поработением, ослабела и поход против нее имеет все шансы на успех.

И Филипп и Александр учитывали наличие этих настроений среди греков и умело использовали их, стремясь представить планировавшийся ими поход как общегреческое дело, как выполнение исторической миссии эллинского мира в борьбе против азиатского деспотизма и варварства.

⁷ Согласно древнегреческим мифам, Дионис, бывший сыном Зевса и смертной женщины (Семелы), покровитель вина и виноделия, первым завоевал Индию. Этот миф особую популярность приобрел в эллинистическую эпоху, когда целый ряд царей уподоблял себя Дионису.

⁸ Первоначально термин «варвар» не содержал в себе никакого уничижительного значения. Варварами греки называли народы, не говорящие на греческом языке. Однако постепенно, особенно со времени греко-персидских войн, этот термин стал приобретать специфический характер. Для греков V—IV вв. до н. э. варвар - это человек, не только не говорящий по-гречески, но и существующий в иных, нежели привычные для греков, формах политической и социальной организации общества. И племена, жившие в условиях первобытнообщинного строя, и народы, подчиненные монархической власти, - варвары. Важный показатель варварства видели и в ином, нежели у греков, характере культуры и быта. Эти идеи нашли свое наиболее законченное выражение у самого крупного из политических мыслителей Греции

IV в. до н. э. - Аристотеля. Согласно его идеям, варвары по самой своей природе более низкие существа, нежели греки, и, следовательно, ⁹ предназначены быть рабами греков.

⁹ В общественно-политической литературе IV в. до н. э. идеи борьбы между Персидским государством (Азией) и греками (Европой) были очень популярны. Одним из тех «исторических» примеров, которым оперировали греческие авторы, была война греков против Троянского царства (Троянская война). Учитывая то обстоятельство, что поэмы Гомера (в частности, «Илиада») воспринимались читателями как реальная история, а не миф, мы должны будем признать, что подобные идеи падали на весьма подготовленную почву.

¹⁰ Когда в 480 г. до н. э. персидская армия под предводительством царя Ксеркса (сына царя Дария) готовилась к переправе через Геллеспонт, чтобы вторгнуться на территорию Греции Ксеркс, по рассказу Геродота, совершил жертвоприношения на месте, где некогда стояла Троя («царь принес в жертву Афине Илионской 1000 быков, маги же совершили героям жертвенное возлияние»). Несколько позднее, перед самой переправой, Ксеркс «совершил возлияние в море из золотой чаши, вознося молитвы Гелиосу (Солнцу.-Г.К.), дабы не случилось несчастья, которое помещает ему покорить Европу» (*Herod. VII, 43; 54*).

¹¹ Александр Македонский в начале войны с персами постоянно стремился подчеркнуть ее общеэллинский характер и укрепить греков в мысли, что ее цель - отмщение персам за поход 480-479 гг. до н. э., осквернение храмов и т. п. Именно поэтому, в духе господствовавших тогда представлений, он постоянно обращался к событиям Троянской войны, эксплуатируя историческую память греков. По свидетельству Арриана, «прибыв в Элеунт, он принес жертву Протесилаю на его могиле: считается, что из эллинов, отправившихся с Агамемноном под Илион (Трою), он первый высадился в Азии» (*Arr. I, 11, 5*). Тот же Арриан рассказывает, что во время переправы через Геллеспонт, находясь на середине пролива, Александр принес в жертву богу моря Посейдону и нерейдам быка и совершил возлияние в море из золотой чаши. Чуть позднее, когда Александр, высадившись на азиатском берегу, прибыл в Трою, он «совершил жертву Афине Илионской, поднес ей и повесил в храме полное вооружение, а взамен его взял кое-что из священного оружия, сохранившегося от Троянской войны» (*Arr. I, 11, 7*). Щит, взятый из этого храма, носили в сражениях перед Александром.

¹² Вознив копьей в землю Азии при посадке, Александр совершил символический акт, объявляя эту землю «завоеванной копьем». Согласно общеантичным представлениям, самым твердым легальным обоснованием права собственности является ее завоевание.

¹³ Первое сражение между армией Александра Македонского и персидскими войсками произошло на р. Граник. Здесь Александру противостояла не царская армия, а отряды персидских сатрапов (правителей областей) Малой Азии. Наиболее боеспособную часть этих отрядов составляли греческие наемники.

¹⁴ Согласно древним мифам, оракул предсказал фригийцам, что царем будет тот человек, который первым встретится едущим в телеге по дороге в храм Зевса. Этим человеком оказался простой земледelec Гордий. Его повозка была поставлена в храм Гордиона, ставшего столицей Фригии. По другому мифу,

царем станет человек, который сумеет развязать узел, находившийся на ярме телеги. Александр, по одной версии, разрубил узел, по другой - развязал его, сняв втулку, которая удерживала узел на ярме.¹⁵

После второго большого сражения (у Исса), в котором была разгромлена уже собственно царская армия, Дарий III обратился к Александру с предложением о мире. Согласно рассказу Арриана, Дарий предлагал Александру власть над всеми землями от Средиземного моря до Евфрата и 10 000 талантов золота в качестве выкупа за захваченную Александром семью персидского царя. Залогом будущей дружбы и союза между македонским и персидским царями должна стать женитьба Александра на дочери Дария.

Александр гордо отверг эти предложения: «он не нуждается в деньгах Дария и не примет вместо всей страны только часть ее: и деньги, и вся страна принадлежат ему. Если он пожелает жениться на дочери Дария, то женится и без его согласия. Он велит Дарию явиться к нему, если он хочет доброго к себе отношения» (*Arr.* II, 25, 1-4).

¹⁶ Египет, завоеванный персами в 525 г. до н. э., тяготился персидским игом и неоднократно восставал. Персам много раз приходилось подавлять сопротивление египтян. В силу этого Александра Македонского встретили в Египте как освободителя от власти персов. Он умело эксплуатировал эти настроения египтян. Стремясь продемонстрировать свою лояльность по отношению к египетским верованиям и обычаям и подчеркнуть законность своей власти в Египте, Александр торжественно короновался в древнем Мемфисе. Корона египетских фараонов с незапамятных времен была двойной - своего рода воспоминание о двух первоначальных государствах в Нильской долине - Нижнем и Верхнем Египте.

¹⁷ Одним из самых прославленных произведений раннеклассического искусства Афин была скульптурная группа, изображавшая Гармония и Аристогитона, борцов против тиранов - сыновей Писистрата. Во время греко-персидских войн, когда армия Ксеркса захватила Афины, эта скульптура в качестве «военного трофея» была увезена в Сузы. Возвращением ее в Афины Александр стремился подчеркнуть свое благорасположение к крупнейшему городу Эллады.

¹⁸ После поражения в битве при Гавгамелах среди части руководителей персидской армии созрел заговор против Дария, которого они обвинили и в личной трусости, и в неспособности организовать сопротивление македонскому царю. Руководителем заговора стал персидский вельможа Бесс, правитель Бактрийской сатрапии.

¹⁹ Александр Македонский стремился продолжить завоевание Индии, однако армия, истомленная непрерывным походом, отказалась идти дальше на восток, и Александру пришлось примириться с этим. Согласно преданию, на том месте, где он вынужден был прекратить поход, Александр приказал построить 12 алтарей, посвященных 12 олимпийским богам греков.

²⁰ Клеарх был тираном в Геракле Понтийской (на южном берегу Черного моря). Захватив власть насильственным путем, он стремился укрепить ее различными мерами, в том числе и путем придания ей религиозной санкции, Клеарх называл себя

сыном Зевса и призывал народ оказывать ему почести как боже-ству²¹ (об этом сообщают Мемнон и Юстин).

Толос - своеобразный тип здания в древнегреческой архитектуре, в основу планировки которого положен круг. Такие здания часто предназначались для отправления культа героев (т. е. людей, приблизившихся благодаря своим подвигам к богам). Толосы зафиксированы в Олимпии (одном из важнейших религиозных центров Эллады) и в Вергине, где находилась древнейшая столица Македонии. Здесь, недалеко от дворца, включавшего и толос, недавно раскопана гробница, принадлежавшая Филиппу II.²²

Каллисфен - племянник Аристотеля, выдающийся греческий историк. На первом этапе похода Александра он был его официальным историографом, очень много сделавшим для прославления подвигов царя. Однако в дальнейшем убедился в том, что Александр использовал лозунги «панэллинизма» только в целях пропаганды, и стал идейным вождем оппозиции в армии Александра, за что и был убит.²³

Помимо официальной версии о смерти Александра существовала и другая, согласно которой македонского царя отравили. Подозрения были высказаны в адрес Антипатра, которого Александр оставил наместником Македонии, отправляясь в Азию, и который опасался, что вскоре будет смещен. Однако эти подозрения лишены серьезных оснований, и Плутарх справедливо подчеркивал, что большинство считало рассказ об отравлении выдумкой (*Plut. Alex.* 77).

Глава 1

¹ Сразу же после смерти Александра среди руководителей македонской армии началась борьба за власть. На короткое время (до 321 г. до н. э.) фактическим правителем державы становится один из полководцев - Пердикка, которому Александр якобы на смертном одре передал свой перстень со словом: «достойнейшему». Но Пердикка очень скоро пал жертвой заговора своих приближенных. В 321 г. до н. э. состоялось нечто вроде «съезда» всех наиболее известных руководителей македонской армии, на котором были распределены должности и области для управления. Однако эти решения также оказались непрочными. Примерно 40 лет продолжалась жесточайшая борьба за раздел наследия Александра.

² В Афинах в классическую эпоху существовал демократический строй, характеризовавшийся решающей ролью народного собрания и выборностью всех должностных лиц. Военными делами руководила специальная коллегия десяти стратегов. Один из них командовал основной частью сухопутных сил - ополчением тяжелооруженных пехотинцев (гоплитов).

³ Эфебия - служба граждан-юношей в возрасте от 18 до 20 лет. В классическую эпоху Афин все молодые граждане, достигшие 18 лет, проходили двухгодичную воинскую службу, главным образом по охране границ. Только после завершения этой службы они становились полноправными гражданами.

⁴ В период своего могущества в V в. до н. э. Афины создали крупнейшее объединение государств - Афинский морской союз. Одной из форм контроля над союзными государствами стали

клерухии. У тех государств, которые восставали против афинского господства, конфисковалась часть земли и на эту землю переселялись беднейшие афинские граждане. С одной стороны, так создавались своего рода военные поселения, контролировавшие союзное, но не внушавшее доверия государство; с другой стороны, это была мера, обеспечивавшая повышение жизненного уровня афинян. После распада Афинского морского союза в 404 г. до н. э. клерухии сохранились только на нескольких островах Эгейского моря.

⁵ Демократический строй в Афинах характеризовался полновластием народного собрания, которое воплощало в себе волю народа (т. е. демоса) Афин.

⁶ Наивысший расцвет искусства в Афинах совпал со временем господства демократии в классическую эпоху. Позднее, в эллинистическое и римское время, искусство в Афинах уже никогда не поднималось до этих высот. Афинские скульпторы и ремесленники создали тогда множество копий прославленных шедевров более раннего времени, правда видоизменяя их и несколько приспособлявая к современным им художественным вкусам (так называемое неаоттическое искусство). В течение XX в. при подводных работах было открыто несколько кораблей, перевозивших эти произведения искусства. Особенно важны открытия у мыса Антикифера (Греция) и у Махдии (Тунис).

⁷ «Пролетариат», «буржуазия» и т. п. - о своеобразии социально-экономической терминологии П. Левека см. Послесловие.

⁸ В большинстве древнегреческих городов граждан, избранный на тот или иной пост, не получал оплаты за выполнение своих обязанностей. Наоборот, на некоторых постах он сам должен был тратить свои личные средства. С одной стороны, это приводило к тому, что даже в самых демократических городах реальная политическая власть сосредоточивалась в руках имущественной верхушки. С другой стороны, это был способ частичного перераспределения богатства внутри гражданского коллектива, способ заставить наиболее богатых граждан тратить часть своих средств в пользу всего гражданского коллектива.

⁹ В Македонии эллинистической эпохи явно ощущался недостаток населения - слишком значительная часть македонцев в период правления Александра и позднее ушла на Восток. Естественным результатом этого было стремление многих македонских царей (особенно Филиппа V) увеличить народонаселение, ибо от этого зависела мощь армии Македонии.

¹⁰ Наиболее острые социальные конфликты в эллинистическое время развертывались в Спарте. Здесь в это время предпринимались попытки радикальных реформ: отмена долгов, перераспределение земли, предоставление гражданских прав илотам (закабаленным крестьянам) и т. д. Эти реформы осуществлялись по инициативе царей Агиса IV, затем Клеомена III, наконец, Набиса.

Правители Спарты стремились воссоздать ее мощь, вернуть некогда принадлежавшую Спарте гегемонию (если не в пределах всей Греции, то хотя бы в пределах Пелопоннеса). Эти радикальные реформы были ориентированы на то, чтобы усилить военную мощь государства, воссоздав слой граждан - воинов. Пример Спарты оказывал революционизирующее влияние на всю Грецию.

¹¹ В Греции эллинистической эпохи отдельные города почти полностью утратили свое военно-политическое значение. Реальной силой стали два возникших в это время союза: Ахейский и Этолийский. Руководители Ахейского союза, в частности Арат, очень много сделали для освобождения Греции от влияния Македонии. Однако, когда идеи радикальных реформ, пришедшие из Спарты, распространились достаточно широко, Арат и его сторонники увидели в этом угрозу для всего существующего строя. Изменив общегреческому делу, они призвали Македонию на помощь в борьбе со Спартой. Объединенные силы македонян и ахейцев разгромили спартанские войска.

¹² Согласно древнегреческим мифам, на о-ве Делос родились Аполлон и его сестра Артемида. Их мать Латона (Дето), спасаясь от гнева супруги Зевса Геры, именно здесь нашла себе убежище. Остров с очень давних времен считался священным, здесь раз в 5 лет совершались торжественные празднества в честь Аполлона.

¹³ На территории Малой Азии в эллинистическую эпоху сложилось небольшое Пергамское царство. Его правители вели очень осторожную и тонкую политику, постоянно выступая в качестве союзников Рима. В результате этого территория его сильно разрослась. В 133 г. до н. э. царь Аттал III завещал свое царство Риму, что немедленно вызвало народное восстание под руководством Аристоника. После его подавления территория царства была превращена в римскую провинцию, которой было дано название «Азия».

¹⁴ Амфикиония - одно из древнейших религиозных объединений греческих городов, центром которого были Дельфы. Дельфийский оракул Аполлона пользовался огромным престижем в древней Греции.

¹⁵ В некоторых официальных документах эллинистического времени из Македонии присутствует не совсем понятная формула: «Царь такой-то койнон (союз) македонян». На основании этих документов ряд исследователей полагает, что в это время возникло какое-то объединение, ограничивавшее абсолютную власть царя. Однако помимо этой формулы, встречающейся, кстати, только в части документов, никаких других доказательств существования такого союза нет.

¹⁶ Представление о жителях негреческого происхождения как о «варварах» было широко распространено в Элладе. Македонян многие греки считали варварами. Первоначально таким же было отношение к римлянам.

¹⁷ В VIII—VI вв. до н. э. греки широко расселились на берегах Средиземного моря. Особенно много греческих колоний было основано на о-ве Сицилия и в южной части Италии (обычно этот район греки называли Западом).

¹⁸ Королевство Обеих Сицилий - средневековое государство, охватывавшее как Сицилию, так и южную часть Италии. В данном случае П. Левек употребляет этот термин умышленно, подчеркивая стремление Пирра властвовать как в Сицилии, так и в Южной Италии.

¹⁹ На территории Южной Италии помимо населения греческих городов располагались местные племена, к числу которых относились луканы и бруттии. С точки зрения греков, они были варварскими народами.

²⁰ Сиракузы в то время были одним из крупнейших городов античного мира. В одном из районов (в Эшшолах), который за-

нимал высоты в западной части города, была достроена в эллинистическое время мощная крепость на холме Эвриал.

²¹ Деметрий Фалерский, один из известных древнегреческих философов (около 345-283 гг. до н. э.), принадлежал к школе перипатетиков, основанной Аристотелем. Был учеником философа Феофраста и комедиографа Менаандра. В 317-307 гг. до н. э. по поручению Кассандра (одного из диахов) управлял Афинами. Пытался создать в соответствии с учением Аристотеля режим «умеренной демократии». После завоевания города Деметрием Полиоркетом и восстановления демократии заочно был судим и приговорен к смертной казни. Всю оставшуюся жизнь провел в Египте.

²² Эратосфен из Кирены (около 276-194 гг. до н. э.) - крупнейший ученый-географ античности. Он обобщил все результаты предшествующих географических исследований (как практических, так и теоретических) и создал первую карту Земли, построенную с учетом ее шарообразной формы и с привлечением астрономических данных.

²³ В античности монета, как правило, чеканилась из драгоценных металлов - золота и серебра. Покупательная стоимость ее соответствовала стоимости металла, содержащегося в монете. В истории античности неоднократно засвидетельствованы случаи, когда государственная власть в периоды экономических затруднений пыталась решить проблемы уменьшением содержания драгоценного металла в монете («порча монеты»). Однако эта мера чаще всего не помогала. Рынок очень быстро реагировал на такое сокращение. Подобные монеты падали в цене, соответственно росли товарные цены, начинался хаос в денежном обращении. Выйти из подобного состояния было очень трудно.

²⁴ Вся территория эллинистических царств делилась в принципе на две основные части: землю городов и царскую, которая в то время называлась «хора» («страна»),

²⁵ Диаспора (букв. «рассеяние»). Уже с VII в. до н. э. значительные группы евреев оказались за пределами своей родины. Позднее этот процесс продолжался в очень значительных масштабах. Евреи диаспоры - это евреи, жившие за пределами Иудеи.

²⁸ «Экклезиаст» - литературное произведение, написанное, видимо, около 200 г. до н. э. еврейским аристократом, в некоторой степени подвергшимся греческому влиянию.

²⁷ Диатриба - типичный литературный жанр киинической литературы. Это речь или проповедь, с которой философ обращается к аудитории, прозаический монолог, где ведется внутренняя дискуссия с воображаемым оппонентом.

²⁸ «Пророчества Сивиллы» - в древности существовало представление о боговдохновенных пророчицах. Известны были эритрейская, кумекая и другие Сивиллы. Пророчества, якобы произнесенные ими, были собраны в книгу. Значительную часть содержания ее занимают пророчества так называемой «Еврейской Сивиллы».

²⁹ «Ка» - характерное для древнеегипетской религии представление, суть которого состоит в том, что «ка» - либо жизненная сила всякого живого существа, либо своего рода двойник человека, которого имеют все жители Египта.

Глава 2

¹ О «капиталистической буржуазии» подробнее см. в Послесловии.

² В эллинистическую эпоху, для которой были характерны политическая нестабильность и постоянные войны, «право убежища и неприкосновенности имущества», даруемое различным городам, служило гарантией, что город и его сельскохозяйственная территория не будут разграблены в ходе военных действий. Однако в реальности это право мало помогало городам.

³ Относительно возможности использования понятий «меркантилизм», «капитализм» для анализа экономики эллинистического мира см. Послесловие.

⁴ Э м ф и т е в с и с - особая форма аренды, характерная и для Египта птолемеевской эпохи. Арендатор (эмфитевт) хотя и не являлся собственником земли, в то же время пользовался достаточно широкими правами и хозяйственной самостоятельностью; его участок переходил по наследству; он мог его продавать, закладывать, завещать; эмфитевт уплачивал аренду на более льготных условиях, чем обычный арендатор; условия аренды определялись договором. Однако необходимо иметь в виду, что в условиях Египта этот вид аренды прилагался лишь к той земле, которая до этого была непригодной для обработки и усилиями арендатора превращена в плодородную.

⁵ В Египте птолемеевского времени значительную часть населения, занятого в сельском хозяйстве, составляли люди, лишённые земли. Часть из них становилась арендаторами на самых кабальных условиях, другая, еще более бесправная, превращалась в батраков.

⁶ В западной антиковедной литературе очень часто социально-экономическую структуру обществ Востока (в том числе и эллинистического периода) называют феодальной. Подробнее ст. Послесловие.

Глава 3

¹ Герметическая литература носит название по имени Гермеса Трисмегиста. Для эллинистической эпохи были характерны мистерияльные культы, магия и гносис. Гносис означает «знание», но это не реальное знание, а то «знание высших тайн» бытия, которое дается непосредственным общением с божеством. Одним из таких гностических учений, соединенных с магией и алхимией, было так называемое учение Гермеса Трисмегиста (Трижды величайшего). Книги герметиков чрезвычайно трудны для понимания.

² Карнеад во время своих выступлений в Риме потряс неискушенную в то время римскую публику, с равным блеском защищая и опровергая один и тот же тезис.

³ А т а р а к с и я - невозмутимость - одно из основных понятий в этике скептиков (а также эпикурейцев). Имеется в виду «невозмутимость духа» мудреца-философа.

⁴ Данное выражение здесь необходимо понимать не буквально, а метафорически.

⁵ Римская Стоя - это, согласно общепринятой периодизации, - Средняя Стоя.

6 Пятый постулат Евклида - это постулат о параллельных, который логически равносителен утверждению: на плоскости через точку, лежащую вне прямой, можно провести только одну прямую, не пересекающую данную. Попытки доказать этот постулат привели в XIX в. к открытию Лобачевским неевклидовой геометрии.

7 Асклепийон - храм бога Асклепия, расположенный на о-ве Кос, был центром развития рациональной медицины. Книд - остров, на котором также существовала одна из популярных медицинских школ.

8 «Геракл Фарнезе» - условное название известной статуи отдыхающего Геракла, найденной в XVI в. в развалинах терм Каракаллы и поступившей во владение известной римской семьи Фарнезе.

9 «Аррия и Пет» - скульптурная группа, изображающая галла (галата) и его жену. Происходит из прославленной коллекции кардинала Людовико Людовизи (XVII в.).

10 Гидрия - один из типов античных сосудов, предназначенных для хранения воды.

Глава 4

1 О введении культа Деметры и Керы в Карфагене рассказывает Диодор (XIV, 70; 77). Во время войны с Дионисием карфагеняне, осаждавшие Сиракузы, разрушили и разграбили находившееся в окрестностях города святилище Деметры и Керы. Это вызвало гнев богинь, обрушивших на воинов страшную эпидемию.

Еще большее испытание ждало карфагенян после войны: мощное восстание, поставившее под угрозу само существование государства. Карфагенское правительство решило умиловить разгневанных греческих богинь, установив их культ в Карфагене и назначив жрецами лиц как из своих выдающихся граждан, так и из тех греков, кто жил тогда в Карфагене.

2 Карфаген уже в VII в. до н. э. основал свои первые колонии в Испании, в дальнейшем зона его владений на Иберийском п-ове неуклонно расширялась.

Особенно велики были приобретения в период после Первой Пунической войны до начала Второй, когда заместителями Карфагена в Испании выступали Гамилькар Барка, Гасдрубал и Ганнибал. Их власть здесь была столь велика, что иногда даже говорят об отдельном карфагено-испанском государстве династии Баркидов.

3 Поэт Энний (239-169) был другом Публия Сципиона Африканского. Его перу принадлежит поэма, восхваляющая деяния Сципиона.

4 Асклепий (в Риме Эскулап) - божество врачевания. В 293 г. до н. э., когда в Риме разразилась чума, из Эпидавра (главного центра культа Асклепия в Греции) в Рим привезли змею, а в ее образе, как тогда верили, и самого Асклепия. На одном из островов Тибра был построен храм Асклепию.

5 Мероз, о котором сообщает Геродот, и Мероз авторов эллинистического времени - разные города. Видимо, Геродот называл Мероз город, который позднее именовался Напата.

6 Схен (схойн) - мера длины, равная 30 стадиям, т. е. около 5,5 м. Однако, по другим свидетельствам, она длиннее.

7 Автор, как и подавляющее большинство западных ученых, считает Парфию феодальным государством. Относительно социальной природы Парфии см. Послесловие.

8 В данном случае под маздеизмом, видимо, имеется в виду зороастризм, т. е. религиозная система, возникшая в начале I тысячелетия до н. э. в результате проповеди Заратустры (Зороастра), дуалистическая по своей природе. Верховным божеством в пантеоне зороастрийцев был Ахурамазда.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенгстон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1965.
Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969.
Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 1-3. М., 1890-1893.
Жигуни В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280-220 гг. до н. э. Казань, 1980.
Зелъин К. К. Исследования по истории земельных отношений II—I веков до н. э. М., 1960.
Ковалев С. И. Эллинизм. Рим. Л., 1936.
Кошеленко Г. А. Греческий город на эллинистическом Востоке. М., 1979.
Кравчук А. Закат Птолемея. М., 1973.
Ломоури Н. К истории Понтийского царства. Тб., 1979.
Пикус Н. Н. Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э. М., 1972.
Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л., 1950.
Тари В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
Уилер М. Пламя над Персеполем. М., 1972.
Хвостов М. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.
Цибукидис Д. И. Древняя Греция и Восток. М., 1981.
Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1987.
Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984.
Шифман Я. Ш. Nabateyское государство и его культура. М., 1976.
Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. М., 1985.
Шофман А. С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984.
Эллинистическая техника. Сборник статей под редакцией акад. И. И. Толстого. М.-Л., 1948.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Каждому исследователю, занимающемуся историей античного мира, известно, какое огромное количество научной и научно-популярной литературы, посвященной различным проблемам антиковедения, выходит ежегодно в свет за рубежом. Достаточно взглянуть на солидный том библиографического справочника «Марузо», содержащего одни лишь названия и короткие аннотации к той или иной работе.

Однако столь же хорошо известно, что книг по античности на русский язык переведено очень мало и что большинство зарубежных изданий в нашей стране имеются лишь в одном-двух экземплярах, да и те хранятся в крупнейших книгохранилищах Москвы и Ленинграда и доступны только узкому кругу ученых. Поэтому специалиста, предложившего перевести на русский язык книгу зарубежного автора, неизбежно будет волновать вопрос, в какой степени оправдан его выбор и что в конечном счете составит ту часть «духовной пищи», которая дойдет до читателя. Эта ответственность перед читателем и заставила меня, научного редактора, попытаться объяснить, почему из сотен книг по античной истории я отдал предпочтение именно книге П. Левека.

Выбор обосновывался тремя группами взаимосвязанных факторов: личностью автора, содержанием работы и характером развиваемой в ней концепции.

Итак, об авторе. К сожалению, в нашей стране Пьер Левек известен не столь широко, как за рубежом, в то время как он - один из крупнейших антиковедов Франции, ученый, авторитет которого столь же высок, как и научный авторитет других исследователей, составляющих гордость французской науки об античности, - Ш. Пикара, Л. Робера, П. Бернара и др. Его отличают как широта интересов, так и глубокое проникновение в суть исторического процесса. Десятки книг и сотни написанных им статей и рецензий вошли в золотой фонд современного антиковедения. Приведем примеры, подтверждающие эту мысль. В широко известной французской серии «Народы и цивилизации» в 1987 г. вышла книга «Первые цивилизации», одним из основных авторов и редакторов которой выступил П. Левек. Ему

же принадлежит и сама концепция развития человеческого общества от палеолита до конца бронзового века. В качестве другого примера можно привести книгу, написанную П. Левеком в соавторстве с П. Видаль-Накэ, «Клифен афинский» (Париж, 1973). В отличие от первой, дающей широчайшую панораму, человеческой истории, - своего рода взгляд с «высоты птичьего полета», вторая книга посвящена очень короткому отрезку истории одного древнегреческого центра - Афин конца VI в. до н. э. Эта небольшая по объему книга интересна своим принципиальным подходом к объекту исследования. Авторы исходят из положения, что идея политических реформ, проведенных Клифеном, не только родилась из опыта политической жизни, осмысливаемой индивидом, но и стала естественным результатом эволюции теоретического мышления. Эта удивительная по своей глубине и оригинальности мысль, ставящая во взаимную связь все сферы человеческого мышления, не отсекающая политический опыт от опыта общенаучного, весьма плодотворна и, к сожалению, далеко еще не оценена нашим антиковедением, иссушающим себя ограниченным социологизаторством или лишенным конкретики культурологическим подходом. Можно было бы еще долго перечислять работы, либо написанные самим П. Левеком, либо созданные под его руководством, однако гораздо важнее другая сторона его деятельности.

В советском антиковедении постепенно получило право на существование понятие «Безансонская школа», о которой во всех историографических пособиях пишут с глубоким уважением и симпатией как о наиболее ярком и перспективном направлении в современном французском антиковедении. Действительно, оно оказывает все большее воздействие на исследования в области древней истории. Не все ученые этой школы живут в Безансоне и преподают в его университете - они разбросаны по всей Франции от Парижа до Ренна, и их объединение является (если воспользоваться современной терминологией) «неформальным». Его можно рассматривать как объединение единомышленников, изучающих древнюю историю, в первую очередь историю социальную. Это не значит, что их исследования посвящены исключительно проблемам социальных отношений в том или ином обществе на том или ином отрезке его истории. Социальные отношения - основа, которая в конечном счете определяет все остальные структуры общества. Исходя из этого положения, ученым «Безансонской школы», уделяют много внимания такому структурообразующему элементу античного общества, как рабовладение. «Безансонская школа» объединяет все наиболее прогрессивное в современном французском антиковедении и тем самым притягивает к себе молодежь, Это направление можно рассмат-

ривать, с одной стороны, как традиционное и национальное, как применение к античной истории тех принципов, которые столь плодотворно были разработаны на материале феодализма школой «Анналов», а с другой стороны - как интернациональное, как отражение тех процессов, которые все сильнее сказываются в мировом антиковедении. Имеется в виду все большее воздействие марксизма как социальной философии и методологической базы исследовательского подхода.

Решающая роль в возникновении, консолидации и развитии «Безансонской школы» принадлежит П. Левеку. Будучи несколько лет ректором университета в Безансоне и деканом исторического факультета, он не только идейно объединил прогрессивно мыслящих французских ученых-антиковедов, но и создал нечто вроде необходимой для нормального функционирования школы инфраструктуры. Всему мировому сообществу антиковедов известны выходящие ежегодно в Безансоне сборники - «Диалоги по древней истории», как правило публикующие работы, которые вызывают всеобщий интерес. Не менее известна и серия работ под названием «Литературные анналы Безансонского университета», в которой опубликованы многие важные исследования, посвященные, в частности, истории античного рабовладения, П. Левек выступил также инициатором проведения регулярных международных симпозиумов, посвященных проблемам социальной истории античного мира.

Таким образом, читатель получил представление о Пьере Левеке, и это, надеюсь, убедило его, что по крайней мере с точки зрения личности автора данная книга заслужила быть переведенной и изданной.

Далее о содержании книги. На первый взгляд говорить о нем нет особой необходимости, поскольку оно хорошо определяется названием: «Эллинистический мир». Однако и на этот счет хотелось бы высказать ряд соображений, и одно из них продиктовано разницей в характере среднего образования в СССР и во Франции, и в частности тем, что средний советский читатель знает древнюю историю очень плохо, поскольку обращается к ней один раз в жизни - в 5-м классе. Да к тому же учебники наши (включая и достойный учебник Коровкина) ничего, кроме неприязни к древней истории, породить у ученика не могут. Чуть лучше ситуация с интеллигенцией гуманитарной направленности: за редким исключением, древнюю историю она знает просто плохо.

Иная ситуация во Франции, где более сильны идеи гуманистического образования и где древняя история занимает более почетное место. П. Левек, конечно, ориентировался на среднего французского читателя и поэтому оставлял без пояснения многие

факты и понятия, которые хорошо известны французу и весьма мало известны многим нашим читателям. Этим отчасти объясняется и необходимость снабдить книгу некоторыми комментариями, а также внести дополнительные пояснения к тексту в данном Послесловии.

Что же такое эллинизм? Само это понятие (*Hellenismus*) было введено в науку только в прошлом веке выдающимся немецким ученым И. Дройзенем и означало тот период античной истории, который начался вслед за походами Александра Македонского и продолжался (как считает большинство современных ученых) вплоть до 30 г. до н. э., когда последнее эллинистическое государство (Птолемеевский Египет) было включено в состав Римской империи.

Впрочем, необходимо иметь в виду, что это определение достаточно условно. В современном антиковедении отсутствует единое мнение по очень многим важным вопросам, в частности и относительно начала эллинизма. Некоторые ученые считают, что эллинистический период начался со времени походов Александра Македонского на Восток, другие же полагают, что началом его следует считать смерть Александра.

Еще больше споров о конечной дате эллинизма. В свое время немецкий антиковед Ю. Белох полагал, что он падает на 217 г. до н. э., т. е. на тот год, когда римские войска впервые высадились на территории Греции. Затем в течение долгого времени была популярна другая дата: 146 г. до н. э. - время окончательного подчинения Эллады Риму.

Сейчас же наибольшее признание получила дата, упомянутая нами выше: 30 г. до н. э. Однако и против нее имеются возражения, основывающиеся на двух посылках. Во-первых только часть эллинистического мира была захвачена Римом: не меньшую роль в его гибели сыграли парфяне и кушаны, которые стали хозяевами восточной половины этого мира, и именно поэтому связывать гибель эллинизма лишь с римской экспансией неверно. Во-вторых, если принять дату захвата Римом Птолемеевского Египта как дату окончания периода эллинизма, то возникнет вопрос: в какой степени она справедлива для других частей эллинистического мира, за мною десятилетий до этого захваченных римлянами и парфянами?

Нет у исследователей единого мнения и относительно территориальных границ мира эллинизма. М. Ростовцев его территории определял достаточно четко - те, что входили в состав державы Александра Македонского. Однако даже у М. Ростовцева заметна некоторая тенденция к расширительному пониманию эллинистического мира: он также включает в его состав Боспорское царство, некоторые области Малой Азии, государство Гиерона II в Сицилии, т. е. те территории, которые Александр никогда не

завоевывал. Просто, как пишет автор, они были «греческими по своей структуре и цивилизации» и в этом отношении не отличались от остального эллинистического мира. Им особо подчеркивалось то обстоятельство, что историю эллинизма нельзя считать всемирной историей определенного периода, поскольку на западных и восточных рубежах эллинистического мира располагались две обширные зоны государств, находившихся в тесных контактах с ним, но тем не менее сохранявших свои социальные, политические и культурные структуры (Италия, большая часть Сицилии, Карфаген, Индия, Китай, Парфия, Южная Аравия, Мероэ). Кроме того, из сферы эллинистического мира исключаются «варварские» народы - скифы, сарматы, фракийцы, иллирийцы, кельты, иберы и т. д. *

В работах последующего времени эта расширительная тенденция все более укреплялась. П. Пети границы эллинистического мира указывает несколько неопределенно: от Ирана до Карфагена и от Египта до Италии. Х. Бенгстон же считает, что вообще эллинистическая история - это всемирная история периода III—I вв. до н. э.

Наконец, бурные дискуссии среди исследователей вызывает проблема самой сути эллинизма. Когда И. Дройзен ввел свой термин в науку, он понимал, что под ним скрывается прежде всего культурное явление. Для И. Дройзена эллинизм представлял собой время, когда в области культуры (в первую очередь религии) происходил процесс взаимодействия Греции и Востока. Подобный подход на многие десятилетия оставался господствующим в антиковедении. При этом чаще всего подчеркивался один аспект в процессе культурного взаимодействия: широкое распространение греческой культуры на Востоке и ее влияние на культурное развитие народов Востока. Х. Бенгстон, однако, подчеркивает не факт распространения греческой культуры, а то, что «греческий дух» раскрывался в новой (административно-технологической) сфере.

В последние годы, однако, постепенно выработывалось прямо противоположное мнение. П. Бриан и Х. Крайсиг считают, что эллинистические государства по сути своей оставались древневосточными и эллинистическая эпоха ничего в них не изменила.

В советской науке проблема сущности эллинизма также не имеет однозначного решения. В течение многих лет наибольшим

* Подробнее см.: Кошеленко Г. А. Некоторые основные проблемы истории эллинизма в современной зарубежной литературе. — Проблемы эллинизма. XIV Международный конгресс исторических наук. Вып. 6. М., 1975, с. 6 и сл.

признанием пользовались концепции, разработанные А. В. Рановичем и С. И. Ковалевым. Согласно их точке зрения, эллинизм - это закономерный этап в развитии рабовладельческой общественно-экономической формации. В свое время такая точка зрения казалась правильной и справедливой, поскольку в ней было здоровое ядро. Она в конечном счете порождена была стремлением разобраться в социальной природе эллинистического мира, увидеть специфику не только культурных, но и социальных структур. Но вскоре стало ясно, что подобный подход к феномену эллинизма методологически неправилен, поскольку конкретно-историческое явление возводится в ранг общесоциологической закономерности. С 1953 г. в советском антиковедении надолго укрепилась концепция К. К. Зельина, поддержанная В. Д. Блаватским, согласно которой эллинизм - это конкретно-историческое явление, родившееся в результате походов Александра Македонского. Он характеризуется сочетанием античных и древневосточных черт в социальной, политической и культурной сферах жизни общества.

Однако и против этой концепции в последние годы начались довольно активные выступления. Критика шла по двум направлениям. Во-первых, указывалось, что если строго следовать основной идее К. К. Зельина, то Греция и Македония никак не могут быть признаны частями эллинистического мира, ибо в их социальной и политической структурах ничего восточного проследить не удастся, да и в сфере культуры восточные элементы в это время почти неощутимы. Во-вторых, сейчас, когда мы лучше знаем культуру эллинистического Востока, нужно признать, что культурное взаимодействие греческих и восточных начал в эллинистическое время было минимальным. Взаимодействовали социальные и политические структуры, а в сфере культуры каждый из народов упорно отгораживался от чуждых влияний, насмерть бился за свою культурную самобытность. Процесс бурного культурного взаимодействия начался только тогда, когда закончилась собственно эллинистическая эпоха, когда кончился период взаимовлияний в социальной структуре и в политических формах организации общества.

Этот длинноватый историографический очерк, надеюсь, убедил читателя в том, что эллинистическая эпоха - это та эпоха, которая, несмотря на полуторавековые упорные исследования, остается полем борьбы идей. Нет никаких общепринятых решений, спорят о сущности, о территориальных и хронологических границах явления, не говоря уж о десятках более частных проблем.

Перейдем теперь к специфике самой работы П. Левека. Сначала несколько слов о том, как она родилась, В 1964 г. была

опубликована большая книга П. Левека «Греческое приключение» («L'aventure grecque»), в которой прослеживались судьбы греческой цивилизации от ее становления вплоть до римского завоевания. (За эти годы труд переиздавался трижды.) Она делилась на четыре части, и последняя из них, посвященная эллинизму, носила название «Возрождение эпохи эллинизма». Именно эта часть в переработанном и расширенном виде была издана в 1969 г. отдельной книгой под названием «Эллинистический мир». Какие же черты в ней, какие авторские концепции и выводы особенно привлекают?

Если ответить на этот вопрос одним словом, то это «нетрадиционность». Естественно, в Послесловии нет необходимости рассказывать о содержании работы, предполагается, что читатель сначала прочитал книгу, а затем уже обратился к Послесловию, а не наоборот. Эта нетрадиционность двупланова: с одной стороны, мы встречаем в книге идеи, которые обычно не встретишь в советских работах, посвященных эллинизму, с другой стороны, в книге П. Левека представлены концепции, не находящие места и в западной литературе.

Начнем с последних. Работа П. Левека поражает прежде всего охватом материала. Помимо собственно эллинистического мира автор уделил внимание проблеме контактов его с внешним (по отношению к эллинистическому) миром. Проблема «иррадиации» эллинистических институтов и культуры - одна из основных в книге. Но главное не в том, сколько места занимает этот материал в общем объеме, а в том, что эллинистический мир не рассматривается изолированно от «внешнего» мира, как часто делается в мировой литературе, посвященной данному кругу проблем. Нова здесь не сама идея взаимосвязи миров - новое в трактовке этого взаимодействия как черты, органически присущей эпохе, как внутренней закономерности данного этапа эволюции человеческого общества. Конечно, сказанное не означает, что П. Левек рассматривает эллинизм как закономерный этап развития рабовладельческой формации (подобно С. И. Ковалеву и А. Б. Рановичу) или как «всемирную историю» того времени (что характерно для Х. Бенгстона), он отделяет мир эллинизма от всех иных обществ, с которыми эллинистический мир взаимодействовал, но в то же время уверен в том, что без теснейшей связи с этим «внешним» миром эллинизм не был бы жизнеспособен и что «иррадиация» эллинизма - это феномен, внутренне присущий самому эллинизму.

Таким образом, концепция П. Левека - это оригинальный вклад в изучение проблемы эллинизма. Она резко выделяет его работу из числа многочисленных зарубежных работ, посвященных истории эллинистического мира.

Одна из важнейших особенностей книги состоит в той твердой материалистической основе, которая определяет все построения автора. Для большинства западных ученых, касавшихся истории эллинизма, между социально-экономической структурой общества и структурой культурной нет неразрывной связи. У них, как правило, отсутствует понимание того, в какой степени развитие культуры определяется социально-экономическими процессами. В их работах культура выступает как феномен, абсолютно автономный по отношению к социальной структуре. Конечно, определенная степень автономности культуры бесспорна, однако для исследователя-марксиста бесспорно и то, что все явления культуры в конечном счете порождены социально-экономической структурой общества и его предшествующей эволюцией.

У П. Левека подобного, столь характерного для западной историографии разрыва нет. Для него процесс культурной эволюции эллинистического общества порождается теми социально-экономическими и политическими явлениями, которые определяют сущность эллинизма.

В связи с этим необходимо указать еще на одну особенность работы П. Левека, отличающую ее от обычных западных исследований по истории эллинизма. В большинстве зарубежных работ по эллинизму подчеркивается мысль о том, что греческое завоевание было благодеянием для народов Востока. Эта мысль варьирует в зависимости от основной концепции автора: кто пишет о «благодетельном свете» эллинской культуры, «воссиявшем» над просторами Азии, кто утверждает даже, что завоеватели, придя на Восток, освободили азиатское крестьянство. В немногих работах преодолено это изначальное европоцентристское мышление, согласно которому любая победа «Запада» над «Востоком» - благо, всякий факт, указывающий на распространение западной культуры, должен приветствоваться. П. Левек в своем понимании эллинистического мира далеко ушел от подобных позиций. Он определенно указывает на колониалистский характер любого эллинистического государства, ориентированного на эксплуатацию завоеванных народов завоевателями. Для него такая позиция - исходная, тот основной факт, от которого надо отталкиваться, анализируя мир эллинистических монархий.

Наконец, необходимо сказать несколько слов и о том, что отличает эту книгу от советских работ, посвященных истории эллинизма. Наверное, уже первые страницы книги вызовут у нашего читателя некоторое досадливое недоумение. Имеются в виду те страницы, которые посвящены Александру Македонскому. «Герой предопределением свыше», «человек, изменивший мир», - все это как-то не вяжется с нашим обыденным сознанием, вос-

питанным на понимании действия законов истории. Однако, может быть, стоит остановиться и еще раз подумать над проблемой «роли личности в истории», своеобразное решение которой на примере Александра Македонского дает П. Левек. Так ли все ясно и однозначно в этом вопросе? Возможно, нашему сегодняшнему читателю полезно взглянуть на эту проблему с точки зрения французского историка. Конечно, нельзя утверждать, что его точка зрения справедлива, но разве чужое мнение может мешать мыслящему человеку выработать свое собственное?

Только для того чтобы дать еще некоторую пищу для размышления, отмечу, что в современной западной и отчасти в нашей, советской литературе, посвященной проблемам эллинистического мира, почти постоянным рефреном звучит мысль: эллинистический мир создан Александром Македонским. Но в какой мере справедлива она? Конечно, походы Александра коренным образом изменили мир, процессы исторического развития на века стали определяться тем основополагающим фактом, что огромные пространства Востока были завоеваны и колонизованы греками и македонянами. Но был ли эллинистический мир тем, каким хотел его видеть Александр, совпали ли результаты с его планами?

Думается, что между планами и исторической реальностью лежит «дистанция огромного размера». Со всеми возможными поправками на неточности источников, искажение традиции можно полагать, что основные идеи Александра представляются сейчас достаточно отчетливо, но и достаточно отчетливо ясно, что из этого получилось: Александр мечтал о создании единой, огромной, «универсальной» монархии - на ее месте сложилась система отдельных, вечно враждовавших государств; Александр проводил политику «слияния народов» (не будем сейчас говорить о природе и характере этой политики, достаточно сказать, что она существовала) - в новом эллинистическом мире выросли крепкие перегородки между народами, победители и побежденные не были единым народом, а, наоборот, противостояли друг другу; Александр стремился освоить Восток путем создания сети своих городов - военных колоний, которые находились бы под его строжайшим контролем и были бы теми ячейками, в которых происходило бы «слияние народов», - на место этих колоний пришли настоящие греческие полисы с характерной для них внутренней автономией и собственными институтами.

Можно продолжить список этих коренных различий между планами и исторической реальностью, но думается, что и этого достаточно.

Хотелось бы еще обратить внимание читателя на довольно частое обращение П. Левека к таким понятиям, как «буржуа-

вия», «капиталист» и т. п., при описании социально-экономической структуры ряда эллинистических государств. Конечно, нет ничего проще, чем с высокомерным видом заметить, что автор не понимает основных закономерностей развития общества и что нельзя использовать понятия, характерные для капиталистического общества, при анализе рабовладельческого. Можно даже обвинить его в модернизации, однако более внимательный подход к тексту показывает, что реальная картина более сложна, чем кажется на первый взгляд.

Прежде всего нельзя отрицать то, что П. Левек прекрасно сознает рабовладельческую основу эллинистического общества и тем самым коренное различие между античной рабовладельческой и капиталистической общественно-экономическими формациями. Что же в таких условиях скрывается под этими терминами у П. Левека?

Уже давно исследователи, занимающиеся самыми общими проблемами истории человеческого общества, обратили внимание на следующее обстоятельство: в некоторых отношениях феодальная формация напоминает первобытнообщинную, а рабовладельческая — капиталистическую. При всех огромных различиях между ними существовал все-таки целый ряд черт, сближающих их.

Не будем приводить многочисленные примеры, ограничимся только одним: именно на основе римского права был создан «Кодекс Наполеона», т. е. законченное право буржуазного общества. Если мы вспомним одну из основополагающих идей марксистской социальной философии о развитии как развитии по спирали, то думается, что причины подобного сходства станут для нас достаточно ясными. Наиболее глубокий и проницательный мыслитель античного мира, Аристотель в своем анализе экономики того времени выделял две сферы экономической деятельности: «ойкономику» и «хрематистику». Ойкономика (отсюда современная «экономика») — это экономическая деятельность в рамках рабовладельческого замкнутого хозяйства, ориентированная на воспроизведение существующих отношений, хрематистика же — экономическая деятельность, чрезвычайно напоминающая деятельность в условиях капиталистических рыночных отношений и направленная на получение возможно более высоких прибылей.

Таким образом, в условиях рабовладельческого общества существовал определенный сектор экономики, по своему характеру сходный с теми отношениями, которые господствовали в эпоху капитализма.

Думается, что П. Левек, говоря о буржуазии, капиталистах эллинистической эпохи, имел в виду в первую очередь те категории господствующего класса, экономическая деятельность кото-

рых развертывалась именно в этих сферах экономики. П. Левек, конечно, как и многие западные ученые, несколько легкомысленно использует терминологию, но упрекать его в модернизации больших оснований нет.

Вместе с тем подобный подход автора к этим проблемам заставляет и нас подумать о некоторых аспектах экономической истории античности. В последние годы, видимо, мы слишком увлеклись выявлением специфики античного общества, забывая часто о некоторых явлениях, заслуживающих более внимательного рассмотрения и более глубокого анализа,

Г.А. Кошеленко

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Александр Великий	
Герой предопределением свыше	jj
Видение мировой империи	
Азиатская и африканская эпопеи	
К единению мира	8
Установление культа царя	11
Смерть Титана	12
Глава 1	
Эллинистические государства	13
Упадок независимой Греции	14
«Буржуазные» Афины	15
Социально-экономический кризис континентальной Греции	16
Процветание островной Греции	18
Федеративные государства	2£
Северные царства	23
Македония	23
Эпир	26
Упадок греческого Запада	28
Монархия Агафокла (319-289)	28
Подвиги Пирра на Западе (280-275)	29
Сицилия во времена Гиерона II	31
Царства Востока	32
Царство Птолемеев	32
Царство Селевкидов	35
Усиление раздробленности	36
Бесславные потомки	37
Царство Атталидов	39
Еврейская проблема	41
Иудея	41
Диаспора	44
Эллинистическая монархия	46
Царь и двор	46
Царская администрация	47
Бюджет	49
Военное соперничество	50
Глава 2	
Завоеванный мир: управление царствами	54
Строительство городов	54
Города, основанные Селевкидами	55

Пергам Атталидов	
Александрия Египетская	Б1
«Капиталистический» меркантилизм и государственное управление экономикой	63
Международные связи	Щ
Государственное управление сельским хозяйством	*8
Царские и частные земли, концессии	68
Пример Египта	
Колониальное общество	£
Этническая и экономическая разобщенность	75
Новая «буржуазия»	76
Чиновники	78
Египетское жречество	80
Мир труда	2
Неизбежное «единение»	
Мир воинов	87
Набор наемников	87
Жизнь наемника. Клерухий	83
Глава 3	
Последние перемены в эллинистической культуре	93
Эмоции и духовность в литературе	94
Литератор и его публика	\$4
Новая комедия	97
Лирика ухода от действительности	
Знание филологии	Ю3
Историография III в. до н. э.	104
Рационалистическая история: Полибий	106
Бесстрашие мудреца и аппетит ученого	108
Философские кружки	108
Традиционные школы	Ю9
Эпикуреизм Эпикура	111
Древняя Стоя	114
Средняя Стоя	
Новый тип человека - мудрец	117
Апогей развития греческой науки	118
Математические исследования	119
Биология и медицина	121
Искусство	122
Жилища богов и людей	123
Рассчитанный успех: город	127
Патетика и реализм в скульптуре	130
Традиции греческой скульптуры	131
Изображение страсти в скульптуре азиатских школ	133
Изысканный реализм Александрии	135
Греко-египетский синкретизм	136
Мир красок: живопись и мозаика	137
Второстепенные виды искусства и предметы роскоши Александрии	139
Религиозное брожение	142
Скептицизм и религиозное рвение	142
Самые близкие божества - цари	144
Небесные боги	145
Традиционный пантеон	145
Триумф Востока	146

Рождение и слияние богов	151
Герметизм и магия	154
Астрология и алхимия	157
Новые религиозные общины	158
Глава 4	
Вне политических границ	161
Европа варваров	161
Греческие колонии Северного Причерноморья	162
Эллинизация скифов и сарматов	164
Балкано-дунайский регион	166
Мир кельтов	168
Эллинистическая Массалия	171
Кельто-лигурийцы Прованса	173
Иберы и кельты Лангедока-Русильона	177
Иберы и кельты в Испании	180
Центральное Средиземноморье	182
Преобразования в Карфагене	182
В империи Карфагена	185
Греческий Рим	186
Кружок Сципионов	188
Пробуждение литературы и искусства	189
Философские спекуляции и мистицизм	192
В подчиненной Италии	196
Внутренние районы Африки	197
Греческие ученые, купцы и солдаты в Нубии	197
Эллинизм в Мероитском царстве	200
Железо и золото Черной Африки	201
Аравийский перекресток. Эллинизм в Аравии	202
Парфия. Эллинизированное царство	204
Синкретизм парфянского искусства	205
Бактрийское царство, Индия и Китай	206
Ашока и греки	207
Греко-бактрийские и греко-индийские царства	209
Евразийская цивилизация	212
Торговля между эллинистическим миром и Индией	215
Греко-буддийское и греко-бактрийское искусство	218
Интеллектуальные контакты	221
Греки, азиатские степи и Китай	222
Комментарии	227
Литература	238
Г. А. Кошеленко. Послесловие	239

Научное издание
Левей Пьер
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ МИР

Редактор Р. Г. Стороженко
Младший редактор М. С. Грикурова
Художник В. Г. Дударев
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор В. П. Стуковнина
Корректор А. В. Шандер

ИБ М 15822

Сдано в набор 11.11.88.
Подписано к печати 26.06.89, Формат 84x108733
Бумага типографская «М 2»
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая. Усл. п. л. 13,44+0,84 вкладка
Усл. кр.-отт, 14,91, Уч.-изд, л. 15,32
Тираж 65 000 экз. Изд. М 6599. Зан. № 2500
Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

На первой странице обложки Голова парфянского царя из святилища в Шами. I в. до н. э.

На четвертой странице обложки; Египетские сцены. Фрагмент мозаики из храма Фортуны в Пренесте. I в. н. э.